

"Реализация"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

...Штукин обманул Юнгера. Не было никакого разговора с опером из «управы», работающим «под Ильяхиным». У Валеры был разговор с самим Ильяхиным – долгий и местами крайне неприятный для них обоих...

Если бы эта встреча нашла свое отражение в официальных документах, то она была бы обозначена как «очередная» и «прошедшая на КК [1] ». Но Ильяхин официально регистрировать встречу не стал. Он, вообще, не любил такую писанину – во-первых, очень трудно писать не то, что было на самом деле (а писать правду – это просто сумасшествие), а во-вторых, даже если и просто писать абы что, но столько, сколько положено, – все равно утонешь в бумагах, которые будешь составлять по 25 часов в сутки. На практике как из положения обычно выходят: «подпрягается» какой-нибудь молодой, но дотошный сотрудник, который и оформляет аккуратно всю «липу» с нескольких устных указаний руководителя. Потом пройдет лет двадцать, кто-нибудь начнет листать дело и будет восхищаться оперативной драматургией, выраженной красивыми фразами с утраченными уже канцелярскими оборотами. И этот «кто-то», конечно же, не поймет, что на самом деле все было совсем не так...

Ильяхину как-то раз попали в руки архивные документы с подписями самого Судоплатова [2] . Полковник зачитался и аж языком зацокал от удовольствия: «Умели же работать, черти!» А потом Виталий Петрович пораскинул мозгами и подумал: «А может быть, просто такая же красивая "липа", как и у меня? Кто его теперь узнает, как оно "в натуре"-то было – поди, проверь...»

Да, так вот, эта встреча со Штукиным, которая, будучи официально зарегистрированной, описывалась бы как состоявшаяся на КК, на самом деле проходила в обычном кафе – правда, не самом модном и тусовочном, зато чистом и тихом.

Виталий Петрович встретил Валерия улыбкой, встал со стула, шагнул вперед и протянул руку. После рукопожатия полковник еще и похлопал левой рукой Штукина по плечу. И не то чтобы полковник совсем уж лицедействовал, но элемент навыка в избранной им манере, конечно, был.

Ведь во время таких мероприятий, как контрольная встреча, грамотный руководитель всегда старается создать теплую, товарищескую атмосферу, которая лишней раз подчеркивала бы для исполнителя важность его миссии, свидетельствовала бы о том, что его помнят и ценят. Но и обвинить Виталия Петровича в полной неискренности тоже было бы неправильно: он и в самом деле переживал за Штукина. Понимал, конечно, что опер не в банде Горбатого, и что в случае расшифровки вряд ли ему грозит лютая смерть, но понимал и то, что Валере все равно очень тяжело. Актеру и два-то часа на сцене тяжело играть, а если – неделю? А месяц?

У отца Ильяхина был друг, старый чекист, который разведшколу окончил еще в 1946 году. В 1954 году его заслали с заданием в Грецию, где он через полтора месяца «провалился» и получил 25 лет тюрьмы. Отсидел он там 18 лет, а потом его отдали – так просто, потому что в Греции он уже был никому не нужен и не интересен. Так вот: этот чекист рассказывал, что самое трудное в профессии разведчика годами актерствовать: на работе, в такси, в постели с женщинами – любимыми и не очень. Старый чекист признался, что даже в тюрьме, где он уже никого не интересовал, он долго не мог избавиться от этой манеры...

Штукин и Ильяхин сели за столик, и полковник заказал два эспрессо. Пока несли кофе, они долго молча рассматривали друг друга, а потом Валера без улыбки вдруг затараторил

шепотом:

Опасаясь контрразведки,
Избегая жизни светской,
Под бандитским псевдонимом
Мистер Джон Валерий Штук
Вечно в кожаных перчатках,
Чтоб не делать отпечатков,
Жил в гостинице бандитской
Не бандюга, а «урюк» [3] .

Окончив декламацию, Штукин поднял воротник джинсовой куртки и начал с утрированной подозрительностью озираться.

Полковник усмехнулся:

- А почему «урюк»?

Валера развел руками:

- Для рифмы, в основном. Да и... «Урюк» я и есть...

Ильюхин вскинул брови:

- Что ж так мрачно? Или в чем-то... просчитался пресловутый мистер Пек? [4]

Валера чуть скривил губы, быстро прикурил и помахал в воздухе зажженной сигаретой, разгоняя дым:

- Не мрачно, но... Как вам сказать, товарищ полковник...

- Скажи, как есть.

- Скажу. А вы уверены, что я попал в ОПС? [5]

- В каком смысле?

- В человеческом, то есть в прямом, но не официальном.

Виталий Петрович прищурился:

- Твои сомнения относительно прилагаемой к ним аббревиатуры касаются слова «преступное» или «сообщество»? Или «организованное»?

Штукин легко закинул ногу на ногу и непринужденно, почти светски, улыбнулся:

- Организованности у них и государство занять может. Сообщество - конечно, есть, они связаны интересами и, вообще, жизнью, но вот насчет всякого такого преступного... Я, конечно, среди них совсем еще не старожил, но...

Валера чуть запнулся, и полковник подбодрил его:

- Ты говори, говори... Как есть - не стесняйся.

Штукин пожал плечами:

- Если не стесняюсь, - то люди там достойные. Симпатичные. Я отрицательных эмоций гораздо больше получил на легальной работе. Прошу отметить и доложить в воспитательный отдел!

«Осмелел», - подумал про себя Ильюхин, однако вслух ничего не сказал, лишь головой покачал.

Валера тем временем практически залпом опрокинул в себя чашечку принесенного официанткой кофе и остро глянул прямо в глаза полковнику:

- А если серьезно, то все, что я вам только что сказал, - серьезно.

Ильюхин долго не отвечал, размешивая сахар в своей чашечке, а потом, спрятав улыбку, тихо предложил:

- Ну, если серьезный разговор пошел... Тогда расскажи и о себе.

Штукин сразу же насторожился, почуяв неладное, и вспомнил о случившейся на озере трагедии. А о чем он еще мог сразу подумать? Правда, было непонятно - откуда об этом может знать Ильюхин...

Полковник ждал. Валера нахмурился и пошел на обострение:

1

КК - конспиративная квартира.

2

Генерал Судоплатов - руководил специальными операциями НКВД СССР.

3

Штукин пародирует известную песню Высоцкого о «мистере Джоне Ланкастере Пеке».

4

Ильюхин цитирует ту же песню Высоцкого.

5

Организованное преступное сообщество.

- Если что-то не так, то давайте напрямую!

Ильюхин взгляд не отвел, усмехнулся жестко:

- Если труп - это «если что-то не так», то боюсь подумать, что такое «если дело труба»... И учти - все твои слова, будто тебя к стенке припирают, - это неправильно... Не нужен этот налет. Поговорим спокойно. Тему все равно не закрыть.

- Не понял. - Валера аж побледнел, подумав о том, что расследованию истории на озере дан официальный ход и информацией о случившемся владеет не его куратор Ильюхин, а полковник Ильюхин, как представитель государства.

Виталий Петрович, уловив этот нюанс его размышлений, чуть качнул головой:

- Я имею в виду, что тему эту не закрыть в нашем с тобой разговоре.

- Хорошо, - шумно выдохнул воздух Штукин. - Вам я готов рассказать. Более того - объяснить. И даже оправдаться.

- А другим?

- А с другими - не считаю нужным это обсуждать. Более того, зная, как устроено наше государство, считаю разговор о Николенко смешным.

Произнеся фамилию, Валера впился глазами в лицо полковника, проверяя себя, и по реакции Ильюхина понял, что не ошибся - Виталий Петрович именно эту тему и имел в виду. Но откуда он узнал?

Полковник между тем отхлебнул кофе и аккуратно поставил чашку обратно на блюдце:

- Чего же тут смешного?

Штукин зло дернул щекой:

- Знаете, я много раз говорил жуликам: «Сознайся - лучше будет!» При этом я им не говорил - для кого именно это будет лучше...

Ильюхин закурил и сказал спокойно, словно просто констатировал:

- Ты меняешься.

- Не надо! - занервничал Валера. - Ни хрена, извините за выражение, я не меняюсь. И не мутирую. Просто наконец-то я приобрел редкую возможность говорить про нашу жизнь так, как она есть.

Виталий Петрович хмыкнул:

- А мне оставишь возможность не согласиться с тобой?

Штукин задумался, потом шмыгнул носом и, отвечая, уже чуть сбавил тон:

- Не надо иронизировать. Вы прекрасно знаете, что ваше мнение для меня отнюдь не пустой звук.

- Спасибо. Ну, а раз так, то расскажи, пожалуйста, как все случилось...

Валера опустил голову, потом быстро вскинул ее и заговорил очень быстрым, почти горячечным шепотом:

- Случилось, как в дурацкой книге: мы поехали на озеро. У нас только-только кое-что намечилось в отношениях. Ну, и... На озере и сами отношения... ну, в смысле - близкие... завязались. Место там тихое, без людей. Романтика. Плескались, обнимались. И никакой ссоры между нами не было. Просто потом Зое побаловаться захотелось. Игра такая идиотская началась. И тут же закончилась. А я, сука, никогда ей не говорил, что я пловец классный. Я - никакой пловец. Не уют, конечно. Но в шторм утону, как все. А она, идиотка, сзади меня за шею... А там глубина... Может, и не такая уж большая. Но я так и не донырнул потом до дна... Я воды хлебнул и стал дергаться... Наверное, задел ее, но куда ткнул, как попал - не помню... Я что помню? Десять секунд - и я ее не вижу! Я - нырять. Какое там... В воде ни черта не видеть, и я же не из ПДСС, как Ермилов. Начал задыхаться. Еле на берег выполз. И все. Извините за цинизм, но нет в моих действиях ничего... Но я об этом никому, кроме вас, и говорить-то не собираюсь! Потому что все равно выходит, будто я оправдываюсь. Будто я подонок, и если и не утопил, то бросил в беде. А я никого не бросал. Я ушел тогда, когда и Шойгу со всем своим МЧС не справился бы. И что мне потом делать было? Орать: граждане, возбуждайте дело, проводите расследование, не верьте мне, подержите меня в камере месяца два с половиной и выпустите потом с клеймом театрального мерзавца?!

Штукин наконец-то прервал свой монолог и чуть подрагивающими пальцами вытащил из пачки новую сигарету. Полковник, нахмурившись, водил указательным пальцем по скатерти:

- Да... осадок, конечно, неприятный...

Валера даже слегка подскочил на стуле:

- Неприятный? Да это страшный сон, а не осадок...

Они помолчали, а потом Ильяхин задал новый вопрос:

- Ну, а что там с картинками какими-то?...

Штукин усмехнулся и понимающе кивнул:

- А, даже вон оно как... И про картинку тоже... Мотив, стало быть, увидели?

Полковник устало покачал головой:

- Это не я так думаю.

- А кто?

Виталий Петрович ничего не ответил, и Штукин снова усмехнулся:

- Картинки... Ну, оставил их у меня один мудило, прежде чем по Владимирке почапать, а потом сам, видимо, и замутил канитель. Знал бы я о их ценности - так что, стал бы его в камеру пристраивать?! Откусил бы долю - и разбежались бы... Что, не знаете, как это делается?!

- Знаю, но не делал.

- Да бросьте вы, Виталий Петрович, – махнул рукой Валера. – Мы же не в воспитательном отделе! У нас опера получают по сто пятьдесят долларов, а живут минимум на 500-600! И все честные... Каждый день каждый мусор думает как, что и где украсть!

- Каждый?

- Каждый! Только в отделениях воруют при шмонах на малинах и отпускают налетчиков. А в управлениях крышуют рестораны и отпускают черт знает кого! А поставые – грабят. А участковые... Да что я митингую?! Я все это видел и трогал своими руками. И человек, который меня уверяет, что все это только отщепенцы, – он либо наивен, либо не хочет со мной откровенно говорить...

Полковник очень грустно и совсем устало улыбнулся:

- И что... других совсем нет?

- Есть!! Ильюхин!!! И он такой один!

- М-да...

После долгой, очень долгой паузы Валера уже почти спокойно и даже чуть виновато пробормотал:

- Ну, вы же сами хотели, чтобы я говорил то, что думаю.

- Конечно, – кивнул Виталий Петрович. – Ты знаешь, у меня такое ощущение, что вот это все мне бы хотели сказать и еще десятки других людей. Но они почему-то не говорят. Печально. Лучше, когда говорят.

Штукин язвительно ощерился:

- Смотря что говорят. Иногда лучше жевать, чем говорить! Я тут недавно видел выступление по телевизору руководителя УСБ. Он все обещал ряды чистить. Никто не спорит – дело нужное, дело хорошее. Так вот: я обратил внимание на его часы. Они стоят двадцать семь тысяч долларов. Я проверял, у Юнгера такие же. Они, наверное, вместе в очереди за ними стояли. У него даже не хватило ума на полчаса нацепить «командирские» часы! Что я говорю не так?

Ильюхин не смог подавить вздох:

- Так-то все так... Однако, Валера, для меня это все равно ни хера не довод.

Валерий опустил взгляд в стол и вяло, совсем уже не желая спорить, не согласился:

- А для меня – довод. Конечно... Давайте ловить участкового за ящик колбасы. А другие пусть ловят министра за колбасный завод. Вот только хотелось бы хоть краем глаза на этих «других» глянуть – есть они или нет? Может, они, мои коллеги-«внедренцы», маскируются до поры? А потом как накроют всех панамой – разом... Вот уж заживем тогда – честно, чисто, опрятно...

- Хорош, – прервал его полковник. – Я тебя понимаю. Но и ты-то сам... У тебя тоже получается, что кругом ты прав – и с Николенко, и с картинами...

- А я за свою неправоту перед собой и ответил. За Николенко. А на картинки эти - мне тьфу и растереть. Могу вам сдать, могу почтой в Русский музей отправить... Чтобы они там сгнили в их спецхранах... А все остальное - пусть государство доказывает, то, которое часы по 27 тысяч долларов носит.

- Все?

- Все.

- Нет, Валера, не все. Есть один ма-аленький такой нюансик. Это я.

- В каком смысле вы?

- В прямом. Мы с тобой не только официальными бумагами связаны. И ты это хорошо понимаешь. Я вправе был рассчитывать на твою большую... не знаю, как и сказать, - откровенность - это не совсем точное слово в такой ситуации. На доверие, наверное. Если уж ты попал в такое говно - то почему же сразу на меня не вышел? Почему я должен узнавать всю эту трихомудию от... третьих лиц?

Штукин опустил голову, полковник помолчал, не дождался ответа и продолжил:

- Чего молчишь? Думал, само рассосется?

Валера яростно залез пятерней себе в волосы и начал их нервно крутить на пальцах:

- Где-то так... Хотя, конечно, до определенного момента... Потом я уже не думал, что рассосется, но...

- Это с какого же такого момента? - поинтересовался Ильяхин.

- Да с того, как с опером пацапался, который на мое место пришел. Он-то ниточку и зацепил, хоть и салага зеленый... У него стимул был надорваться. Зоя, она до того, как со мной, - с ним... В общем, тут такое общежитие получилось... Трудно, товарищ полковник, таким-то вот бельем трясти...

Валера вдруг поднял глаза, в которых промелькнула догадка:

- Виталий Петрович, а не Якушев ли вам всю эту драму поведал? Кроме него, ведь темой-то особо никто не занимался... Или он уже всем раззвонил?

Ильяхин негромко, но твердо прихлопнул по столу ладонью:

- Он не раззвонил. И зря ты так об этом парне. То, что он ко мне пришел со своими сомнениями и со своей болью - это твое счастье. И дальше эта тема не пойдет. А могла бы. У нас с ним очень тяжелый разговор был. Повторяю - счастье, что парень нормальный, свой оказался.

- Свой? - хмыкнул было Штукин и тут же прикусил язык.

В раздражении Валера чуть было не проговорился относительно того, какой Якушев «свой». Но сдавать Егора ему было никак нельзя - ведь если Ильяхину рассказать обо всем, о сцене у озера в имении у Юнгера, тогда получится, что те, к кому его внедрились узнали всю историю с гибелью Николенко раньше куратора... А это - еще один «косяк». Не хотелось Штукину признаваться, что Юнгеров его уже воспитывал - за то же самое. Даже слова похожие

употреблял... А объясни сейчас полковнику, кто такой Якушев на самом деле, - ясно же будет, что Юнгеров с компанией в курсе всей темы... Справедливости ради нужно отметить, что этот мотив не был для Штукина единственным, чтобы не объяснять Ильюхину, насколько Егор «свой». Валера все же чувствовал какую-то свою вину перед парнем. Злился, не мог эту вину сформулировать, не соглашался с ней, но - в глубине души все же чувствовал...

Задумавшись, Штукин не расслышал вопроса полковника, и тот был вынужден повторить его:

- А чем же тебе, спрашиваю, Якушев не свой?

Валера постарался усмехнуться как можно более естественно:

- Да салага он... Выпускник юрфака. Не дорос еще просто до «своего».

- Дорастет, - спокойно парировал Ильюхин. - Задатки есть. А насчет юрфака - что это ты замужиковствовал? Прямо как камергер Митрич из «Золотого тельца». Или у тебя комплексы по поводу собственной недостаточной грамотности? Я, кстати, тоже юрфак закончил. И ничего.

- Как сказать, - повел бровью Штукин. - Вот для Крылова вы и не будете своим. По многим причинам, но и из-за Петербургского университета - тоже. Что, не так?

- Уел, - полковник поднял руки, показывая, что сдается, и предложил: - Ладно... Считаем, что проехали. Забыть - не предлагаю, такие вещи, наоборот, помнить надо, чтоб правильные выводы сделать... Но проехали...

- Забудешь тут, - заворчал было Штукин, но Ильюхин пошлепал ладонью по столу:

- Все. Не будем уставать, пережевывая все во второй раз. Давай-ка, брат, рассказывай о своей непосредственной работе.

Валера потер пальцами себе виски, пряча в локтях выдох облегчения и, постарался сконцентрироваться:

- Так, а что рассказывать-то... Внешне они, как я уже говорил, ни на какое ОПС не похожи...

- Тем более - рассказывай. Лучше, когда вот так ошибаются, чем когда начинают пургу гнать.

Штукин склонил голову к плечу и прищурился:

- Это вы насчет ОПС - что я, дескать, ошибаюсь? Есть: ошибаюсь!

- Валера!

Штукин понял, что и у ангельского терпения Ильюхина есть предел, и перестал фиглярствовать, перейдя к четкому и серьезному описанию своих впечатлений в мелких деталях. Строго говоря, то, что он рассказывал, трудно было назвать информацией. Валера рассказывал об атмосфере, об оттенках и нюансах. Несколько раз Ильюхин перебивал его уточняющими вопросами, и по лицу полковника было трудно понять, доволен ли он ответами. Больше всего, как показалось Штукину, Виталия Петровича заинтересовало то, что в окружении Юнгера, говоря о расстреле в лифте, часто вспоминают Гамерника - однако именно по этому поводу дополнительных вопросов почему-то не последовало. Заканчивая свой рассказ, Валера протянул Ильюхину смятый и сложенный вчетверо лист бумаги, который

достал из заднего кармана джинсов:

- Тут я записывал данные людей, их функции, телефоны. Связи... также номера автомашин. Правда, думаю, что все это они никак не скрывают и сами.

- Не скрывают, - кивнул Ильюхин. - Но передать все это мне в сведенном виде - вряд ли бы согласились. Поэтому ты бы, брат, поаккуратнее как-то... Ты такие бумажки с собой в карманах так просто не таскай. Случайность - это дело такое...

Штукин пожал плечами:

- Я понимаю... Но в разведшколе «Абвер-Рига-2-2» я не учился и потому более четырех телефонов подряд запомнить просто не в состоянии.

Ильюхин собрал морщинки вокруг глаз - и ими только и улыбнулся:

- Не учился, говоришь? А нервы в критических ситуациях именно такие, как у выпускников этой школы.

- Совпадение, - отрекся Валера. - Мамой клянусь.

- Вот тут верно.

Полковник замолчал, потом неторопливо закурил сигарету, видно было, что он хочет сказать еще что-то. Штукин никак не стал проявлять свое любопытство, дождался, пока Виталий Петрович сам вернулся к волновавшему его вопросу:

- Вот я о чем еще поговорить хочу, и уже мимо шуток... Значит, для окружения Юнгера причастность Гамерника к вашему расстрелу не такая уж и тайна?

Валера напрягся: таких формулировок в его рассказе не было, он это точно помнил. А Ильюхин добавил, будто с самим собой разговаривал:

- А ведь и правда, воняет от этого Гамерника...

Штукин осторожно кашлянул, но Виталий Петрович словно бы продолжал грезить:

- Главное, чтобы эта вонь не стала естественной средой, а то недавно совсем...

Полковник осекся, посмотрел на Штукина и потер лоб пальцами, которыми еще и сигарету держал. Валера вдруг по-настоящему разволновался:

- А что случилось-то, товарищ полковник? Я ничего не понял про вонь и естественную среду.

- А... - махнул рукой Ильюхин, и столбик пепла с сигареты упал прямо на стол: - Заехал тут недавно я на одно место убийства. Ну, труп там пролежал уже суток пять, атмосферу ты представляешь. А опер из РУВД ходит по квартире и стаканчик мороженого - черносмородинового - лижет. Сказал, что по дороге купил... Конечно, они привыкли, и я уж точно привык... Но - неправильно это! Понимаешь?! Неправильно!

Странное дело, полковник вышел из себя больше, чем когда шел очень тяжелый разговор о случае с Николенко. Валера облизал пересохшие губы и осторожно поинтересовался:

- Виталий Петрович, вы не переживайте так... Насчет мороженого... Я тут с вами солидарен... Я вот только не понял, причем тут Гамерник?

Ильюхин ничего не ответил, будто и не слышал вопроса вовсе. Вместо ответа он сам спросил:

- Значит, вокруг тебя симпатичные интересные люди?

Штукин кивнул:

- Люди серьезные. И не столько симпатичные, сколько обаятельные.

- Я это предвидел. - Полковник старался говорить сдержанно, но все же совсем скрыть неудовольствие не смог. - Охмуряют тебя! Кто больше старается?

Валерка покачал головой:

- Да они не стараются, они просто - живут естественно, не строят из себя, смеются громко, орут громко, если ругаются...

- Все? Вот прям все такие?

- Н... ну... не все, наверное...

- А злобные есть? Или одни только юные натуралисты?

Штукин думал всего секунду:

- Есть такой - Ермилов. Он - правая рука Юнкерса. Но он не злобный. Он безразличный и злой. И у него такое чувство юмора, как перед расстрелом. Они его все очень уважают, но... Не очень любят. Хотя и своим считают. Я вам уже рассказывал о нем - он бывший офицер, служил под водой, но не на лодке. Сам рассказывал, что во время службы заставлял матросов дельфинов убивать.

Ильюхин сделал вид, что не услышал о дельфинах:

- Ну, чего тут такого особенного: многие офицеры после службы озлобились. Тем более - флотские...

Валера потряс головой:

- Нет, он не обычный флотский офицер, он служил в диверсионных войсках, но под водой.

- Да, ты говорил, ПДСС, кажется?

- Ага. Так вот: он сидит, телевизор смотрит - что-нибудь, без разницы, а потом вдруг как скажет что-нибудь - совсем бывшему офицеру несвойственное... Они, по-моему, его большим бандитом, чем себя, иногда считают... Тут как-то у Юнгера в доме по телевизору про Горбачева рассказывали, а Ермилов слушал, слушал, а потом тихо так и говорит: «Нас бы попросили, мы бы всех коммунок тихонько перерезали». Я удивился, спрашиваю: «Зачем?» А он засмеялся и частушку запел: «Пароход плывет, волны с пристани, будем рыбу кормить коммунистами!» А через пять минут может сталинский марш запеть... Вот он такой... Если честно - страшный он. Он легко убьет, причем любого - независимо от возраста и пола. И при этом он совсем не дурак, а наоборот, очень даже умный. Я один раз случайно стал свидетелем его перепалки с Денисом, который нервно так спросил: «Ты что, мне не веришь? Мне?!» А

Ермилов отвечает: «Если я всем верить буду, то меня надо рассчитать!» Денис как схватит его за грудки: «Я что, – все?!» А Ермилов ему спокойно так палец вывернул, аж скрючило Дениса, который совсем не фантик, и шепчет: «Чем больше я тебе не верю, тем спокойнее тебе спать!» Вот такой этот Ермилов... Я не знаю, как к нему отношусь...

Виталий Петрович размеренно закивал, словно речь шла о том, что ему было хорошо известно:

- Понял я, Валера, понял... Я ведь постарше тебя, поэтому таких Ермиловых редко, но доводилось встречать. Ты, кстати, запомни на будущее – они самые преданные люди, но, когда Красная Армия войдет в Берлин, они своим боссам тихонечко финки под ребра вгонят и, единственные, красиво и спокойно уйдут...

Штукин несогласно мотнул головой:

- Юнгеров под финку не подставится. По крайней мере, подловить его будет сложно. Он нутром людей чувствует, и не только их породу, но и сиюминутные настроения, эмоции... В нем очень много энергии, жизненной силы...

- И в чем же это выражается?

- Да в том, как он живет! Вот едет он, допустим, в администрацию района – весь такой в костюме, в галстук за пятьсот долларов, а на его объекте рыбу мороженую как-то не так разгружают. Так он врывается на склад, как комдив, и орет: «А если я за пятнадцать минут один шаланду разгрузю – могу тогда по харям вам надавать?!» Все молчат. А он разгружает – весь в рыбе, потом залезает под холодную струю на мойке, хватает в этом же универсаме чуть ли не с витрины новый костюм и рубашку и орет директору: «За твой счет!» И только после этого всего уматывает к главе администрации.

Ильюхин улыбнулся:

- Действительно, симпатичным он у тебя получается... На такого, чтобы завалить – китобойный гарпун нужен...

Валерка сузил глаза и спросил негромко, но жестко:

- Кому?

Странно, но полковник взгляд не выдержал, глаза отвел и пробормотал в сторону:

- Кому, кому... Гамернику в том числе...

Штукин взгляд не отводил, но молчал, понимал, что все равно ничего из Ильюхина не вытрясет. Захочет – сам скажет. Не захочет – бесполезно пытаться.

- Гамернику в том числе, – повторил Виталий Петрович, а потом вдруг махнул рукой и добавил: - Ведь я, Валера, все-таки узнал, кто вас расстреливал, где они живут и кто они такие.

На мгновение Валерке показалось, что в кафе вдруг стало очень тихо – просто его сердце заколотилось так громко, что перекрыло все остальные звуки. Штукин облилиз пересохшие губы и качнулся вперед:

- Хотелось бы на этих товарищей хоть одним глазом взглянуть...

- Кому? - вернул Ильюхин вопрос Валере - с той же самой интонацией.

Штукин, однако, даже и не заметил подколки:

- Взглянуть хотелось бы и мне, и Денису. Мы право имеем, ведь это они и нас расстреливали. И не их вина, что не добились. Они-то все грамотно сделали. Нас, наверное, судьба уберегла. Так что мы имеем право.

Полковник подпер щеку рукой:

- Ты, Валера, договаривай... Договаривай, что еще на них бы очень хотел и Юнгеров посмотреть - и знаешь, для чего? Я отвечаю: для того, чтобы они получили под старым дубом все, что им причитается. [6]

Штукин непонимающе потряс головой:

- Старый дуб - это просто к слову?

Ильюхин усмехнулся:

- Старый дуб - это не просто к слову, но ты не заморачивайся... И вот что я тебе еще скажу: мы тут с тобой сидим не для того, чтобы помочь кому-то с кем-то разобраться, понял?

Внезапно лицо полковника скривилось, словно от сильной зубной боли. Валерка не мог читать мысли, поэтому не узнал, что Ильюхин в этот момент подумал: «А на самом деле получается - что именно для этого и сидим, прости господи!»

Штукин снова начал нервно ерошить пальцами волосы:

- Виталий Петрович, а зачем же вы мне тогда о Гамернике-то... Я ведь тоже - человек. У меня своя счет есть!

Ильюхин ждал этот вопрос:

- Я тебя, Валера, ориентирую. Ты должен настоящей информацией обладать, чтобы лучше чувствовать, чтобы понимать по мелким оговоркам возможное развитие событий. Еще раз подчеркну: я тебе сказал об исполнителях не для того, чтобы их кому-нибудь сдавать. Знаешь, не все так плохо! О стрелках я сказал лишь для одного - чтобы подчеркнуть, что они имеют самое непосредственное отношение к Гамернику. Стало быть, у Юнкерса мыслят в правильном направлении. А информация оперативная - это не сакральное знание. Информация, как вода - где-нибудь, да просочится. И Юнгеров рано или поздно начнет отвечать Гамернику. Ну не сможет он не ответить - так ведь?

Валера посмотрел на полковника очень нехорошими глазами:

- И в чем же он будет не прав?

Ильюхин сделал вид, что не замечает этого взгляда:

- А в том, что, сделав это неуклюже, он может попасть в крайне неприятные отношения с государством... Или сам ничего не будет делать, все Ермилову поручит?

Валера медленно качнул головой:

- Нет, в этом случае он не поручит Ермилову, хотя тот, наверное, будет настаивать.
- Вот! – поднял вверх указательный палец Ильяхин. – Юнгеров захочет поступить по-человечески, а людям свойственно ошибаться, особенно когда их чувства задеты...
- Ну да, – неприятным голосом перебил полковника Валера. – Гамерник-то не попадет в неприятные отношения с государством!

Виталий Петрович нахмурился:

- Слушай, друг дорогой! Ты не забывай, что у нас с тобой есть дело, дело нешуточное, и твоя роль в этом деле ключевая, и притом редкая. Я понимаю, что тебе тяжело, что ты с живыми людьми контактишь, и видишь в них много хорошего. Это правильный настрой. Психологически правильный – видеть на участке своей работы больше позитивного. Но не наше дело – и уж точно не твое – вступаться за Юнгерова. Тем более в разборке с Гамерником. Кто там из них прав? Откуда что пошло? Живут они так... А то, что этот Гамерник гнусен – я и без твоих замечаний знал еще тогда, когда ты в школе учился. Ферштейн?

- Яволь, херр оберст! [7]

Виталий Петрович помолчал, снова потер лоб пальцами и продолжил уже более спокойно:

- Оперативные материалы я тебе показывать-листать не буду, но поверь – тех, кто вас изрешетить пытался, я знаю. Буду к себе суров: я не знаю пока, как их «приземлить» и тем более, как их официально привязать к заказу Гамерника. Этих наемников на «понял-понял» не возьмешь, они ребята серьезные.

Штукин тихо кашлянул и поднял руку, как первоклашка. Ильяхин, разрешая, кивнул, и Валера очень осторожно начал выстраивать предложение:

- А вот Ермилов бы... Он смог бы их разговорить... Денис рассказывал, что...

Полковник не дал ему договорить:

- Я надеюсь, что ты так пошутить решил. Да? Пошутил?

- Пошутил, – мрачно кивнул Штукин. – Мне, вообще, как я заметил, особенно удаются шутки на тему собственного расстрела.

Виталий Петрович одобрительно кивнул:

- Это хорошо, что ты чувства юмора не теряешь. Ничего-ничего, мы и не из таких ситуаций выходили достойно. Ты особо не гоняй, ты больше прислушивайся. В системе Юнгерова скоро возникнет такая атмосфера, когда о чем-то открыто не говорят, но все все понимают...

- Появилась уже, – заметил Штукин.

- Тем более! Значит, скоро и конкретика начнется – только определяй по косвенным признакам, как говорят наши друзья чекисты... Тебя что-то смущает?

- Есть немного...

- Что? Ты не таи, у нас же с тобой откровенный разговор...

- Виталий Петрович, я, когда в «наружке» топтал, мое дело было пороссячье, главное - за объект не думать. В отделении, когда опером был, так то же самое: мы - окопники, любое серьезное преступление - главку виднее. И сейчас - все то же самое получается...

- Это с чего же ты так решил? - удивился Ильюхин, а Штукин на его удивление только руками развел:

- Ну - как же... Вы на мое мнение о Юнгере и его людях даже внимания не обращаете. Такое ощущение, что вам не важно, кто хороший, кто плохой...

Полковник жестом подозвал официантку, чтобы попросить ее принести еще кофе, и Валерка вынужден был оборвать свою фразу. Впрочем, Ильюхин и так уловил ее смысл и постарался ответить искренне, насколько мог:

6

Полковник цитирует «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона.

7

(нем.) - так точно, господин полковник!

- Это не так. Мнение твое для меня очень важно, но это не значит, что я с ним всегда буду соглашаться. Более того - иногда буду спорить, хотя и согласился уже с ним. И вообще, в этой истории, в этой конкретной ситуации, тут как раз все от тебя и зависит. Ты там один, а нас здесь много. Это не значит, что я тебя слушаю, тупо докладываю кому-то наверх, и там наверху кто-то принимает какие-то решения... Я, кстати, если хочешь знать, в Москву еще ничего по существу и не докладывал. Туда, кроме пустых формальных бумажек, ничего и не уходило. Нечего было докладывать. А если бы и было что, то я сто раз бы еще подумал: стоит ли доложить, и если стоит - то в каком объеме и в каких деталях - чтобы, во-первых, тебя не подвести, а во-вторых - себя не подвести. Потому что я понимаю, что ты среди людей, и людей сложных, а не в среде наркоманов-налетчиков, к которым общечеловеческие ценности примеривать просто глупо...

Девушка принесла им кофе - Штукин даже удивился, как его быстро приготовили. Ильюхин быстро схватил свою чашечку, и Валера заметил, что рука полковника чуть подрагивает. Виталий Петрович отхлебнул приличный глоток, обжегся, невнятно матюгнулся и продолжил:

- И вообще... Результатом твоей работы может стать вывод, что все это сообщество должны разрабатывать не милиционеры, а налоговые службы. Может такое быть?

- Запросто! - оживился было Штукин, но Ильюхин махнул на него рукой, сиди, мол, слушай:

- Запросто - не запросто, а такой результат - тоже результат. Только выводы сами по себе не рождаются, к ним приходят. Ну, и если налоговые службы - так флаг им в руки... Но! У нас ведь есть трупы! Так? Так... И что, мы все знаем? Нет, не все, а очень поверхностно... И значит, какова цель?

Валерка даже головой помотал, чувствуя, что полковник его специально путает. Подумав, Штукин попробовал сформулировать ответ:

- Если о трупах... Значит, цель - увидеть конкретные действия Юнгера в отношении Гамерника и действия Гамерника в отношении Юнгера, зафиксировать все это - и накрыть панамой. Так?

Ильяхин улыбнулся:

- Ну, на это, конечно, трудно рассчитывать, чтоб вот так сразу всех панамой... Такие удачи только в кино и в книжках бывают...

- Тогда в чем же цель? - насутился окончательно сбитый с толку Штукин.

Полковник задумчиво повел головой, отхлебнул еще кофейку и вдруг выдал:

- Ты знаешь... теоретически, по гамбургскому счету, наша задача - заставлять Гамерников и Юнгеровых... да, да, и Юнгеровых - вести споры не привычным им способом, через двери лифта, а цивилизованным. Такая задача в обыденной милицейской работе - утопична, но в нашем конкретном мероприятии - возможна.

Валерка долго молчал и хлопал глазами, потом начал неуверенно переспрашивать:

- Это в том смысле, чтобы Юнгер на расстрел ответил бы не стрельбой, а какими-то легальными действиями? Чтобы он руками милиции попытался бы Гамерника раздавить? То есть - Гамерник будет стрелять, а Юнгер...

- А ты уверен, что Гамерник будет только стрелять?

Новый вопрос снова заставил Штукина сбиться с мысли. Ильяхин смотрел на него серьезно, не улыбаясь даже глазами.

- В каком смысле?

- Да все в том же, в прямом. Такие люди, как Гамерник, опасны тем, что для них хороши все средства - подлые и благородные, легальные и нелегальные. Они умеют сочетать, понимаешь?

- То есть... Вы хотите сказать, что Гамерник, кроме стрельбы, может попробовать еще и официальным, легальным путем нанести вред системе Юнгера?

- Конечно, Гамерник - человек широких взглядов. А вот Юнгер, боюсь, не способен выставить в ответ такую же палитру возможностей - именно потому, что он душевно здоровее. Хотя то, что он здоровее, еще не значит, что он здоров.

- А Гамерник?

- Гамерник - просто сволочь, если уж быть точным в формулировках, но это касается его природы, а не профессии. Понимаешь? Профессия-то у них с Юнгером одна. Оба они бывшие бандиты, ныне стремящиеся в олигархи.

Штукин почесал затылок:

- Ну да... Как у вас с Крыловым - тоже профессия одна...

Полковник рассмеялся, причем искренне:

- Уел. Молодец. А все правильно: Крылов – человек войны. И не потому, что неуч – дело свое он знает. Просто он искренне считает, что мир состоит из войны. Так же, как когда-то, когда он работал (а вернее – сидел) в лагере, и считал, что мир состоит из ЗЭКа, а кстати, где-то там еще есть и свободные, но это, в принципе, не очень важно, потому что ничего не меняет. Такой, знаешь ли, взгляд снайпера на дуэль Пушкина: попал, промахнулся...

- А вы, стало быть, человек мира?

Виталий Петрович пожал плечами:

- Ну, в сравнении с Крыловым – считай, что да. И кстати, именно поэтому я и вижу в качестве основной нашей с тобой задачи – недопущение резни... Но это только я так считаю. А выше меня – там другие мнения. Там полагают, что главная задача – это реализация оперативных материалов. Успех для них – это уголовное дело. А уголовное дело – проще всего именно на резне и состряпать. И будет у нас тогда сволочь Гамерник – терпилой... Ну, теперь-то понял?...

- Теперь понял, – очень тихо ответил Валера и долго молчал, пытаясь переварить услышанное. Получалось, что Ильяхин все же намекал на что-то изо всех сил, как мог... И намекал он, как это ни странно, на то, что может помочь Юнгеру и навредить Гамернику. Хотя прямо полковник так ничего и не сказал. И вообще, Штукин не был до конца уверен, что понял Ильяхина правильно.

- Виталий Петрович, – спросил наконец Валера. – Я вот стараюсь все понять, но... Почему все-таки меня к Юнгеру решили внедрять, а не к тому же Гамернику? Раз он такая сволочь?

Ильяхин скривился:

- Это он для нас с тобой – сволочь. А в Москве к нему принципиально иное отношение может быть.

- Как к белому и пушистому?

- Как к белому, пушистому и полезному.

- Даже так?

- А ты что, маленький совсем? Сам же про колбасный завод и министра тут митинговал...

Штукин достал сигарету и долго смотрел на нее, не прикуривая:

- Так что же получается... Гамерник заказывает расстрел, не по его вине я остаюсь живым, а потом меня внедряют к Юнгеру, что объективно очень полезно Гамернику.

Показалось Валерке или нет, что в глазах полковника мелькнула какая-то тень? Ильяхин потом прикрыл глаза ладонью, опять начав потирать пальцами лоб.

- М-да, – сказал Штукин, так и не дождавшись никаких комментариев, что само по себе тоже было ответом. – Интересное кино... Кстати, с точки зрения раскрытия тех трупов – конечно, правильнее было бы меня к Гамернику засылать, а не к Юнгеру... Чтобы правой рукой левое ухо не чесать... А может, к Гамернику тоже кого-то засунули?

- Сие мне неведомо, - откликнулся наконец Ильюхин. - Но я в этом сильно сомневаюсь.

- Мне б туда, - вздохнул Валерка. - Но нельзя...

Виталий Петрович аж рассмеялся:

- Жеглов ты наш... «Мне б пойти...» Внедряться понравилось?

- Очень понравилось. Непередаваемый букет ощущений.

Они еще посидели, покурили молча. Долгий разговор вымотал обоих, а некоторые вопросы все же так и оставили открытыми... И оба понимали, что при этом разговор и так шел на пределе доверительности...

...Уже перед самым уходом Штукин вдруг вспомнил кое-что, совершенно не имеющее отношения к главной теме:

- Виталий Петрович, а у вас некий Филин еще работает?

Валерка не знал, что именно Филин формально и был инициатором его внедрения, зато это знал сразу насторожившийся Ильюхин:

- А он тут причем?

Штукин зло улыбнулся:

- Он ни причем, просто так, к слову... Недавно ребята Дениса стебались, что он спит с дочерью своей любовницы, которая замужем за сотрудником его отдела...

Не ожидавший такого поворота полковник даже вздрогнул:

- Какая мерзость!

Штукин захохотал, а Виталий Петрович скривился и повторил с чувством:

- Мерзость какая!

Валера обозначил движение головой вперед - словно легкий полупоклон сделал:

- Это я к вопросу о людях, которые нас окружают... Ну, и вам, наверное, любопытно.

- Чего тут любопытного? - рассердился Ильюхин. - Меня сейчас вырвет! Мне ж с ним общаться! Ну, на хера ты мне это рассказал?

- А вы же сами говорили, что информация лишней не бывает... А это - информация точная... Подчиненный Филина жаловался одному парню Дениса, когда они вместе угнанный «гелик» распиливали.

Лицо полковника приобрело такое выражение, будто он выпил мочу. При этом в голове Виталия Петровича вдруг автоматически щелкнуло: «Так вот откуда до Филина доносилось эхо об угонах в стане Юнгерова... М-да...»

Вслух же Ильюхин сказал:

- Все! Хорошо на сегодня. Давай разбежаться. А то я после твоих «информаций» спокойно поужинать не смогу.

Они пожали друг другу руки, Валерка ушел первым. А полковник еще долго сидел над пустыми чашками и переполненной пепельницей, курил и думал.

Ильюхин ощущал какое-то смутное беспокойство, какой-то внутренний дискомфорт, но списывал его на последний, действительно случайный фрагмент разговора, коснувшийся Филина. «Вот уж действительно, прав был Штирлиц, запоминается последняя фраза...» Реакция на эту мерзость была такой сильной, что Виталий Петрович даже не понял, какую совершил ошибку, рассказав Штукину о Гамернике... Ильюхин просто не учел того обстоятельства, что Штукин - не просто представитель другого поколения, а человек, формировавшийся в принципиально иной, уже постперестроечной среде, когда догмы и стереотипы рушились настолько быстро и легко, будто и не были ни догмами, ни стереотипами. Полковник психологически не готов был даже допустить, что для Валеры при всем-всем нездоровом раскладе юнгеровская система вдруг покажется более «своей», чем родная милицейская... Виталий Петрович мерил по себе, а сам он был очень хорошим и очень советским человеком, и к милицейской системе относился так, как советского человека научили относиться к Родине - пусть уродина, но все равно самая лучшая, как мать, которую не выбирают... Полковник поделился информацией со Штукиным для того, чтобы продемонстрировать доверие и некую особую степень близости, полагая, что такой шаг будет надлежащим образом оценен. Тем более, что сделан этот шаг был после разбора явного «косяка» (да еще какого!) Валеры - если всю эту дикую историю с Николенко, вообще, можно назвать «косяком»...

Ильюхин совершил, может быть, самую серьезную ошибку за всю свою службу, совершил и не заметил, и даже, наверное, не поверил бы, если бы кто-то шепнул ему, какой кровью эта ошибка обойдется...

Затушив только что раскуренную сигарету, полковник встал и вышел из кафе. До дому он дошел пешком, решив прогуляться и проветриться. Долгая ходьба утомила и почти успокоила Виталия Петровича. Как ни странно, в эту ночь он спал глубоко и спокойно и во сне даже несколько раз улыбался...

А вот у Валерки ночь, наоборот, выдалась бессонной и нервной. Он-то к себе домой добрался в самых смятенных и раздгеранных чувствах. Тяжелыми были его мысли: «Ни фи́га себе... Ферштейн! Ни фи́га не ферштейн, если на то пошло! Интересные щи завариваются: нас убивали, известно кто, но ничего доказать нельзя, поэтому Гамерник и К° вне опасности, а если Юнгеров захочет ответить - то, конечно же, его в тюрьму! То есть, если Александр Сергеевич захочет ответить за то, что меня расстреливали - то я должен помочь посадить его! Потому что он захочет ответить по-бандитски! А как ответить по-государственному? Как иметь дело с таким государством?! С таким государством можно иметь дело, только когда жетоны в метро покупаешь! И то - продавать эти жетоны будут Филины, которых никто никогда не уволит, так как это будет вмешательством в личную жизнь...»

На Штукина волнами накатывалась какая-то холодная, безнадежная, звериная тоска. В какой-то момент ему вдруг, действительно, в буквальном смысле захотелось завывать - по-волчьи, в голос - и он даже испугался этого желания. Испугался настолько, что достал из буфета початую бутылку виски и хлобыстнул полстакана залпом, а закусил лишь сигаретным дымом.

Давно Валере не было так плохо. И пожалуй, никогда он так остро не чувствовал, не ощущал

физически своего одиночества. Не было вокруг никого, с кем бы он мог поделиться всеми своими мыслями, кому бы он мог до конца излить душу, рассказать о своих сомнениях и переживаниях. Для Штукина мир распался на три неравномерные части. Первая, самая большая, была и самой чужой – это был мир гражданских людей, которые жили своей жизнью и абсолютно ничего не понимали в уголовно-милицейских интригах. На этих людей Валерка давно уже смотрел, в каком-то смысле, как на детей – то есть не зло, но и не всерьез. Вторая часть представляла всю правоохранительную государственную машину, куда входила и родная милиция. В этой системе Валерка еще совсем недавно чувствовал себя, как рыба в воде, более того, он органично ощущал себя ее частью. А вот с недавних пор... Точнее – сразу же после расстрела в лифте, когда операция по внедрению перешла в активную фазу, не покидало Штукина поганое чувство, что система-то на самом деле выплюнула его, сдала... Да, вот такой получился парадокс: де-юре – система оказала ему огромное доверие (но знали об этом всего несколько человек), а де-факто – уволили опера Штукина, и никто на демонстрацию не вышел и голодовку не объявил... И более того, выясняется, что вся эта замечательная система – так сложилось – может лояльнее отнестись к тому, кто убивал его, Валерку, чем к тому, кто захочет отомстить, в том числе и за него, и кто олицетворяет собой самую маленькую часть мира – систему Юнгера...

С Юнгером и его людьми поговорить откровенно до конца – это, может, и не самоубийство, но сумасшествие – точно. Кто поверит, что засланный мент вдруг проникся искренней симпатией, чем-то даже похожей на влюбленность?... И со своими (если еще называть своими сотрудников милиции) – тоже не поговоришь по душам – с кем? Кроме Ильюхина, он в контакт может вступать только с начальником СКМ, а тому не до него, да и вообще... Даже если бы была официальная возможность – с кем говорить? Ильюхин – он действительно самый лучший, но даже он не понимает. Не видит, не чувствует...

После разговора с полковником Штукин утвердился в страшном выводе: Ильюхин – порядочный человек и он не бросит Валерку и не сдаст, но именно как человек, а не как представитель системы. Система-то на Штукина уже давным-давно плюнула. А теперь система снова плюет, но уже не на Валеру, а прямо в душу ему, предлагая помочь посадить человека за то, что он захочет ответить тому, кто его же, Штукина, убить пытался...

Мысли в голове Штукина ходили по кругу и все время упирались в одно и то же. Плохо было Валерке. Очень плохо и очень одиноко. Он не знал, что ему делать, потому что душа противилась тому, чтобы пакостить Юнгеру и его людям. Так сложилось, и Штукин даже не понял, как именно это произошло, что система Юнгера стала для него ассоциироваться с понятием «свои». И эти люди, действительно, готовы были быть «своими», а вот он, Штукин, знал, что он для них – чужой. Для них – чужой, и для родной милицейской системы – тоже, потому что не допускала она у своих такие мысли...

Под утро, уже одурев от алкоголя и сигарет, Валерка даже подумал было – а не рассказать ли Юнгеру все как есть? Но идею эту он тут же отбросил, как бесперспективную. Юнгер, конечно, оценит откровенность, но не более. Своим он быть перестанет тут же – по одной простой причине: нормальные люди даже очень ценных перебежчиков все равно считают предателями.

К тому же – если и перебежать открыто на ту сторону, то хотя бы с какой-то ценной информацией, имеющей перспективу практического использования. А какой информацией владел Штукин? Только о себе самом...

Забыться сном Валерке удалось только утром. Он ничего еще не решил окончательно, но знал

уже, что не хочет быть пешкой и исполнителем непонятной чужой воли. Штукин хотел как-то помочь Юнгеру, но не знал как. И себе самому он тоже очень хотел помочь – и тоже не знал, как это сделать лучше, понимая, что после драки с Якушевым и детального препарирования истории с Николенко его акции несколько упали... Засыпая, Штукин решил рассказать Юнгеру о Гамернике, но сил на то, чтобы детально это продумать, уже не хватило. Сон сморил Валерку как раз в тот момент, когда он внутренне принял решение на свою собственную игру. Осознать все последствия этого эмоционального решения Штукин не смог.

Разговор с Юнгером состоялся, но прошел он все же не совсем так, как хотелось бы Валерию. При этом он, однако, наверное, и сам бы не смог четко сформулировать – а как именно ему хотелось, чтобы прошел этот разговор... Наверное, внутреннее раздражение Штукина объяснялось тем, что он вынужден был снова врать – про опера в управе, про доверительные отношения с ним. Одна ложь порождала другую – Юнгер поверил, а поверив, немедленно захотел заплатить оперу... Как отказаться от денег? Все равно придется брать, а отдавать-то их некому (не Ильяхину же!)... Вот и получалось, что благая эта ложь рождала еще и воровство или даже хуже – крысятничество... Нет, конечно, Валерка понимал, что не оскудеет Юнгер от расставания с несколькими сотнями долларов, но дело-то было не в сумме, а в принципе. Муторно было Штукину. Он словно в потемках по болоту брел, а болото все не кончалось и не кончалось...

Единственным отрадным моментом было то, что Валера во время разговора с Юнгером остро прочувствовал его неподдельный интерес ко всему, что так или иначе связано с Гамерником. Следовательно, разрабатывая эту линию, можно было, во-первых, попробовать как-то реабилитироваться в глазах Александра Сергеевича. А во-вторых, попробовать что-то понять и сделать для себя самого – ведь, в конце-то концов, если уж совсем начистоту говорить, то неизвестно, чей личный счет к Гамернику больше: Юнгера или Штукина – при том, что Валерка даже не знаком лично был с этим «видным предпринимателем». А если бы был? Что бы это изменило? Наверное, это не столько изменило бы что-то, сколько дало бы более личностное, более адресное отношение... Да и вообще, одно из правил оперативника – если разрабатываешь кого-то, обязательно посмотри на него вживую. Постарайся подойти поближе, на дистанцию чувствования... Ну и вообще, интересно же вживую посмотреть на человека, который заказывал твой расстрел?

Так, примерно, рассуждал Валера, возвращаясь после разговора с Юнгером в Петербург. Проанализировав беседу уже неоднократно, Штукин был уверен – Юнкерс не «сглохнет», не сделает вид, что ничего не произошло, – он будет действовать. Проблема заключалась в том, что с Валерой ни он, ни его ближайшее окружение не будут делиться ни стратегическими, ни тактическими планами. Может, доверят отработать какой-нибудь мелкий эпизод – и все. А Штукину очень хотелось оказаться в эпицентре событий, это была не блажь, а насущная жизненная необходимость, независимо от выбора дальнейшего пути: передавит он в себе обиду и меланхолию и останется милицейским разведчиком – надо быть в эпицентре, чтобы владеть ценной информацией, которую нужно передавать своим; свяжет дальнейшие жизненные перспективы все-таки с империей Юнгера – тем более надо быть в эпицентре для скорейшей реабилитации и дальнейшего карьерного роста... А как предложить использовать себя более активно? Надо найти какую-то возможность приближения к Гамернику... Легко сказать, найти возможность... Тут просто посмотреть-то на него вживую – и то надо голову ломать, как это сделать...

Валера и не заметил, как за своими напряженными размышлениями въехал в центр города. Он остановился на углу Невского и Фонтанки, закурил, откинулся в кресле и, машинально разглядывая особо симпатичные женские ножки, дефилирующие в огромных количествах по главному проспекту Питера, продолжал думать: «...А с другой стороны – не так уж и сложно

выяснить, когда Гамерник приезжает из Москвы в Питер. Любой рядовой, не очень сильно пьющий оперативник за новую стиральную машину для своей жены поставит номер паспорта фигуранта в поисковую систему "Экспресс-2", которая исправно будет сообщать о всех перемещениях на транспорте между столицами да еще и выдавать данные на соседей по купе или по креслам в самолете... А когда он в Питере – где его ловить? Да либо в его офисах, либо в центре – во всех этих центровых кафе, типа "Мезонина" в Гранд-отеле, где встречаются друг с другом представители питерской элиты... да, так-то оно так, но... Не будешь же сидеть один в засаде у Гранд-отеля? Живо заметят, и начнутся вопросы со стороны службы безопасности этой гостиницы... Это в прежние времена хорошо было, когда я в наружке топтал – тогда я был не один, но и задачи были не личные, государевы...

И Ильюхина не попросишь о помощи – он сразу недоброе почувствует... Думай, Валера, думай!»

Говорят, что когда много думаешь о ком-то, то вроде как мыслями тянешь этого человека к себе. Бог его знает, работает ли это правило всегда, но, как ни странно, у Штукина получилось что-то вроде этого. А может, все объяснялось просто везением – или невезением, тут, как говорится, с какой стороны глянуть...

Вышло-то все очень просто, хотя и абсолютно неожиданно. Позже Штукин даже не смог вспомнить, за каким лядом он вышел из машины и поперся в «Книжную лавку писателя». Особым любителем книг Валера не был, библиографическими редкостями не интересовался – но что-то его же привело в этот магазинчик? Наитие, интуиция? Кто его знает...

Зайдя в магазин, Валера подошел к прилавку и долго рассеянно рассматривал корешки томов в отделе «старой книги». Думал он при этом все о своем, потом взгляд его зацепился за что-то, и Штукин попросил продавщицу показать ему один том. Немолодая женщина молча достала книгу с полки и протянула Валере. Штукин раскрыл толстый том и вздрогнул: книга называлась «Провокатор Роман Малиновский». Валера усмехнулся про себя и подумал: «Так скоро я поверю еще и в гадание на кофейной гуще... М-да... Провокатор... А я – я даже не агент, я – спецгент, как в ФБР! И я не доносительством занимаюсь, а провожу спецоперацию – как тот хирург, который сам себя режет!...» Штукин захлопнул книгу и почувствовал, что его вдруг кто-то начинает отжимать от прилавка.

Валера покосился через левое плечо и увидел молодого откормленного парня с «лапшой» в ухе, который изображал из себя телохранителя. Изображал, надо сказать, старательно, но как-то неуклюже, почти карикатурно. Что же касается самого подлежащего охране тела, то оно находилось неподалеку и рассматривало «Историю искусств» Грабаря.

Штукин и не подумал подвинуться, вместо этого он, демонстративно листая свою книгу, внятно сказал:

– Юноша, вы бы вместо слухового аппарата надели бы лучше линзы!

Охранник, судя по всему, даже не понял, что реплика адресована именно ему – что уж говорить о заложенной в ней насмешке. «Бодигард» надавил плечом еще сильнее, и Валера, взорвавшись, по-простому пихнул его в ответ:

– Ты чо?! Заблудился?!

Не ожидавший сопротивления охранитель тела удивленно вытаращился на Штукина и заморгал. Наверное, он растерялся. Судя по всему, он считал своего шефа настолько крутой

фигурой, что всякая мелкая шелупонь, типа каких-то магазинных посетителей, должна была сама собой куда-то деваться, освобождая место. Наверное, обыкновенно так и происходило – и вдруг – сбой в программе.

Валера очень быстро понял, что с охранником разговаривать бессмысленно, но гонор не позволил ему просто взять и отойти. Штукин обратился непосредственно к охраняемому:

- Товарищ! Это ничего, что я зашел в магазин?

«Товарищ» недовольно глянул в сторону Валеры и поймал его ровный, готовый к конфликту взгляд. Охраняемая персона явно умела соображать быстрее, чем охранник, тут же одернутый:

- Николай! Отойди.

Охранник, ворча что-то нечленораздельное, отлип от Валеры и отошел ближе к своему шефу.

Штукин удовлетворенно хмыкнул и снова уткнулся в книгу, будто действительно читал ее. «Что-то рожа у этого товарища знакомая», – подумалось Валерии. «Где-то я его уже видел... Где?»

И тут Штукин вспомнил, где видел это лицо, – на снимках, в «Интернете». Это был Гамерник собственной персоной. «Вот так-так!» – Валерку аж жаром обдало. Не склонный к мистике и к вере в роковые совпадения, он все же усмотрел в этой встрече некий знак. Правда, произнести даже про себя такое словосочетание, как «перст судьбы», Штукин бы все равно постеснялся.

И снова в Валерке мгновенно ожили все навыки и инстинкты сотрудника службы наружного наблюдения. Практически не раздумывая, Штукин решил «протащить» Гамерника по городу и довести до «адреса». Зачем? Валера не знал еще ответа на этот вопрос, но чувствовал – надо. Может пригодиться.

«Протащить» Гамерника оказалось не очень трудно – повезло, что не было пробок. Водитель Гамерника все время «собирал помидоры», а Штукин проходил перекрестки под мигающий желтый сигнал. В конце концов «мерседес» Гамерника остановился у обыкновенного офиса без таблички на Греческом проспекте.

Окна на первом этаже позволили Валере увидеть, что Гамерник приехал именно к себе, а не с визитом к кому-нибудь из своих знакомых.

Валерка побродил вокруг крыльца, срисовал на всякий случай номера припаркованных неподалеку автомобилей и уселся на лавочку. Закурив, он попробовал собрать мысли в кучу, хотя это было и нелегко: «Ну что, тебе все повидаться хотелось... Повидался? Легче стало?»

Как ни странно, но ему действительно вдруг стало чуточку легче, и Штукин даже не понял, из-за чего. словно бы в темноте вдруг какой-то лучик замигал... Валера почувствовал приближение какой-то идеи, какой-то интересной мысли, реализация которой может круто изменить ситуацию. Штукин даже испугался, что вот сейчас каким-нибудь неосторожным движением спугнет эту не до конца еще оформившуюся мысль, и она убежит, и он не сможет ее вернуть. Валера сам улыбнулся этой своей опаске и подумал – увидит кто-то со стороны, точно скажет – псих, мол, то хмурится, то лыбится...

А между тем пришедшая ему в голову идея постепенно становилась все более и более отчетливой, обрастая деталями и делясь на разные варианты реализации. И осуществление этой идеи вдруг показалось Штукину настолько простым, что он едва не шагнул к двери офиса

Гамерника... Но все-таки не шагнул. Валерка затоптал окурок ботинком, встал с лавочки и вслух сказал:

- Раз, два, три, четыре, пять - я иду искать!

Две проходившие мимо школьницы с ранцами удивленно посмотрели на него - Штукин подмигнул им в ответ. Но, видимо, выражение лица его не соответствовало веселому подмигиванию, потому что девчонки, не стовариваясь, бросились бежать к дому. Впрочем, Валерка этого даже не заметил. Быстрым шагом он дошел до своей машины, но перед тем, как сесть в нее, еще раз посмотрел на установленный офис Гамерника. Там за окнами мелькали какие-то тени. Штукин зло прищурился и тихо сказал себе под нос:

- Доброй вам ночи, господин Гамерник. До свидания - надеюсь, до очень скорого свидания...

Он сел в машину и быстро уехал.

В тот вечер Штукин лег спать раньше обычного и спал всю ночь глубоким крепким сном без сновидений. Такой хороший сон объяснялся предыдущей бессонной ночью, с одной стороны, и хорошей, как полагал Валера, идеей, которая пришла ему в голову.

Учитывая все в скором времени развернувшиеся трагические события, конечно, трудно считать идею Штукина однозначно хорошей, но что-то оригинальное в ней и впрямь было... А придумал Валера - ни много ни мало - взять и «предложиться» Гамернику. Сказать ему - мол, так и так, дядя, - ты Юнгерова ненавидишь, со свету его сжить хочешь, а я у Юнкерса служу, а потому могу быть тебе чудовищно полезен, если ты мне объяснишь, почему мне выгодно быть тебе полезным... И ход-подход к Гамернику Штукин увидел нестандартный, необычный, такой, на который вполне мог бы повестись этот прожженный и насквозь циничный человек... Ход был настолько, с точки зрения Валеры, красивым, что он еле удержался у офиса Гамерника от того, чтобы не сделать его немедленно... А ведь, пожалуй, и сделал бы - одно только его остановило: понимал Штукин, что шанс на неудачу все же есть, и если все пойдет не так, как ему хотелось бы, то... То Юнгеров обо всем этом узнает очень быстро и уже точно не простит такой самодеятельности. И даже не только не простит - а спишет в «отряд дебилоидов» - так он называл людей очень амбициозных и не очень умных, то есть совсем неинтересных... А вот если Юнгеров сам даст санкцию на такую игру - тогда совсем другое дело... Дело оставалось за малым - всего-навсего убедить Юнкерса... И даже не убедить, а заразить этой идеей Александра Сергеевича.

Наутро Штукин первым делом позвонил Денису:

- Здорово, это Валера.

- И ты не хворай!

- Денис, я вот с каким вопросом: ты не знаешь, Александр Сергеевич сегодня будет у себя в имении или?...

- Стесняюсь спросить, Валера, а в чем причина такого любопытства?

Валера постарался как можно более естественно рассмеяться:

- В тот раз, когда они с Ермиловым меня драли и воспитывали, Александр Сергеевич задал мне один интересовавший его личный вопрос. Тогда я не знал ответа, а вчера постарался - и узнал.

Вот мне и надо его озвучить. Если бы это не было связано именно с личными моментами, я бы просто напечатал короткую справочку на листе бумаги и отдал бы тебе для последующей передачи шефу, но... Тут именно что личный момент и скорее его, чем мой...

Волков спокойно все это выслушал и так же спокойно ответил:

- Насколько я знаю, он и не выезжал никуда со вчерашнего дня и до завтра вроде как выезжать не собирался. Сам я там нарисуюсь часам к двум. Подтягивайся...

Положив трубку, Штукин покачал головой и в который уже раз за недолгий, в общем-то, период знакомства с Денисом подумал о нем, как о человеке удивительном. Волков и не подумал интересоваться: а что это за такой секретный личный вопрос, а зачем, а почему – таковые расспросы противоречили его природе. Более того, Штукин даже не сомневался, что Денису в голову бы не пришли мысли типа: «А, Валера чего-то такое узнал и норовит сам с шефом "вась-вась", чтобы стать ему ближе, и чтобы меня оттеснить, и чтобы в перспективе мое место занять...» Волков не то что не был интриганом – он интриганов и интриганство ненавидел как явление – ненавидел настолько искренне и всей душой, что порой не задавал собеседнику даже самых естественных и уместных вопросов – лишь бы даже тень подозрения в склонности к этому самому интриганству на него не упала...

Кстати сказать, именно с Денисом Валере легче всего оказалось объясниться после того неприятного инцидента с Якушевым у озера. Вечером того же дня, когда случился тяжелый разговор с Юнгером и Ермиловым, Штукин разговаривал еще и с Денисом – но эта беседа не была тягостной для него. Волков как-то с самого начала все понял. Выслушал долгую исповедь, ни разу не перебив, потом положил Валерке руку на плечо, заглянул в глаза и сказал очень серьезно:

- У меня вопросов нет. Мне трудно сказать, как бы я поступил, окажись вдруг на твоём месте, – мы-то все равно для тебя еще люди новые, а я уже забыл, как это – когда с новыми... Но я тебя... понимаю. Лучше бы, конечно, было, чтоб всего этого не было, но раз уж было – так чего уж теперь... Давай жить дальше и не будем больше к этой истории возвращаться...

Однако буквально через день именно Денис сам же и вернулся к этой ситуации, «успокоив» Штукина:

- Не переживай, боссы на тебя зуб не держат... Нормально отнеслись, насколько это возможно. Ермилов, знаешь, чего вообще выдал? Говорит: если Штукин все рассказал, как было, это можно понять и даже посочувствовать. А если наврал и завалил эту прокуроршу – так чего переживать, тогда он тем более свой, буржуйский... Юнгеров чуть чаем не захлебнулся от таких штучек. Хотя у Ермилова никогда не поймешь – шутит он или всерьез...

Валерка не нашелся, как и ответить на это – у него от такой «шуточки» даже легкий озноб по плечам пробежал...

Подъезжая к поместью Юнгера, Штукин вдруг отчетливо вспомнил эти слова Дениса и подумал о том, что в присутствии Ермилова говорить о «гениальной идее» с Александром Сергеевичем бессмысленно. Юрий Николаевич все высмеет, передернет, завиноватит и, самое главное, собьет весь кураж, даже если и увидит некую целесообразность в выдвинутом предложении.

Значит, надо постараться подловить Юнкера один на один. Но сделать это органично – трудно, а специально выпасать – это восстанавливать всю челядь против себя. И так-то уже... Старое окружение – оно ох как не любит, когда кто-то новенький вдруг получает «доступ к

телу». Это правило универсально, оно одинаково и для президента, и для олигарха, и для большого милицейского начальника – для любого руководителя, имеющего собственную «систему координат».

Валера оставил машину у ворот поместья и пешком направился прямо к главному дому. Но там Юнгерова не оказалось, один из охранников мотнул головой в сторону «охотничьего домика» у озера. Штукин зашагал туда. Он не мог угадать, когда Юнгеров будет один, когда у него будет соответствующее настроение... Валера обдумывал «запасной» предлог разговора на тот случай, если тет-а-тет не сложится. Предлог должен выглядеть естественно – с учетом информации о Гамернике можно предлагать наладить систему наблюдения за его офисами и иными точками притяжения, мол, могу расписать, как пришли и ушли и все такое... Ермилов, конечно, может тут же спросить – а чего ты это не с Денисом обсудить решил? Но... может и не спросить...

Заходя в холл охотничьего домика, Валера даже чуть заметно рукой махнул – мол, пусть будет, что будет. В конце-то концов – всяко не сожрут с потрохами...

Его заметили. За просторным обеденным столом Юнгеров доедал блины с рыбой и сметаной, а Ермилов зачем-то высыпал из вазы конфеты и сортировал их, о чем-то брюзжа.

– Здравствуйте, – сказал Штукин и остановился у стола.

Юнкерс кивнул приветливо, а Ермилов даже не повернул головы, лишь что-то пробормотал себе под нос.

– Что? – переспросил его Александр Сергеевич.

– Я просил покупать грильяж в шоколаде, – ответил Ермилов уже более внятно. – Но всем на это насрать!

Юнгеров тяжело вздохнул и уткнулся в свои блины. Штукин выждал небольшую паузу и спросил:

– Не помешаю?

– Проходи, садись! – махнул рукой Юнгеров, а вот Юрий Николаевич ответил в своей обычной манере:

– А это – смотря с чем пришел.

Валерка не успел еще даже сесть, как Ермилов огорошил его новым вопросом:

– Грильяж любишь?!

Штукин даже запнулся от неожиданности и замер над стулом в полуприседе, глядя на «начальника контрразведки»:

– Не знаю... Нет...

– Садись, садись, – разрешил, хохотнув, Ермилов, и тут же снова почти гавкнул. – А что так? Зубы не выросли?

– Вам виднее, – дипломатично пожал плечами Штукин, вздохнув про себя по тому поводу, что скорее всего – атмосфера явно не для того разговора, который он хотел завести с Юнгеровым.

Сам Александр Сергеевич, страдальчески наблюдая за развитием начального диалога между Ермиловым и Штукиным, дожеввал блин и заголосил:

- Дени-ис, а Денис! Денис, иди сюда!

- Угу, - появился откуда не возьмись Волков. В руках он держал шланг для подводного погружения.

- Чего это? - подозрительно сощурившись, спросил Юнгеров, глядя на шланг.

Денис мотнул головой в сторону Ермилова:

- Так мне это... Указано учиться погружениям.

Александр Сергеевич засопел и повернулся к Ермилову:

- Николаич, ты честно скажи - ты всех нас угробить хочешь?

Юрий Николаевич даже не посчитал нужным ответить на это хоть что-нибудь.

Денис кашлянул и решил заполнить нехорошую паузу напоминанием о себе:

- А чего звали-то, Александр Сергеевич?

Юнгеров наконец-то перестал сверлить взглядом Ермилова:

- Денис, ты хочешь, чтоб я умер на год раньше?

У Волкова вытянулось лицо:

- Не понял. Что за ерунда?

- Ты не ответил! - встрял неожиданно Ермилов. Встрял и тут же снова уткнулся в свои конфеты, делая вид, что опять не замечает взгляда Юнгерова.

Александр Сергеевич ткнул пальцем в Ермилова и пояснил:

- Денис. Либо ты конкретно, как человек исполнительный и безотказный, будешь отвечать за грильяж вот в этой, блядь, вазе, либо он скушает весь мой мозг. Я понятно изложил?

До Волкова дошло. Он засмеялся и ответил по-военному:

- Есть отвечать за грильяж. Разрешите идти?

- Идите! - со стоном выдохнул Александр Сергеевич.

Денис ушел, посмеявшись, и несколько секунд тишина в охотничьем домике нарушалась лишь бухтением Ермилова, продолжавшего сортировать конфеты.

- Николаич, - позвал его Юнгеров. - Ну что ты как старый дед-пердед?

Юрий Николаевич забубнил себе что-то под нос еще громче.

Александр Сергеевич поднял глаза на Штукина:

- Ну, Валера... Что у тебя за вопрос? Только скажи сначала: ты-то хоть жизнью доволен?

Штукин весь подобрался на своем стуле, вроде как сел «по стойке смирно», решив, что вопрос о довольстве жизнью был риторическим, попытался сразу перейти к делу:

- У меня есть одно предложение...

- Ты не ответил! - не дал ему договорить Ермилов.

Тут уж взорвался Юнгеров:

- А можно мне-то поговорить? А?!

Александр Сергеевич был уже доведен до такого состояния, что едва не срывался на визг. Ермилов остро глянул на Юнгера, встал и сгреб горсть конфет:

- Это «Белочка»? Это все, что угодно, а не «Белочка». И развал, между прочим, начинается именно с таких вот мелочей. Казалось бы - внешне безобидных.

Александр Сергеевич закрыл глаза и тихо завыл. Юрий Николаевич вскинул подбородок и, чеканя шаг, вышел, - немного театрально, словно царский офицер, уходящий на расстрел.

После его ухода Юнгеров еще несколько секунд не открывал глаза. Когда он наконец-то решил оглядеться, то обнаружил, что рядом - никого, кроме улыбающегося Штукина.

- Чего это он? - прервал паузу Валерка.

- Я так ко всему этому привык, что если он изменится, то мне будет чего-то не хватать, - усмехнувшись, объяснил Александр Сергеевич и снова спросил Штукина: - Так что у тебя за вопрос, Валера?

Штукин нервно поскреб в затылке, улыбнулся несколько принужденно и вдруг понял, что ему трудно начать. Валера разозлился сам на себя, откашлялся и постарался взять себя в руки:

- Да тут, Александр Сергеевич, такая ерунда получилась.

- Знаешь, как в камерах говорят - «такая канитель», - улыбнулся поощрительно Юнгеров, и Штукин действительно вдруг почувствовал себя свободнее:

- Во-во, канитель... Занесло меня вчера непонятно с чего в «Книжную лавку писателя». Стою там, книжку одну листаю. И вдруг замечаю там товарища Гамерника собственной персоной...

- И? - вопросительно шевельнул бровью Юнгеров.

Штукин пожал плечами:

- И - ничего такого особенного. Я не сразу понял, что это он. Просто меня его охранник-дебил стал от прилавка отжимать, ну и чуть ли не нарвался на конфликт. А Гамерник его унял, я только после этого его и узнал. Ну, и по привычке, когда они из магазина вышли, я решил с ними по городу прокатиться.

- Зачем?

- Так просто... Я же говорю - по привычке. Ну, и довел я его до офиса - на Греческом.

- Есть такой, - кивнул Юнгер. - Это один из самых старых, еще с прежних времен. У этой точки богатая история. Да мы и остальные его офисы хорошо знаем, давным-давно уже все установили... И хаты его знаем, и хату родителей, и даже квартиры его баб... Я это не к тому, что ты зря за ним прокатился, я просто рассказываю тебе...

Конечно, Валерка заметил в глазах Юнгера лукавую искорку и поэтому слегка смутился:

- Александр Сергеевич, я, в общем, догадываюсь... И я не с тем пришел, что, мол, знаю страшную тайну - где у Гамерника офис на Греческом...

- А с чем?

- А у меня есть предложение... Оно родилось, когда я за офисом его наблюдал. Оно - спонтанное, но не непродуманное. И я понимаю, что, предлагая это, я беру на себя ответственность, даже если вы откажетесь.

- Не пугай меня, - сказал Юнгер. - Я чуть было не сказал «ой». Сейчас ты скажешь, что его офис расположен более чем удачно, чтобы без особого риска с двух «калашей» завалить хозяина.

- Нет, - покачал головой Штукин. - Я про другое.

- Ну, хоть тут повезло, - притворно вздохнул Юнгер.

Валера выдержал небольшую паузу и четко выговорил, словно отрапортовал:

- Суть вопроса: я могу внедриться к Гамернику.

Александр Сергеевич долго смотрел на Штукина молча, а потом осторожно переспросил:

- Можешь?

- Могу попробовать, - уточнил Валера.

Юнгер кивнул:

- Небольшое уточнение, да?

Штукин упрямо вскинул подбородок:

- Я могу изложить свои соображения подробно.

Александр Сергеевич встал, вздохнул еле слышно и повернулся к Штукину спиной, глядя в широченное окно, из которого открывалась необыкновенно красивая панорама озера:

- Конечно. Я слушаю тебя. Излагай.

Валера откашлялся еще раз и начал излагать, стараясь не сбиваться и не вставлять в речь слова-паразиты:

- Я знаю, что он заказчик той стрельбы. Более того, я надеюсь разузнать кое-какие подробности о тех ребятах, которых он послал. Не настолько точные, чтоб знать их данные и место обитания, но достаточные, чтобы в грамотном разговоре очень сильно насторожить... И

я приду к Гамернику не как от себя лично, а как от группы сотрудников уголовного розыска. И приду я просить немножко денег – не очень большую сумму, в пределах разумного. Причем, денег не за то, что его не будут сажать – его ведь не посадишь, и он это знает. Денег я попрошу для того, чтобы оперативная информация о его причастности к стрельбе не стала достоянием всеобщим, вплоть до журналистов. Ведь, по идее, в Интернет сегодня можно скинуть не байки, а конкретику. Вплоть до копий документов. Или – хорошо сделанные подделки под истинные документы... При таком раскладе имя его через пару месяцев может стать настоящим брендом... Я подробно объясню ему, как проходят оперативные общения, заслушивания. Что такое постоянные задания на НН и ПТП. Он поймет, сколько это может отнять душевных сил...

- Зачем? – перебил Юнгеров, по-прежнему не обращившись. – Цель?

- Ну, хотя бы снятие его реакции – это уже достаточно интересно. Допустим, я верю оперативной информации, что это именно он стрельбу организовал, но... Одно дело – верить, другое – самому почувствовать... Это очень важно – иметь личное ощущение...

- А почему он тебя начнет слушать? – Александр Сергеевич по-прежнему смотрел в окно, но в голосе его уже начали прорезаться нотки заинтересованности.

Штукин не выдержал, вскочил из-за стола, оперся на спинку стула локтем и сказал, глядя Юнгеру в затылок:

- Открытость. Простота. Энергия. Быстрые и точные ответы на мелкие вопросы.

Юнгеров обернулся:

- Это все – потом. А с чего ты взял, что он вообще разговаривать с тобой начнет? Его охрана может не дать тебе... проявить открытость и простоту.

Валерка достал сигарету и вопросительно глянул на Александра Сергеевича. Тот разрешающе махнул рукой:

- Кури, кури...

Штукин закурил и спокойно объяснил, как он планирует заинтересовать Гамерника:

- А я ему скажу, что я – один из двух недобитков из лифта. И еще – не стану скрывать, что работаю у вас, поскольку после той стрельбы из розыска меня турнули. В такой ситуации он не сможет не заинтересоваться, если, конечно, не по уши деревянный. Он заинтересуется, начнет вопросы задавать...

- Обо мне тоже? – сразу ухватил суть Юнгеров.

Валерка кивнул:

- Если до этого дойдет – конечно. И я ему буду правдиво на них отвечать. Да я ему расскажу все, вплоть до подробностей, о мебели и о привычках вашей челяди. Захочет – расскажу про ваши привычки, замашки, разговоры. Вплоть до разговоров о нем. Вы подумайте, Александр Сергеевич, ведь такая правда выглядит всегда очень впечатляюще и искренне, но она абсолютно неопасна, так как особого практического значения не имеет.

- Да? – поиграл бровями Юнгеров. – Ты уверен?

Штукин даже руками всплеснул и не заметил этого:

- Конечно! Ну... Вот жена: изменила мужу. Он об этом узнал. Но вдруг ему приносят видео. Как ее пьют в автомашине. И муж точно разводится. А почему же точно? Ведь он все знал и до видеопленки... Знал? Знал, что изменила, то есть стояла, голубушка, где-то раком. Где-то, казалось бы - какая разница, в постели или в автомобиле? А выясняется, что разница есть. Так устроен человек. Ему трудно отказаться смотреть эту пленку, хотя, по большому счету, он не увидит там того, чего не знает...

Юнгеров посмотрел на Валерку с интересом и даже некоторым удивлением:

- Да ты, брат, психолог... И философ!

- Философ, - усмехнулся в ответ Штукин. Александр Сергеевич походил вдоль стола туда-сюда и задал новый вопрос:

- А твои мотивы?

- Бизнес. Очень простые мотивы - снять с дяди немного денег, тем более, что я имею на это моральное право - как недобитый им же.

- А как ты его нашел?

- Ну, во-первых, вы сами говорите, что все его офисы известны. А во-вторых, я опять могу сказать правду - как случайно увидел его в книжном магазине и довел до офиса. Так и скажу.

Юнгеров задумчиво поскреб небритый подбородок пальцами:

- А как ты его опознал?

У Валеры был готов ответ и на этот вопрос:

- Опять скажу правду - что его рожу видел у вас на столе - в рамке. Вы фотографию из Интернета вытащили и на нее любуетесь.

Александр Сергеевич машинально кивнул и подумал, что лично его именно эта деталь и убедила бы... Он снова прошелся вдоль стола, затем резко остановился:

- Ну, а в чем же будет ложь?

- В том, что у нас не было с вами этого разговора. - Штукин отреагировал мгновенно, будто давно ждал именно этого вопроса. - И еще в моем отношении к вам.

- А какое у тебя отношение?

Валера усмехнулся:

- Скажу я ему так: конечно, после увольнения Юнгеров меня подобрал, но... Еще бы он не подобрал - стреляли-то в его людей, я под замес попал, так что он просто некую трудноформулируемую ответственность почувствовал, ну, и позволил такой приживалкой пожить рядом. Принеси-подай, и то из барской милости... А меня от этого внутренне колбасит, я лакеем быть не хочу и в челяди не хочу состоять... Плюс - недавно инцидент был, когда близкий Юнгерову молодой человек прям на глазах у всех мне в рыло выписал, а мне утереться пришлось... Опять же - обида затаенная.

Юнгеро́в долго молча смотрел Штукину в глаза, но Валерка этот взгляд выдержал. Александр Сергеевич хмыкнул:

- Убедительно излагаешь... Даже мне на секунду... А на самом-то деле - как ты относишься?

Вот этого вопроса Штукин настолько не ожидал, что даже руками развел. Да и сам Юнгеро́в, похоже, немного смутился - по крайней мере, он отвел взгляд и снова заходил туда-сюда вдоль стола. Валерка повел шеей, будто ему жал воротничок, и наконец отреагировал:

- Ну, Александр Сергеевич... Мне вам в любви объясняться?

Юнгеро́в хмыкнул и махнул рукой, мол, проехали, но Штукин все же решил договорить:

- Мое отношение - это то, что я могу с вами этот разговор говорить. Мне хочется полезным быть. Себя показать. Реабилитироваться за всю ту историю - с Егором и Зоей. Вас отблагодарить по-человечески за все... Ну, и как-то развиваться, расти... А развитие возможно только тогда, когда есть какое-то действие. Значит, я не должен сидеть на жопе ровно.

- Понятно, - сказал Юнгеро́в и не стал задавать вертевшийся на языке вопрос, мол, зачем, милый друг, тебе это все по большому счету надо - поскольку уже получил от Валеры развернутый ответ.

Они еще помолчали, Александр Сергеевич сел за стол, побарабанил пальцами по столешнице и, словно вспомнив вдруг что-то, заметил:

- Только о Егоре-то говорить не стоит - что он тебя в морду и все такое... Гамерник за мелочи цепляется - узнает, кто мне мальчишка, - может и нагадить. И рухнет у Егора вся его милицейская карьера...

- Александр Сергеевич! - Валера даже ладони к груди машинально приложил. - Ну, вы уж совсем-то меня дебилом не считайте. Зачем же я ему про Егора говорить буду... Я могу этот эпизод и, вообще, без имен рассказать... Тут ведь важнее - как рассказать, а не что. Это в том, что касается киллеров, его будет очень интересовать точная и конкретная информация... А кто именно из ваших мне по роже дал - ему по барабану...

Юнгеро́в медленно наклонил голову, соглашаясь. Штукин боялся спугнуть его настроение. Валерке казалось, что Александр Сергеевич начинает потихоньку заражаться его идеей, но видно было, что окончательного решения еще нет.

- Кстати, о Егоре... - чуть нахмурился Юнгеро́в. - Ты на него зла-то не держи... Не стоит. Ты - старше и... Я его не оправдываю, но и ты пойми...

- Да я прекрасно все понимаю, Александр Сергеевич! - в сердцах Штукин даже слегка повысил голос. - Я же не чурка какая-то бессердечная! Глупо все вышло... И я себя тоже - неправильно вел. С нервяка все это получилось... Ну, и, конечно, амбиции свои я обуздать не сумел, мне казалось унизительным перед пацаном оправдываться! А к нему у меня нет ничего. Я, когда дела ему передавал - вот все, что мог... И дальше бы помог всегда, если бы не весь этот компот.

- Да, - вздохнул Юнгеро́в, - действительно, компот... В одночасье его не расхлебаешь, тут время нужно... Жаль. Ты бы ему, действительно, мог помочь, но теперь... Все, конечно, образуется, перемелется... Егор парень правильный, неглупый, и толк из него может выйти... Только вот, боюсь, как бы ни перемололось все в будущем - а все равно будет между всеми стоять эта утопленница... Как ее звали-то?

- Зоя, - глухо ответил Штукин и быстро достал новую сигарету.

- Дай-ка и мне, - протянул руку к пачке Юнгеров, выбрал сигарету, закурил от зажигалки Штукина и грустно заметил: - Я всегда говорил - есть события обратимые, а есть - необратимые. Необратимые - это рождение нового человека, смерть и судимость...

Штукин тяжело вздохнул, соглашаясь:

- Александр Сергеевич, я... Я постараюсь с Егором как-то объясниться... Ну, переломая я себя... Знал бы сразу, что он для вас, и что для него Николенко...

- Ладно, - тихонько пристукнул кулаком по столу Юнгеров. - Поживем - увидим. Пусть Егор пока перегорит сам, а там - посмотрим. Может, все вместе поговорим, может - вы и сами друг с дружкой объяснитесь... Давай-ка к нашим баранам вернемся. К товарищу Гамернику и твоему заходу к нему... Допустим, все завертится. И в чем все же глубинный смысл?

Штукин быстро загасил окуроч:

- Я скажу за себя. У меня - личный счет. Хотя, я понимаю, что лично меня Гамерник убивать не собирался - он и сейчас вряд ли знает, что я такой, вообще, есть на белом свете. И Ося - тоже под замес попал, и его, наверное, не хотели... Но для меня это ничего не меняет. Я хочу, чтобы они все равно ответили... Надеяться на государство в этом плане - нет резону. И, потом, я хочу сам, своими руками что-то сделать для того, чтобы им плохо было, а не просто сидеть и ждать на берегу, когда мимо меня проплывет труп врага...

Юнгеров вдруг подумал о том, что Егор, когда кинулся на Штукина, мог рассуждать похоже: пусть и неумышленно Валера эту Зою сгубил - но если сгубил, то ответить должен... Александру Сергеевичу стало как-то неуютно от этой мысли, и озвучивать вслух он ее не стал. Валера же между тем продолжал:

- Это - моя мотивация. Что же касается глубинного смысла того, что я предлагаю - тут все просто: я хочу, чтобы он, проверив, поверил мне, а я потом смогу дать ему ту информацию, на которой влипнет. Более четко сформулировать я не могу.

Юнгеров покачал головой:

- Куда уж четче... Ты не кокетничай... Говоришь - информацию, на которой он влипнет? А где такую взять, как смоделировать? Он же не квартирный вор, чтоб его с поличняком за шкуру...

У Валеры азартно заблестели глаза:

- Он - не вор, но пошлет-то на дело квартирных воров! Ну, в лифте расстреливать послал же он мокроделов! А эти «воры» в лапах Крылова - они не суки - молчать не будут...

Снова возникла пауза. Юнгеров медленно жевал нижнюю губу, прикрыв глаза, и думал. Штукин вдруг заметил, что трясет нервно левой ногой, и приказал себе унять эту дрожь. В стекло окна билась поздняя сентябрьская муха - уже не очень юркая, толстая и полуснулая. Александр Сергеевич встал, распахнул окно, выпустил муху и оглянулся на Штукина:

- С другой стороны, а что мы теряем? За спрос денег не берут, а смешным показаться... да наплевать! В любом случае, у него неприятный осадок будет - и это тоже хорошо. В том смысле, что справедливо. Но и опускаться до того, чтобы бомжи ему под дверь срали, тоже неохота. Ты не напрягайся, это я так, к слову... Говно под дверью - оно, кстати, очень

настроение портит, но ведь не это же – цель... А информация, которой можно замочить... Типа, ты знаешь, где Флинт зарыл сокровища? Где мои левые грузы через таможню идут? Так меня тут не зацепишь. Я ведь и сам – не квартирный вор, и Гамерник это понимает.

Валера понял, что решение почти принято, еще чуть-чуть и...

- Главное – начать, Александр Сергеевич!

Юнгеров прищурился почти по-ленински:

- Ну, брат... Мы ведь с тобой не ремонт в хрущевке затеваем.

Валера хотел было серьезно кивнуть в ответ, но не выдержал и весело фыркнул. Глядя на него, улыбнулся и Юнгеров, сам не понимая с чего. Они так поулыбались друг другу, а потом Штукин сказал:

- Я знаю очень много разных несерьезных лирических нюансов про вас и ваше ближайшее окружение. Но, по сути, я не знаю ничего.

- И?

- Какое-то время можно продержаться!

Юнгерову от его улыбки вдруг стало как-то светлее. Он вспомнил себя в молодости, и ему тоже захотелось ощутить кайф от собственной бесшабашности, от бравирования азартом и внешне несерьезного отношения к серьезнейшим вещам. Продолжая улыбаться, Александр Сергеевич вдруг сказал:

- Повезло тебе, Штука, что на дворе сейчас двухтысячный год, а не девяносто первый... Хорошо, что девять лет назад ты еще совсем сопливым был.

- Почему? – не понял Валера. Юнгеров хмыкнул:

- Потому. Кабы ты в те года, да с твоим характером, да с натурой вот такой авантюрной – ой, мама... Убили бы тебя, скорей всего. Или – сел бы, да надолго...

- Других вариантов не было бы?

Александр Сергеевич кивнул:

- Отчего же, есть и еще вариант, но на него шансов было бы очень-очень мало.

Про себя Юнгеров сказал, что это был за «вариант»: «Или ты бы стал таким, как я», но вслух не стал этого произносить по педагогическим соображениям. Вслух он сказал другое:

- А если шансов почти нет, то не хрен и обсуждать неведомо что...

У Валеры в глазах что-то блеснуло, и Юнгерову даже показалось, будто парень догадывался, что он имел в виду под третьим вариантом...

Из открытого окна тянуло холодом. Над озером клубился вечерний туман. Было очень тихо.

- Ладно, – сказал Юнгеров, и Штукин понял, что решение принято. – Об этой аванюре знаем

только мы с тобой вдвоем. По крайней мере, пока. Ни в коем случае об этом не должен узнать Ермилов – он точно меня переубедит. И тебя переубедит тоже, но по-другому. Потому что меня просто переубедит, а ты будешь дежурным по кухне – «вечным дежурным»! [8]

Штукин смысл понял, хотя и не понял, что Юнгер цитирует:

- Не надо...

- Сам не хочу! – воскликнул Александр Сергеевич. – А посему решим так: пока ты идешь просто на разведку. Держись открыто, нагло, раскованно. Задача минимум – просто снять его реакцию. Потому что ты прав: его реакция... это мое убеждение. А если говорить про... не минимум, то... То это уже информация, тут надо будет серьезнее подходить. Тогда и посмотрим. Гут?

- Базаров нет! – откликнулся Штукин, только сейчас осознавший, что сумел-таки добиться одобрения своей авантюрной идеи. Валера смотрел на Александра Сергеевича, который был его намного старше, и вдруг увидел в нем столько мальчишеского, что даже растерялся и отвел глаза в сторону. Хотя, может быть, он отвел взгляд и по другой причине: чтобы и в его глазах не прочиталось кое-что лишнее...

Возвращаясь вечером в город, Штукин пребывал в странном состоянии – его колбасило, колбасило самым натуральным образом. С одной стороны, Валера радовался, что все получилось так, как он хотел, с другой – он чувствовал какую-то опустошенность, видимо, слишком много потратил нервной энергии... А еще Штукин по-прежнему не знал – что же ждет его впереди, какие развилки и повороты. Он предчувствовал, что скоро, очень скоро ему придется делать выбор – и, может быть, не один раз, но, как только он пытался хотя бы теоретически сформулировать – между чем и чем надо будет выбирать – запутывался мгновенно еще больше...

Валерка гнал машину по шоссе, стискивая руль изо всех сил, и время от времени шептал:

- Ничего, ничего... Вперед – это лучше, чем на месте... Впереди – туман, но туман – это друг штурмовика!

В какой-то момент Штукин вдруг понял, что ему надо остановить машину и перекурить – чтобы хоть немного успокоиться. Валера припарковал машину у обочины. Закурил и неожиданно задал сам себе вопрос: а куда он, собственно говоря, сейчас несется? Куда спешит? К себе в пустую квартиру? Нет, только не это... А куда же тогда? Штукин уронил голову на руль. А может быть, подъехать прямо к офису Гамерника – вдруг он еще там – да и попробовать атаковать с ходу?

Валерка встрепенулся было, но почти сразу отверг эту идею – нельзя сейчас ехать к Гамернику, сил нет. Вся энергетика ушла на разговор с Юнгером, нельзя идти в лобовую, будучи выжатым, как губка... Но куда же податься? Где голову преклонить? Как расслабиться, как снять чудовищное внутреннее напряжение последних дней? Неожиданно Штукин вспомнил о Вере, подруге Николенко. Она несколько раз звонила ему, когда Зоя пропала, но Валера либо не отвечал на звонки, видя ее номер на дисплее своего мобильного, либо уклонялся от разговоров, обещал перезвонить и не перезванивал. А потом Вера, наверное, обиделась и уже несколько дней не звонила...

Штукин быстро перебрал в голове всех своих знакомых женского пола и понял, что никого из них не хочет видеть. И спать с ними – не хочет, и пить – тоже. А вот Вера... Есть, конечно, нехороший момент – слишком явная ассоциация с тем, что хочется забыть. Хочется,

но ведь все равно не забудешь! Говорят, если хочешь избавиться от какого-то комплекса – надо шагнуть к нему навстречу. Клин клином вышибают... Вышибают ли?

Валера понял, что снова запутывается в своих мечтах и желаниях, выбросил окурок в окно и решительно набрал на своем мобильнике номер Веры. Она ответила почти сразу.

- Алло...

- Вера, привет, это Валера Штукин.

- Валера, – сказала Вера и вдруг заплакала. – Валера, ты где? Валера, мне так хреново... Зою-то мы похоронили, да ты знаешь, наверное... Валерочка, ты прости, что я тебе трубки обрывала, просто... мы же все не знали, что и думать. Я понимаю, у тебя своих проблем – выше крыши.

Валера вдруг почувствовал, что у него в горле образовался комок, и ответить он сумел не сразу:

- Вер, это ты прости меня, что я не перезванивал... Я действительно в курсе ситуации детально, можно даже сказать, что немного занимался ей... И у меня действительно были очень большие проблемы... А по поводу Зои – я, как понял, что несчастье случилось и помочь уже ничем нельзя – так и не смог тебе позвонить... Смалодушничал, наверное... Я тяжело переношу похороны, церкви, свечи эти, которые надо в руках держать... Меня колбасит от этого всего, мне физически плохо становится... Я... Вер, а мы могли бы увидеться? Мне так на душе муторно от всего, напиток хочется, а не с кем... Тебе вот решил позвонить – думаю, пошлешь к черту, так пошлешь.

8

Цитата из кинофильма «В бой идут одни старики».

- Не пошлю, – сквозь всхлипы еле выговорила Вера, – мне тоже напиток хочется, но не с кем... Мой опять весь в своих партнерах-контрактах... Валерочка, как хорошо, что ты мне позвонил... А я уж думала, что ты от меня бегаешь.

- Нет, Вера, я не от тебя, я, скорее, от себя бегал... Скажи, куда мне подъехать? К тебе?

- Нет, лучше не сюда, я не знаю, когда мой пожаловать может. Так, слушай – у меня квартира есть, моя собственная, – она на Московском проспекте, дом такой, «Русский пряник», знаешь?

- Знаю.

- Вот там. Пятьдесят седьмая квартира, второй этаж. Найдешь? Я там часа через полтора буду... Приезжай, я очень буду ждать... Давай напьемся вместе, Валерка. Зойку помянем...

Вера снова заплакала, и Штукин даже головой замотал:

- Вера, не плачь, Вер... Скажи, чего мне купить, куда заскочить?

- Да все там у меня есть... Ну, хлеба только свежего возьми да минералки... А остальных запасов там на месяц запоя хватит... Ты приедешь?

- Приеду, Вера, обязательно приеду... Главное, ты сама приезжай...

Штукин даже уже сил не имел, чтобы подумать о том, как все это будет выглядеть с точки зрения общечеловеческой морали: ехать к подруге той женщины, к смерти которой он, как ни крути, а имеет самое прямое отношение... Ему просто нужно было побыть хоть с кем-то, хоть как-то спрятаться от одиночества...

Через два часа он уже звонил в дверь Вериной квартиры. Она открыла, будто ждала в прихожей. Посмотрев на Штукина, Вера всхлипнула и обняла его...

...Это был очень странный вечер - Вера и Валера то начинали разговаривать, то остервенело занимались сексом, много пили и курили... У Штукина все перемешалось в голове, но внутреннее напряжение все же понемногу рассасывалось, растворялось, уходило куда-то, и он вдруг почувствовал такую благодарность за это к Вере, что еще чуть-чуть и, может быть, даже расплакался бы, как маленький...

Ему еще хватило мозгов позвонить Денису и предупредить его, что завтра он работает по «индивидуальному плану по поручению первого». Денис спокойно ответил, что понял, а потом Валера отключил мобильный телефон. Если бы и мозг можно было бы тоже так отключить - как мобилу...

Ночью, в один из периодов просветления, в перерыве этих странных поминок, Вера, лежа совершенно голой рядом со Штукиным, стала рассказывать о похоронах, о том, что на них был Егор - весь серо-зеленый, худой совсем...

- Знаешь, Валера, - очень тихо прошептала Вера. - Я на него посмотрела, и мне дикая мысль в голову пришла - а не он ли Зою... Ведь так и не выяснили, с кем она на то озеро поехала... А я на этого Егора смотрю, и мне жутко - чувствую, вот может он... убить... И мне так страшно стало... и ведь ни с кем не поделишься... Что ты думаешь?

Валера свесил руку с кровати, поймал рукой горлышко бутылки виски, сделал хороший глоток и ответил глухо:

- Нет, Вер... Не убивал он ее. Я ж тебе уже говорил - мы занимались, проверяли... Несчастный случай это был, и Егор к нему никакого отношения не имеет. Он в городе был, когда все это случилось. Это технически установлено.

- Да? Ну и слава богу... А то я на паренька нехорошо подумала... Ты бы видел его лицо.

- Ничего, ничего... Перемелется... Давай выпьем еще, Вера... Что-то напиток никак не получается.

- Давай... И меня не цепляет.

Это была какая-то дикая, безумная ночь, очень похожая на настоящую оргию. Вера и Штукин дошли уже почти до извращений, уже почти мучили друг друга и долго не могли уgomониться... А потом Валерка вдруг в один момент словно в омут глубокий провалился и - отключился. Именно так, будто его выключили, как мобильный телефон.

Как ни странно, утром похмелье было не особенно лютым - может быть, это объяснялось тем, что они пили качественные напитки. Они долго отмокали в ванне, потом поели и поспали, где-то к обеду уже отошли. А потом - засобирались. Как ни странно - обоим им стало

действительно легче, чем было накануне вечером, – удалось как-то выплеснуть из себя накопившиеся черные эмоции. Прощаясь, они долго целовались и обнимались, словно вот так молча выражали благодарность друг другу...

К офису Гамерника на Греческом проспекте Штукин приехал в начале седьмого. Валера чувствовал себя свежим и отдохнувшим, будто не занимался черт-те чем минувшей ночью, а наоборот – отсыпался, предварительно много погуляв на свежем воздухе. Бродивший в крови адреналин пережег остатки алкоголя – Штукин вытянул вперед руки и посмотрел на пальцы – они не дрожали. Валера вышел из машины и не спеша прошелся до концертного зала «Октябрьский», а потом вернулся обратно к офису. Судя по машинам, кучковавшимся неподалеку, в конторе работа кипела и хозяин был на месте. Штукин присел на уже знакомую лавчонку и закурил. Ему хватило всего двух затяжек.

– Чего я жду? – спросил Штукин, встал и, бросив окуроч, затоптал его. – Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать!

И он решительно подошел к массивной двери и нажал на кнопку звонка. Из переговорного устройства что-то захрипело.

– Я к товарищу Гамернику! – почти весело сообщил в мембрану Валера.

В двери щелкнул замок, Штукин потянул за ручку и вошел внутрь. Офис начинался длинным коридором. У стойки с охраной и мониторами Валерий остановился и, подмигнув охраннику, негромко сказал:

– Передайте товарищу Гамернику, что пришел Валера. Когда спросит, какой Валера, скажите, что недостреленный.

Охранник пару секунд смотрел на него, потом молча вышел из-за стойки и ушел в глубь коридора, хотя, наверное, мог все услышанное транслировать и по телефону. Через полминуты он вернулся с мужчиной в костюме, видимо, более старшим сотрудником службы безопасности. Мужчина не стал здороваться, а вместо этого сразу предложил осмотреть карманы Штукина. Валера понимающе кивнул:

– Ясное дело – на предмет колюще-режущих...

Первый охранник хамски хохотнул:

– Мусор, что ли?

Между тем второй, не тратя времени даром, начал похлопывать Штукина по карманам.

– Ментом был, не скрываю, – задумчиво сказал, будто самому себе, Валера. – А мусором – никогда!

Штукин быстро снял куртку и повернулся к мужчине в костюме спиной. Тот легко, будто нехотя, похлопал его по спине и ногам и жестом пригласил следовать за собой.

Коридор был очень длинным, а кабинет Гамерника располагался в самом его конце, после двух поворотов. Огромная приемная с сексапильной секретаршей, двойная дверь – Штукин и оглядеться не успел, как оказался в просторном кабинете. Гамерник сидел не за своим

рабочим столом, а сбоку, за журнальным столиком. Перед ним на тарелочке лежала маленькая дыня-колхозница, которую он аккуратно резал изящным ножичком.

Здороваться Гамерник не стал – видимо, в его офисе это вообще не было принято. Вместо приветствия хозяин кабинета сказал:

- Вы меня заинтриговали, хотя я ничего не понял.

Штукин не стал нарушать традиций и вместо здравствуйте ответил так:

- Интрига есть там, где отсутствует информация. А тут – какая уж тут интрига! Все вы поняли. Но моя тирада выглядит, как некий вызов, а я бы этого очень не хотел. Так что – позвольте присесть и перейти к делу. Сергей Борисович, если не ошибаюсь?

- Не ошибаетесь, – настороженно ответил Гамерник и положил ножичек на стол. – Милости прошу. Располагайтесь.

Валера взял стул и присел к тому же журнальному столику, разглядывая Гамерника в упор. Хозяин кабинета был примерно одногодком Юнгерова, но как же сильно они отличались друг от друга! Юнгеров – тот был жилистым, красивым, с лицом, на котором читалось много разных историй, но историй мужских и интересных. А Гамерник производил впечатление неприятное, несмотря на ухоженность, его фигура была уже настолько оплывшей-опухшей – видно было, что он предпочитает массаж спортзалу. Его тщательно причесанные волосы все же не скрывали маленькую лысину на макушке. Одет Гамерник был очень дорого и не крикливо, а вот кабинет его выдавал отсутствие вкуса – в нем царил полный китч – от подлинника картины кого-то из передвижников до каких-то странных фигур в стиле «хай-тек».

Штукин обворожительно улыбнулся своему неприятному собеседнику и сразу перешел к делу:

- Итак, меня зовут Валера, и свои контактные телефоны я при необходимости оставляю. Вся история началась тогда, когда я вышел из лифта, где остались три мертвых тела. Потом меня уволили из уголовного розыска, где я до того нормально работал. После увольнения я начал работать у Юнгерова. Через некоторое время я, не прилагая никаких усилий, потому что произошло это случайно – узнал, как все случилось с этим лифтом и почему. Хотя насчет «почему» – врать не буду, мотив я узнал... м-м-м... тезисно. Но меня мотив, честно говоря, не особо и волновал. А дело было так: вы, Сергей Борисович, нашли двух парней (надо признать – не последних в своем деле, это, кстати, – комплимент), которые и порешили моих знакомых. Но Денис Волков остался невредимым. Я – тоже, хотя я-то в этой истории вообще никого не волновал. Именно это обстоятельство меня очень сильно задело, и поэтому я пошел на задний двор и зачерпнул лопатой целую кучу навоза... Вонючего такого. И вот я здесь. Если коротко – то это все.

Гамерник, ничего не отвечая, взял ножик и снова начал ковыряться в дыньке. Штукин некоторое время понаблюдал за этим не очень интересным процессом, потом усмехнулся:

- Если бы я снимал кино, то в этой сцене вы бы велели какому-нибудь злобному мексиканцу: «Убей его!», но я кино не снимаю. Поэтому, признаюсь, немного слукавил насчет того, что на задний двор за навозом ходил один. Со мной туда заходили еще некоторые сотрудники уголовного розыска, в отличие от меня – действующие, а не уволенные.

Гамерник оторвался от дыни и скучным голосом сказал:

- Если бы я снимал кино, то я спросил бы «сколько?». Но я не снимаю кино. Поэтому –

продолжайте, а то я пока сюжет не до конца понимаю. Вы ведь, кажется, сюда один пришли, без взвода «малиновых околышей»?

- Я пришел с предложением, - пояснил Валера, и брови хозяина кабинета вернулись на исходное положение.

Гамерник неторопливо встал, подошел к своему рабочему столу и включил громкую связь:

- Попрошу чая и тишины!

Затем он повернулся к Штукину:

- Вы любите конфеты «Мишка косолапый»?

Валерка от неожиданности даже чуть растерялся:

- Н-не знаю... А это вы к чему?

- К чаю, - объяснил Гамерник. - Это я без намеков. Просто к чаю у меня конфеты «Мишка косолапый».

«А он очень даже не дурак!» - подумал про себя Штукин. Но вслух сказал о конфетах:

- «Мишка косолапый» - лучше «Сникерса».

Гамерник понимающе кивнул и с той же интонацией, с какой спрашивал о конфетах, задал новый вопрос:

- А в книжном магазине вы за мной так неуклюже следили или же расшифровались специально?

Валерка врать не стал:

- Ни то, ни другое. Это была просто случайность.

- Мэй би, мэй би, - протянул Гамерник, демонстрируя свое знакомство с английским языком. В этот момент вошла секретарша с подносом. Пока она расставляла чашки и вазочки, Валерка внаглую очень внимательно разглядывал ее ноги, почти не прикрытые короткой юбкой. Гамернику это было неприятно, но он умудрился почти никак не проявлять это внешне. Правда, когда секретарша вышла, в голосе хозяина кабинета достаточно явственно прозвучали нотки раздражения:

- Можно я задам тебе пару вопросов?

Ответить Валерка не успел, видимо, вопрос был риторическим, точнее - просто прелюдией к настоящему вопросу:

- Юнгеров - хороший человек?

Сергею Борисовичу снова удалось удивить Штукина, который, пожав плечами, ответил якобы по-английски с последующим переводом.

- Хум хау - в том смысле, что: кому как, он человек.

- А я?

- А вы другой человек.

- Ну-ка, ну-ка... А поподробнее?

- А поподробнее - вы друг без друга не можете, наверное. В этой никем не оговоренной весовой категории других участников соревнования больше нет.

Гамерник улыбнулся и взял свою чашку, но отхлебнуть не успел - рука дрогнула и несколько капель чая упали на костюм. Сергей Борисович досадливо скривился и поставил чашку обратно на блюдце.

- В чем-то ты, может быть, и прав... В космическом смысле... Ладно. Ты уверен, что я кого-то там подослал. Я считаю по-другому. Что спорить-то... Дело ведь не в этом. Это же повод. Так?

Валерка выдержал его взгляд:

- Не знаю.

Гамерник дернул губой:

- А чего тут знать-то? Ты сколько денег зараз держал в руках когда-либо? Максимально?

Штукин сморщил лоб, припоминая:

- Ну... на новую «девятку», наверное...

- Понятно. - Гамерник даже не стал скрывать снисходительных интонаций. - «Шесть тысяч четыреста» [9], как Шура Балаганов. Да ты не обижайся - это нормально. Я просто вслух измеряю долевые участия. Мне это не опасно, так как банкую я, а тебе - полезно. Так с чего начнем?

Валера еще не утратил своего изначального настроения и запала, однако внутренне не мог не признать, что разговор идет совсем не по той схеме, которую он нарисовал себе заранее. Гамерник умело перехватывал инициативу.

Штукин склонил голову к плечу:

- Насчет «с чего начнем» - я немного сбит, честно говоря...

- О, как! - засмеялся Гамерник. - Как приходить с пошлой фразой «Дай чего-нибудь из денег!» - так это нормально. А как дошло до моего скромного вопроса «сколько?» - так ты и растерялся!

Валера развел руками и вдруг словно опомнился:

- Ну, у меня же нет такого опыта, как у вас... Вы меня все равно переговорите... А кстати, почему это я вас на вы, а вы меня на ты?

- А как ты хотел? Ты себя-то не сбивай с темпа! Как ты там сказал: «Вы меня все равно переговорите...» Ну?

- О, кей! - согласился Штукин. - Я поправлюсь: я пришел не с информацией. Я пришел со знанием того, что произошло. Но! Это знание есть еще у нескольких оперов Управы, тех, которые из отдела по умышленным убийствам. Эти опера - они не гении. Но они и не пьяницы. Это не значит, что они могут вас посадить, но они могут растиражировать свои знания устно и письменно. Пойдут обзорные справки, и знать начнет уже их руководство - руководство УУРа. На заслушиваниях в прокуратуре начнут упоминать вашу фамилию. Упоминать и обсуждать. Возникнет устойчивое мнение. Поползут слухи. Конечно, все это не приведет к реализации. Но - некоторые ОРМ могут привести к задержанию исполнителей...

- Что такое ОРМ?

- Оперативно-розыскные мероприятия... Так вот, насчет исполнителей - конечно, от них никто признания не ожидает, но... но все это - нервы. Так? И не надо говорить, что нет. Нервы плюс траты. Вы ведь не ранее судимый квартирный вор, чтобы говорить: «Начальник, ты докажи сперва...» Вы - серьезный человек. У вас не только офисы, деньги и секретарши. У вас - репутация.

- Хватит! - оборвал его Гамерник. - Я с первых слов понял, что ты хочешь... Скажем так: я готов заплатить, чтоб мое имя не трепали, хотя это шантаж. Есть еще что-то?

- Есть, - спокойно кивнул Валера. - Юнгеров.

- В каком смысле?

- В том самом. Нужно?

- Ну... Пусть будет...

- Стало быть, мы принципиально можем договориться?

- Конечно.

- А в деталях?

Сергей Борисович улыбнулся, показав розовые десны:

- А что, «шесть тысяч четыреста» не устраивает?

- Нет.

- А сколько?

- Полтаха.

- Ну... Дай чуток подумать, хотя скорее всего, что да.

Неожиданно возникла пауза - словно они бежали, бежали, а потом так же внезапно и остановились, как пробежали. Валерка даже головой покрутил:

- Быстро как у нас получается-то...

- А чего тереть-то?

Гамерник встал и сунул руки в карманы:

- Вот только, чтобы я знал, что ты не блефуешь... Называешь мне имена и первые буквы фамилий исполнителей - и все. А я уж по своим каналам проверю - имеет ли твое знание хоть какое-то отношение к той дикой истории в лифте...

Штукин усмехнулся и подумал о том, что при всей внешней быстроте и напористости Гамерник все равно вел разговор так, будто учитывал возможность наличия у собеседника записывающего устройства. Чтобы можно было сказать в случае чего - да, согласился платить вымогателю, но не из-за того, что боялся разоблачения, а чтобы дерьмом не облили...

Валера спрятал улыбку и встал:

- У меня будут и имена, и буквы в фамилиях.

- Тогда у меня будут деньги в долларах.

- А за Юнгерова?

Гамерник насмешливо посмотрел на Штукина:

- Мне байки не нужны. Ежемесячная разумная оплата за какую-то фоновую конкретику - согласен. А каждую важную информацию будем оценивать отдельно.

Штукин кивнул, выражая согласие:

- Странно, но мне легко с вами разговаривать. Сергей Борисович, а почему вы не спрашиваете о причинах, побудивших меня предложить вам м...м...м... сотрудничество по Юнгерову? Он ведь меня после увольнения на работу взял...

Гамерник неторопливо перекатился с пяток на носки и обратно, потом слегка дернул узкими губами, обозначая улыбку:

- Я же сказал - всякие байки и Достоевщина меня не очень интересуют. И ты смотри - я не так прост, как быстр. Ладно, давай не будем маяться ненужными разговорами. Жду букв.

Руки они подавать друг другу не стали, прощаться - тоже. Достаточно сухо обменялись номерами мобильных телефонов, и Штукин ушел.

На улице уже он, заложив петлю вокруг Большого концертного зала «Октябрьский», осторожно проверился. За ним никто не шел. И только тут Валерка почувствовал, что мокрая от пота рубашка неприятно липнет к спине...

Странные истории подчас происходят в жизни. Удивительным образом судьба сводит и разводит людей. Любопытно, как бы мог сложиться разговор этих двух очень разных людей, если бы они знали друг о друге чуть больше. Но Гамерник не знал, что Штукин и есть тот самый сотрудник, которого внедрили к Юнгерову - внедрили, грубо говоря, благодаря инициативе самого Гамерника, причем благодаря инициативе, подкрепленной серьезными деньгами. И Валера тоже не знал этого обстоятельства... Он лишь смутно ощущал какую-то неправильность, нездоровость во всей истории своего внедрения. Но ощущения - это не знание...

Примерно через полчаса после окончания беседы с Гамерником Штукин отзвонился из таксофона Юнгерову и доложил, что контакт состоялся. Александр Сергеевич был в городе и сразу назначил Валере встречу в итальянском ресторанчике на Большой Конюшенной. За

ужином Штукин подробно рассказал, как все прошло, стараясь не пропустить ни одного нюанса. Юнкерс чем больше слушал, тем злее улыбался. Когда Валера умолк, Александр Сергеевич выглядел почти веселым:

- «Все понятно - он застрял!» [10] Ах, Гомер, Гомер... Ну, сука... Ничего, не ты один такой умный... Мы тоже кое-что умеем придумывать... И в том числе процессуальными методами.

9

- «Скажите, Шура, честно, сколько вам нужно денег для счастья? - спросил Остап. - Только подсчитайте все.

- Сто рублей, - ответил Балаганов, с сожалением отрываясь от хлеба с колбасой.

- Да нет, вы меня не поняли. Не на сегодняшний день, а вообще. Для счастья. Ясно? Чтобы вам было хорошо на свете.

Балаганов долго думал, несмело улыбаясь, и наконец объявил, что для полного счастья ему нужно шесть тысяч четыреста рублей и что с этой суммой ему будет на свете очень хорошо.

- Ладно, - сказал Остап, - получите пятьдесят тысяч»

(цитата из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»).

10

Цитата из мультфильма о Винни-Пухе.

Штукин непонимающе сощурился, но Юнкерс махнул рукой:

- Не бери в голову, каждый должен свой маневр знать... А ты свой начал осуществлять правильно и принципиально вопрос с Гомером решил. Правда - остались нюансы. Во-первых, как-то надо тебе исхитриться, чтобы от твоего человека из Управы получить данные стрелков... Это реально?

Штукин лишь молча пожал плечами. Александр Сергеевич понимающе цыкнул зубом:

- Вот... Давай все же деньги твоему парню сунем. А?

Валера мотнул головой:

- Да не в деньгах там дело... Я попробую... Если получится - тогда можно и деньги - как премию. А если сразу сумму назвать - тогда у него соблазн возникнет и он туфту какую-нибудь прогонит - поди проверь... А если что - скажет, что добросовестно заблуждался... Я без денег попробую.

Юнгеров внимательно посмотрел на Штукина, затем медленно, словно нехотя, кивнул:

- Ну - твой человек, ты его лучше знаешь, тебе виднее... Да. А во-вторых - это то, что меня уже касается, - надо смоделировать такую информацию, чтобы она Гамернику интересной была... А это надо серьезно думать... М-да. В общем - на словах все гладко...

Валерка неожиданно уловил, как у него внутри зарождается и становится все больше и больше комочек обиды:

- Получается, зря я к нему ходил, что ли?

- Что?

Юнгеров, задумавшийся было о чем-то своем, даже не уловил сначала смысл фразы, произнесенной Штукиным, а когда уловил - расхохотался, как взрослые по-доброму смеются над детьми:

- Почему же зря, чудак ты человек! Его реакция была? Была. Уже, значит, не зря. Глядишь - у тебя с опером твоим что-то получится - еще на шагочек глубже влезешь. Там мы и с информацией обо мне что-то придумаем. Да и другие... мероприятия запустятся... Вот так - кирпичик за кирпичиком, и замуруем гада! А ты сразу в обидки... Все нормально, Валера!

Но Штукин не считал, что все нормально. Он чувствовал, что какую-то серьезную информацию Юнгеров, абсолютно не стесняясь, не считает нужным озвучивать. При этом и не скрывает особо, что еще какие-то меры в отношении Гамерника будут предприняты. Какие? Юнгера в лоб не спросишь... А он явно что-то задумал, точнее - придумал вместе со своим «штабом». И вероятно, эта «придумка» проще, надежнее и эффективнее Валеркиного насквозь авантюрного «внедрения» к Гамернику. Что же получается - опять на обочину судьба выталкивает? Нет уж. Фигушки. Человек, как учил марксизм, сам творец своей судьбы...

Пару дней ничего интересного не происходило, а потом состоялась очередная встреча Штукина с Ильяхиным, на которой первый вопрос (по личностям стрелков) решился неожиданно просто.

Встреча происходила все в том же немногочленном кафе, и даже кофе на стол им ставила та же самая официантка. Штукин долго рассказывал полковнику о том, какими скучными были практически все дни после их предыдущей встречи, а в конце монолога добавил:

- Что же касается отношения Юнгера к Гамернику - то, боюсь, здесь случай особый, хронический. И периода обострения не последует, при всех-всех подозрениях, до тех пор, пока не появится хоть какая-то конкретика - например, по личностям стрелков. А уж от личностей любой опытный человек может прийти к доказательствам...

Ильяхин маленькую хитрость Валеры раскусил сразу и устало вздохнул:

- Значит, я неопытный человек.

Штукин понял, что прокололся, виновато посмотрел на Виталия Петровича, который внимательно разглядывая лепнину на потолке, сказал тоном почти безразличным:

- Ты знаешь, я ведь владею достаточно исчерпывающими данными о стрелках. Более того - техника на их телефонах молотит, но... С предъявлением обвинений... по Хрущеву.

- Это как? - машинально переспросил Валера, на самом деле заинтересовавшийся больше

всего тем, что «техника молотит».

Ильяхин улыбнулся:

- Видишь, у наших поколений уже совершенно разные ассоциативные ряды. Поясню – Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев как-то объявил: «Партия провозглашает, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!» Как видишь – так оно и вышло...

- Теперь понял, – улыбнулся и Штукин, но полковник покачал перед его носом указательным пальцем:

- Думаю, что и теперь не до конца. На заслушивании в прокуратуре начальник отдела торжественно заявил, что преступление на восемьдесят процентов раскрыто. Я не стал шутить, что женщина на восемьдесят процентов беременной быть не может...

- Теперь понял, – повторил Валера уже без улыбки, а Ильяхин снова не согласился с ним:

- Думаю, что и теперь не полностью...

Полковник на несколько секунд прикрыл воспаленные глаза и подумал, что за последние месяцы он стал уставать слишком уж быстро и часто. Открыть глаза и вернуться к разговору его заставил притворно-сердитый голос Штукина:

- Что же это вы, господин полковник, меня такой бестолочью считаете? Зачем тогда во вражий тыл заслали?

Виталий Петрович крикнул:

- Вот я уже и господин полковник – а раньше товарищем был... Все-таки правду говорят, что окружение влияет. Треться среди господ – и – пожалте, результат.

Штукин смутился, а полковник, не давая ему опомниться, тут же задал очень конкретный вопрос:

- Если Юнгеров узнает данные исполнителей – что он станет делать? Засунет их пальцы в мясорубку?

- Да ни в коем случае! – обрадовался Валерка возможности дать прямой ответ на прямой вопрос. Эта его радость сразу же насторожила Ильяхина. Виталий Петрович закурил и, вздохнув, констатировал:

- Ты, Валера, сейчас похож на девушку, которая звонит подружке, чтобы посплетничать, и умоляет: «Я никому ничего не расскажу, честное пионерское! Ну, рассказывай мне свою тайну!»

- Вы о чем это? – вспыхнул Валерка и тем самым подтвердил подозрения Ильяхина.

Полковник укоризненно покачал головой:

- Я, дорогой мой, о том, что ты – невзначай так – подбираешься к данным стрелков. Но, поскольку ты меня не очень хорошо знаешь, то получается у тебя неуклюже. Ты помолчи, не дергайся. Тебе очень хочется передать информацию Юнгерову, потому что это справедливо? Ты думаешь, что, передав, сможешь влиять на процесс? Я бы сказал, на процессы?

- Я... - растерянно начал было Штукин, но Виталий Петрович перебил его:

- Ты, ты! И не надо думать, что я тебя поймал! Я тебя не отчитываю. Я очень устало размышляю вслух. Ты прозрачен, Валера. Как ты думаешь, какой ты для Юнгера?

Валерка закусил губу почти до крови, потом криво улыбнулся:

- Если я - клоун, тогда давайте заканчивать этот театр!

Ильюхин хмуро допил свой кофе, потом долго гасил окурок в пепельнице. Он специально тянул паузу, чтобы Валера понял: повышать голос на полковников не стоит даже внедренным в банды. Наконец Виталий Петрович сказал:

- Не надо подчеркивать свою молодость повышенной нервозностью. Знаешь, друг мой, когда ты женишься и у тебя появится ребенок, то вы с женой будете ждать, когда же он заговорит. М-да... ждать будете и будете учить его говорить, чтобы потом просить его замолчать. Доходит?

- Не очень...

- Жаль. На обиженных... А знаешь, как бы тебя уgomонил Крылов?

- Нет.

- Лагерную поговорку насчет обиженных знаешь? Обиженных чего?

- Ебут.

- Вот! А теперь скажи: ты хочешь узнать имена стрелков?

- Хочу.

- Чтобы передать братве? - Ильюхин, казалось, просто излучает из себя иронию.

- Нет.

- Ну, и тогда зачем тебе то, с чем ничего нельзя сделать? Ты смотрел «Приключения принца Флоризеля?» Там один ухарь все никак не мог никому алмаз показать... И что из этого вышло?

- Ну, ничего хорошего, - согласился Штукин. Виталий Петрович посмотрел на него, словно учитель на любимого ученика, только что давшего правильный ответ:

- Именно! Теперь - давай с другой стороны глянем на эту тему. Вот сидят два жулика.

Один другому рассказывает за свой квартирный разбой. Второй спрашивает: «И зачем ты меня подставил?» Первый руки к груди прижимает: «Да Господь с тобой! В чем же?» А второй ему объясняет: «Я теперь знаю за тебя. Вот завтра - хапнут тебя, и на кого ты думать начнешь? Чьи имена в КПЗ перебирать будешь? Вот на хера ты мне за этот разбой рассказал?» Смекаешь, к чему я?

Валерка неожиданно очень светло улыбнулся - безо всякого сарказма, иронии и прочих разных сложных «наполнителей»:

- Так точно, товарищ полковник! Смекаю, к чему вы клоните!

Ильюхин почувствовал перемену в его настроении и насторожился:

- И тебе по-прежнему хочется знать данные стрелков?

- Да.

Полковник откинулся на стуле и поднял руки вверх, словно сдаваясь в плен:

- Так. То ли я дурак, то ли не в этом дело. Хорошо. Если это не каприз детский – вот хочу и все, папа, купи мне этот мячик – тогда должна быть какая-то понятная мотивация. Если она есть...

- Есть такая мотивация! – этот возглас Штукина прозвучал почти по-ленински: «Есть такая партия!»

Виталий Петрович скрестил руки на груди и всем своим видом изобразил готовность внимательно слушать:

- Излагай.

Штукин выдержал для порядка небольшую паузу, закурил и, глядя Ильяхину прямо в глаза, сказал на одном дыхании:

- Первая заповедь оперативника – посмотреть своими глазами на то, на что можно посмотреть. Вот и я – хочу на них посмотреть. Просто чтоб иметь в виду их хари. Я, между прочим, внедрен в преступную среду, и дело иметь мне приходится с людьми многими и очень-очень разными. В разных компаниях бывать. С разными типами кофе пить и не только кофе. Если я не знаю стрелков – то завтра теоретически я могу начать с ними что-то тереть или водку пить, или еще не пойми какая тема возникнет... А я не буду знать, что это – убийцы! А может, завтра Гамерник заставит их к Юнгеру внедриться, на предмет планирования теракта! Вот устроятся к нему какими-нибудь водителями, плотниками или дворниками! Вот и вся моя мотивация – таких людей надо знать в лицо. На всякий случай. Доклад закончил!

Полковник некоторое время сидел молча и неподвижно, а потом, цыкнув зубом, вяло зааплодировал – точнее, он лишь изобразил аплодисменты:

- Ну, что тебе сказать, постреленыш... Я не скажу тебе, что крыть нечем, потому что это так, и ты сам об этом знаешь. Я, вообще, не буду ничего комментировать. Мы все друг другу сказали. Мы друг друга услышали. Я тебя предупредил. Ты свою сермягу предъявил. Торговаться не будем.

Ильяхин взял в руки свою идиотскую облезлую папку, которую носил вместо портфеля (она лежала на стуле рядом), открыл ее и достал два тоненьких мятых листка факсовой бумаги, на которых были изображены несгибайки [11] из паспортной службы. Листки мгновенно свернулись в рулончики, которые полковник катнул по столу к Штукину:

- Дывысь!

Валерка развернул факсы, стараясь не думать, почему Ильяхин все же согласился показать их ему. Штукин рассматривал несгибайки неторопливо, а они, присланные из дальних регионов, молчаливо свидетельствовали об отсутствии в МВД хорошей техники. К тому же эти несгибайки были чуть ли не десятилетней давности. Валера вздохнул:

- Похожи на фотороботы. Глаза, уши, хвост.

Ильяхин шевельнул бровью, и Штукин пояснил насчет хвоста:

- Ко мне раз в 16-й отдел приходит африканец. Ограбили его, видите ли! Говорит, что преступник был большой и страшный! Я спрашиваю: «Какой у него нос?» Он говорит: «Большой!» Я: «А уши?» Он: «Большие». Я: «А зубы?» Он: «Большие» Я: «А хвост был?!» Он: «Был. Большой», я так и хотел фоторобот составить, но мне начальство не позволило.

- Смешно, - согласился Виталий Петрович, даже не обозначив намека на улыбку. Он помолчал и кивнул на рулончики: - Смотри, теперь, если кто-нибудь заговорит или начнет свой сыск для мести... Это будет значить, что ты, мил человек, - фантик, да еще с душком, - это в лучшем случае. А в худшем - сволочь. Ты пойми: когда вагоновожатый ищет новые пути - трамвай обязательно сходит с рельсов.

Валерка открыл было рот, но тут же закрыл его и снова открыл, чтобы сказать не совсем то, что хотел сначала:

- Если вы сомневаетесь - то для чего тогда рискуете?

Ильюхин улыбнулся, будто именно этого вопроса и ждал:

- Для тебя, сынок. Я-то, ежели что, отплююсь! Отплююсь, отпишусь, отбрешусь - не в первый раз, не сомневайся... Но мне будет очень скучно. Даже не тоскливо, а скучно. Потому что я хочу, чтобы хоть единицы, но выросли в специалистов. Знаешь, что такое специалист?

11

Индивидуальные карточки в паспортном столе с фотографией гражданина и полными установочными данными его и его родственников.

- Что?

- Специалист - это серьезный хирург, который умеет делать операции по пересадке органов. А у нас в стране в последнее время слово «специалист» ассоциируется с каким-нибудь урюком, который спустился с гор и взорвал БМП... Понимаешь?

Штукин пробарабанил пальцами по столу - будто гамму на пианино сыграл:

- Примерно.

Виталий Петрович терпеливо покивал и развил свою мысль:

- У Басаева слава есть?

- Ну-у... - задумался Валера.

Полковник не стал ждать окончания мыслительного процесса:

- Нет у него славы. Есть известность. Понял?

- Теперь понял, - серьезно ответил Штукин и тут даже спросил: - Насчет славы и известности - вы это не на Крылова намекаете?

Ильюхин настолько удивился, что даже рукой на Штукина махнул:

- Чур тебя! Где Басаев - и где Крылов! Так мы сейчас хрен знает до чего договоримся... Давай-ка лучше к нашим баранам... Короче, алмаз - (я имею в виду тот, который из «Принца Флоризеля») у тебя. Имей в виду: меня обмануть можно. Всех - нельзя.

Валера неожиданно сложил руки на столе, словно первоклашка, выпрямил спину и отчеканил, будто отрапортовал:

- Товарищ полковник! Я не собираюсь передавать данные стрелков Юнгеру и его людям. Могу дать честное слово офицера!

Ильюхин тихо засмеялся:

- Вольно... Слово офицера - это хорошо. Хорошо, что мы с тобой не в библиотеке работаем. Представляешь - слово библиотекаря!

Штукин юмор оценил и даже развил шутку:

- А если бы в магазине работали? «Слово продавца мясного отдела»!

Их встреча закончилась на веселой ноте. Штукин не обманывал Ильюхина, поэтому ему легко было дать слово офицера. Валерка действительно не собирался передавать данные киллеров Юнгеру. Но Штукин и не сказал полковнику всей правды: данные киллеров были нужны для разговора с Гамерником. Эх, Валерке бы повнимательнее отнестись к словам полковника о вагеноводителе и о том, что всех обмануть нельзя... Беда Штукина была в том, что он тоже считал правилом тот постулат, что всех обмануть нельзя. Но Валера также и полагал, что в любом правиле есть исключения - и это было ошибкой...

После встречи с полковником Валера позвонил из таксофона Юнгеру и слегка возбужденным тоном рассказал о том, что готов ко второй встрече с Гамерником.

- В смысле? - не врубился сразу в суть вопроса Юнгер. Видимо, он с кем-то разговаривал, и его мысли были заняты чем-то другим.

- В смысле, что я узнал буквы, - пояснил Штукин, и до Александра Сергеевича дошло:

- Да ну? А... А насколько полной информацией владеет твой коллега?

Юнгер имел в виду несуществующего «опера из управы». Штукин же сразу вспомнил печальные глаза Ильюхина и твердо ответил:

- Только буквы. И похоже, он не врет. Он мельком видел факсы - там все в черных разводах было, а он вчитываться не стал, не та ситуация сложилась... Но мне ведь и нужны для продолжения праздника только инициалы.

- Жаль, - после короткой паузы вздохнул Юнгер.

Валера не стал спорить:

- И мне жаль, но что поделаешь. Будем работать дальше в этом направлении. Так я в гости-то схожу? Вы на продолжение банкета добро даете?

- Давай, - выдал санкцию на контакт с Гамерником Александр Сергеевич. - Отзовишься потом, как прошло... Хотя нет, лучше сразу, если будет что сказать, приезжай ко мне. Пошепчемся.

- К озеру приезжать? - уточнил Штукин.

И Юнгеров, поняв его иносказательность, рассмеялся:

- Именно. В логово приезжай. В сельскую резиденцию.

Валера перекурил, собрался с мыслями и без звонка заехал в офис Гамерника. Сергей Борисович оказался на месте и принял Штукина без проволочек.

Штукин тоже не стал размазывать манную кашу по столу и сразу же, как только оказался в уже знакомом кабинете, написал на листке бумаги инициалы убийц. Гамерник взял в руки листок, глянул и помрачнел, чем сразу себя выдал. Но он сыграл свою роль до конца, сказав фальшиво-беспечным тоном:

- Хорошо, сейчас сравним с нашими данными. Поскучай здесь минут десять.

И Гамерник вышел из кабинета - якобы для того, чтобы проверить, насколько соответствуют инициалы истинным именам. Валерка понимал, что никуда он не пошел сравнивать. Просто вышел в приемную, и все, но не позволил этим мыслям отразиться на лице.

Отсутствовал Гамерник менее десяти минут, вернулся он в кабинет уже без листка с инициалами и без обиняков перешел к делу:

- Ну что же... Придется платить этому государственному рэкету. Сейчас приготовят деньги.

Видно было, что настроение у Сергея Борисовича испорчено окончательно. Штукин встал и покачал головой:

- Зачем спешить? Успеется с деньгами-то... Обманывать вы все равно не будете, это уж очень недальновидно... А мы не нищие, не торопимся. Давайте так: я напишу справочку со всеми данными - полными. Ну, и дополню ее рекомендациями и предостережениями. Тогда и рассчитаемся.

Валерка и сам не до конца понял, почему так ответил Гамернику. Наверное, уж очень впадло было брать из его рук деньги... В общем, его ответ был обусловлен фактором именно эмоциональным. Сергей Борисович, наверное, это почувствовал, поскольку отреагировал достаточно нервно и раздраженно:

- Не надо мне никаких справочек! Буквы эти специалисты где-то слышали. Мне свое слово перед вами держать надо.

- Сергей Борисович, - повторил Штукин, - нам спешить некуда.

Лицо Гамерника пошло красными пятнами:

- Сыск жить стал очень хорошо?

Валера спокойно ответил:

- Не бедствуем... А иначе цена была бы - шесть тысяч четыреста! Ага. Откусили бы - и сразу же побежали бы пропивать!

Штукин очень не хотел брать сейчас пятьдесят тысяч долларов, он даже самому себе не мог объяснить почему. Наверное, чтобы в собственных глазах не выглядеть тем, кто всю сложную интригу замутил исключительно из-за бабок...

Гамерник искоса глянул на него и недовольно буркнул себе под нос:

- Растем, растем.

Штукин улыбнулся:

- Ну, так я пойду? Проверочка, как я понимаю, удалась...

Эта его улыбочка окончательно добила Гамерника. Сергей Борисович взорвался, и с него, словно шелуха, мгновенно слетел благопристойный имидж капиталиста-бизнесмена-олигарха, а под этим, оказавшимся очень тонким, слоем проступило нормальное бандюганское естество:

- Слышь, ты! Ты не заблудился?! Рамсы не попутал, а? Ты че, а?! Ты кого в себе увидел, а?

Метаморфоза была столь стремительной, что Штукин лишь головой покачал:

- Я в себе увидел человека, который вам уже оказал услугу, так как «предупрежден – значит, вооружен». Повторяю: оказал услугу. Но могу и не оказывать больше. Посему – вон там, на тумбочке [12], вохра – очевидно, бывший «получалово» – вот ему и «слышь». А я – пошел.

Гамерник засопел и сбивчиво попытался наехать еще раз. Но уже не с той энергетикой, да и тоном ниже:

- А ты возрастом...

- А я сильно извиняюсь, – легко перебил его Валера, – но либо у нас деловые отношения и мы партнеры...

- Либо?!

- Либо через месяц вы станете-таки брендом на заслушиваниях в городской прокуратуре. А потом, даже если вы и не переберетесь на ПМЖ в следственный изолятор, то лепший кореш Юнгера Обнорский со своим агентством, которое, по сути, маленькая, но медиаструктура, вобьет в вашу репутацию пару осинового журналистских расследований. Думаю, что их с гиканьем подхватят и федеральные СМИ – вы же у нас человек, по сути, больше московский, чем питерский... Ну, а дальше... Дальше пойдут процессы, хорошо известные вам в общих чертах.

Штукин замолчал, и в кабинете стало тихо. В этой тишине Валерка отчетливо слышал хриплое и тяжелое дыхание Гамерника. «Да, с физкультурой парень явно не дружит», – подумал про себя Штукин. – «А ведь дом-то, небось, весь уставлен разными тренажерами». Валера специально старался думать о чем-то, что не касалось напрямую предмета его визита в этот кабинет, – чтобы не сорваться и не сказать Гамернику все, чего тот заслуживал, прямо в глаза.

- Где ты этому научился? – наконец нарушил тишину Гамерник почти нормальным тоном.

Валера сделал «большие глаза»:

- А я что, изрек что-то нобелевское?

Гамерник хмыкнул и посмотрел на Штукина как-то по-новому, словно переоценку производил. Валерке захотелось даже зубы свои продемонстрировать – глядишь, цена и еще чуток повыше стала бы.

- Кофе будешь?

Вопрос прозвучал, как приглашение к миру, но Штукин подачи не принял:

- Не хочу.

- А что ж так?! – сразу вскинулся Гамерник.

Валера вздохнул безнадежно и объяснил:

- Тороплюсь я, Сергей Борисович, это во-первых.

- Ну, а что же во-вторых? Ты говори, говори!

- Извольте. Кофе у вас тут – говно. Купите хорошую кофеварку, тонны за полторы баксов.

Гамерник открыл безмолвно рот, будто выброшенная волной на берег рыба. Штукин невозмутимо приложил два пальца к правому виску, имитируя отдавание чести:

- Всего вам доброго, Сергей Борисович. Днями я вам непременно телефонирую!

Уже выйдя из приемной, Штукин ухмыльнулся, услышав вопль Гамерника, адресованный секретарше:

- Эля! Эля! Кофе какой-то жидкий! Ты сама-то пьешь его?!

- Так кофеварке же уже сто лет в обед, – забубнила в ответ, соглашаясь, Эля.

Штукин свернул в коридоре к выходу и досадливо крикнул, сожалея, что не может насладиться всем спектаклем с секретаршей до конца. Так, с улыбкой, Валерка и вышел на улицу.

А Гамерник в кабинете действительно устроил шоу. В ответ на справедливое замечание Эли относительно возраста кофеварки он сорвался на почти визг:

- Так хули ж ты, пидораска, варишь тогда говно жидкое? Ты, блядь, пошли водилу в «Империю кофе», чтоб он купил нормальный аппарат! Чего не ясно?!

- Я поняла. – Эля покраснела и начала пятиться к выходу из кабинета. Она хорошо знала своего шефа, поэтому по первичным признакам безошибочно определила: начинается истерика.

Гамерник и впрямь чем-то стал даже внешне похож на бесноватого:

- С-с-сука-а! Блядь, достала! Или мне и чистящие средства для сральников самому покупать?! Достала, тварь! Дура, ни украсть, ни покараулить!

Эля успела юркнуть задом в приемную и прикрыть за собой дверь, когда об нее с той стороны кабинета ударилась вазочка с конфетами «Мишка косолапый». Плотная дубовая дверь хорошо гасила звуки и превращала вопли Гамерника в нечленораздельный бубнеж. Эля присела за стол на свое место и взялась за виски пальчиками.

Минут через десять дверь кабинета приоткрылась, и оттуда высунулось красное, словно распаренное в бане, лицо Гамерника:

- Анисимов где?

- Кто? - не поняла с нервяка Эля.

Успокоившийся было Гамерник заверещал снова:

- Дура! Шишу позови! Так тебе понятнее, блядь?!

Эля выскочила и бросилась по коридору искать подручного шефа - того самого, который, кстати, и сосватал ему стрелков. Вслед секретарше неся вой Гамерника:

- Твари, твари, твари! Это только в «Джентльменах удачи» можно клички отменить, а у нас - ни хера! Кретины, дебилы недоделанные!

Через минуту в кабинет шефа ввалился с сопением гражданин Анисимов, известный в определенных кругах по погонялу «Шиша». Когда-то, в молодости, Шиша был классным гребцом, но теперь его сильно разнесло - килограммов этак под сто десять. Шиша остановился посреди кабинета и преданными глазами уставился на своего босса.

Гамерник оскалился и поинтересовался вкрадчивым тоном, который сразу бы все объяснил человеку с мозгами:

- Как поживают твои «верные парни»?

Шиша был человеком не очень умным, но и не законченным дебилем, поэтому он насторожился:

- Так я не особо интересуюсь, они - люди взрослые.

- А ты поинтересуйся, дружище Битнер! [13] - прошипел, брызгая слюной, Гамерник.

Шиша растерянно заморгал:

- Битнер... это бальзам?

У Гамерника задергалось лицо. Он с трудом взял себя в руки и произнес следующую фразу почти по слогам, очень четко артикулируя, как для умственно непонимающих:

- Битнер - это не бальзам! Так, все: даю установку - стереть предыдущую информацию! Даю новую вводную: они на свободе?

Шиша открыл рот и ахнул:

- А... а как же иначе?

Гамерник пнул ногой журнальный столик и снова заорал в полный голос:

- Иначе - раком на пересылке! Еб твою мать! Выяснить, где они живут, как они живут, - живо!

- Понял!

Шиша вытянулся по стойке «смирно», подобрал живот и начал задом пятиться к двери, но его остановил новый окрик:

- Стоять!

12

Армейско-лагерное выражение: стоять на тумбочке - т. е. дежурить.

13

Персонаж из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

Шиша замер. Гамерник подошел к своему подручному и снизу вверх посмотрел в маленькие заплывшие глазки:

- Выяснить осторожно, не вступая в половой контакт. Повтори!

- Осторожно, и не ебать мозги! - отчеканил Шиша, стараясь не моргать.

- Бегом!

Шишу словно гигантский пылесос всосал в приемную. Гамерник застонал, схватился за голову и рухнул на диван. Его одолевали неприятные мысли: «Хорошо еще, что на этих "верных парней" набрели местные мусора. Чем быстрее платишь, тем дешевле выходит. Пятьдесят тонн - провинция! Убожество... В Москве бы сразу ноль пририсовали! И еще строят из себя - "не к спеху"! Ничего, ничего, возьмут, как миленькие, а этих "верных" надо куда-то... Куда? Черт дернул с уголовниками связаться... А если информация все же уйдет от этих мусоров выше? Да нет, не должно... Этот Валера недобитый, конечно, - рыло мусорское, но, похоже, деловой... Сволочь, но доверять ему, как ни странно, можно - уж больно много выебывается и о себе явно высокого мнения. Сука, повоспитывать меня решил! Но был бы он "прокладкой" - никогда бы так себя не повел... Хоть это утешает...»

...Между тем Валера, который, естественно, не знал, что, по мнению Гамерника, ему можно доверять, всю рулил к «Аэродрому» Юнгера. Штукин считал, что его второй контакт с Гамерником прошел успешно, и проговаривал про себя пункты, по которым собирался докладывать Александру Сергеевичу.

Валерка сам не мог понять, почему его не отпускает какое-то странное внутреннее напряжение - ведь вроде бы все пока складывалось нормально. Правда, непонятно откуда возникло ощущение, что Юнгеров как-то подстыл к его игре с Гамерником... Может быть, это просто кажется? Нервы, мнительность... «Интересно, - подумал Валера, глядя чуть покрасневшими глазами на дорогу, - а с этими пятьюдесятью тоннами, когда я их все-таки возьму от Сергея Борисовича... как с ними? Я, конечно, принесу их Юнгерову, а что он скажет? По идее, либо оставит мне долю, либо - под настроение - и всю сумму может зачесть мне, как премию... Хорошо бы в это настроение еще попасть...»

Штукин готовился к серьезному и обстоятельному разговору с Александром Сергеевичем, но, как это часто бывает в жизни, все пошло совсем не по плану, который Валерка сам себе нарисовал.

Юнгеров встретил Штукина радушно, но несколько рассеянно, видно было, что мысли его заняты чем-то другим и, видимо, очень серьезным. Когда Валерка поинтересовался, можно ли ему начать докладывать, Александр Сергеевич как-то неопределенно завертел головой, посмотрел на часы, выглянул в окно – там прямо к дому подъехала какая-то машина, – кивнул самому себе и, повернувшись к Штукину, сморщил лоб, словно размышлял – куда его деть:

- Так, погоди... Доложишь чуть попозже... Пойдем-ка...

Юнгеров стремительно двинулся в глубь дома, так что Валерка едва поспевал за ним. Штукин много раз уже бывал в загородном доме Юнгерова, но все равно плохо ориентировался в этом огромном строении, напоминавшем лабиринт. Валерка не сомневался, что один мог бы и самым настоящим образом заблудиться в этом доме.

Юнгеров вывел Штукина в какой-то холл, заставленный кожаными диванами и креслами. На стене висел огромный плоский телевизор, на журнальном столике высилась гора глянцевого журналов.

- Ты отдохни пока здесь, – велел Валерке Юнгеров. – Я кое-какие дела закончу, и тогда мы спокойно поговорим. Вон, можешь с телевизором поиграться – там через спутник больше сотни каналов должно показывать, но настройка почему-то все время сбивается. Ты в телевизорах и антеннах что-нибудь понимаешь?

- Не очень, – честно признался Штукин.

- Ну, вот и разбирайся, – нелогично распорядился Юнгеров и быстрым шагом вышел из холла.

Валерка, оставшись один, сначала развалился на диване, а потом взял в руки пульт от телевизора и начал нажимать на все кнопки подряд. Настенное чудо действительно показывало множество каналов, однако качество изображения оставляло желать лучшего. Штукин рьяно взялся за настройку, но с цветом и контрастностью все равно происходила полная ерунда. В конце концов Валера донстраивал телевизор до того, что сбились вообще все каналы, а сам телевизор мигнул и выключился.

- Вот и славно, – сказал Штукин, кладя пульт на журнальный столик и вытягиваясь на диване. – Вот и замечательно!

Он взял со стола три толстых глянцевого журнала и сунул их себе под голову. Глянец приятно охлаждал затылок, и Валерка не заметил, как задремал. Ему приснился странный сон – будто он бежит в огромном пустом доме по каким-то коридорам, а ему вслед гулко топают чьи-то шаги, и голос Гамерника, отражаясь от каменных стен, бьет по ушам, заставляя сердце сбиваться с ритма: «Ты не заблудился... блудился... дился... Ты за кого себя принял... ринял... нял...» Эхо от шагов и голоса нагоняло жуть – как в фильмах ужасов. Валерка застонал и проснулся. Вытерев рукой испарину со лба, он усмехнулся, мол, привидится же такое. Закуривая сигарету, он обратил внимание, что пальцы слегка дрожат. Штукин покачал головой и снова усмехнулся, постепенно успокаиваясь, но тут до него донесся звук, заставивший его вздрогнуть, – очень он похож был на голос Гамерника из его сна. Звук доносился от той стены, на которой висел телевизор. Валера решил было, что электрическое чудо снова заработало, нахмурился, встал и подошел к телевизору. Он не подавал признаков жизни. Штукин пожал плечами и хотел вернуться к дивану, но вдруг снова отчетливо услышал какие-то голоса. Они звучали очень

странно - гулко и сопровождалось коротким эхом, будто люди разговаривали в огромном зале, блицованном мрамором.

Валера не знал, что за стеной находился бассейн - в данный момент пустой, поскольку Юнгеров решил его очередной раз переделать - ему приспичило соорудить еще и маленькую вышку для ныряния. В коробке пустого бассейна почему-то не работали мобильные телефоны, это открытие сделал однажды Ермилов, после чего стал требовать, чтобы особо интимные разговоры проходили именно в этом месте. Юнгеров этим мерам предосторожности не особенно противился, хотя и смеялся над ними, говоря, что, когда в бассейне снова будет вода - надо будет устраивать секретные подводные совещания.

Штукин приложил ухо к стене, и голоса стали слышны более отчетливо. Разговаривали трое. Юнгера и Ермилова Валерка опознал сразу, а вот третий голос - он тоже был знаком, но эхо его искажало...

- Да, не учли малехо... Переделаем... Есть такое дело. Но мы все равно перевесим...

Штукин пожал плечами, прикинул, а не вернуться ли ему на диван, чтобы никто не застучал его подслушивающим, но в этот момент голос Юнгера заставил его напрячься и тщательно вслушиваться в каждое слово:

- Итак, сколько переведено в нал?

- Два миллиона ноль двадцать девять, - пробубнил в ответ Ермилов.

- Бешеные деньги, - усмехнулся третий собеседник.

- Послезавтра Вадик все упакует, чтобы было... - начал Ермилов, и его перебил Юнгеров:

- Чтобы все было красиво: ровно два лимона, перевязанные ленточкой. А ноль двадцать девять пустим на подарки всем подряд - ручки, папки, сумки, парфюм и прочая лабуда. В Москве ведь теперь и секретарше духи за двести баксов не подаришь.

- Дожили: тридцать тонн на туалетную бумагу! - засмеялся третий, и Штукин, окончательно прислушавшись, вдруг узнал этот голос - он принадлежал Крылову!

- Да, отрасли жопы! - крикнул Ермилов. Потом Юнгеров сказал что-то тихо и неразборчиво, и ему ответил Крылов:

- Так если бы мне с самого начала задачу поставили правильно! А то какие-то депутаты, ГУБОПы, ГУБЭПы... Сидят в дорогих гостиницах, кофеи распивают... Я часами могу говорить еще красивее их. У них одни тенденции, помноженные на нюансы. И все такие серьезные, только делать ничего не умеют. Но все готовы взять деньги за организацию непонятно чего. А организовывать - не надо! Надо, чтобы каждый день на свои рабочие места приходила пара трезвых сотрудников, умеющих заниматься сыском. Ну, технику им еще дать... И все!

- Началось! - гулко вздохнул Юнгеров. Крылов забасил в ответ еще громче:

- Ни хера не началось! Какого лешего перезваниваться, принохиваться, причмокиваться? А?! Спросили бы у Крылова сразу: Петр, а можно ли выйти на самого большого начальника, дать ему на лапу, чтобы все завертелось и закрутилось в нужном нам направлении? Чтобы этого вашего злого гения с поэтической кликухой в центрифугу засосало?

«С поэтической кликухой... Это же он про Гомера!» – сообразил Штукин, уже чуть ли не распластавшийся на стене.

– ...И Крылов бы вам...

– Козлам? – вставил Юнгеров.

– ...Вам поведал бы, что еще в 1994 году был у меня в лагере Хозяин: Варков Иван Данилович – человек хваткий, умный, строгий. Так вот, потом его, говоря по-вашему, перевели начальником всех лагерей, потом дали генерала. А теперь он – министр юстиции. А я с ним дела еще в тайге обделывал. Да он своему заму не поверит, а мне поверит! Я – свой! От меня костром пахнет.

– Петя! – взмолился Юнгеров. – Я уже наизусть эту тему знаю. Раз пятый слышу. Ну что надо, чтоб ты понял, – признаю. Надо было сразу к тебе. Только Министерство юстиции – не совсем... Министерство внутренних дел...

– Правильно! – обрадовался Крылов. – Я ж тебе обещал, что нормально почву прозондирую и тогда скажу конкретно, с кем Данилыч обтяпывает делишки в нашем министерстве.

– Прозондировал?

– А как же!

– Ну, и с кем?

– С ним!

Штукин, естественно, не мог видеть, как Крылов поднес к глазам Юнгера федеральную газету, половину первой полосы которой занимала фотография.

– Знакомая личность?

– А что между ними общего? – недоверчиво полюбопытствовал Ермилов.

Крылов крикнул и зашуршал сминаемой газетой:

– Надо не газеты читать и журнал «Деньги» с социологическими тенденциями, а смотреть в корень. А корень у кадровиков в анкетках. Так вот – этот парень работал когда-то в прокуратуре Свердловской области. А с Данилычем они познакомились крепко после бунта в тамошней «крытке» [14]. Бунт был нехороший, гнилой, с жертвами. При проверке вскрылось многое... ладно. Не об этом сейчас. Результаты все похерили. И прокурорский, чтоб вы понимали, тогда в накладе не остался. А иначе и быть не могло – чтоб от того говна по-тихому отряхнуться – все в доле должны были быть. Вот. С тех пор они друг другу и верят.

– И слово держат? – после небольшой паузы поинтересовался Юнгеров.

Крылов откашлялся и степенно продолжил:

– Про слово. Как-то в БУРе [15] воры организовали движения. То, се – пошла канитель. Явился к ним на разговор Варков. А один вор спорол с бушлата пуговицы и пришил их себе на грудь – прям через кожу – так и вышел к Варкову. Ну и началась у них беседа через «понял-понял». Варков ушел. Через полчаса вернулся, снимает китель, рубашку, а на плечах, через кожу, – звезды полковничьи вколоты. Угу! И орет: «Не закончится буза – в тундре комарам скормлю. Слово даю!» Вот. Воры присмирели.

- Убедил, - выразил все в одном слове Ермилов.

Юнгеров снова пробубнил что-то неразборчивое. Крылов, видимо, ответил на его вопрос:

- А как? Да по-простому. Приеду к нему; закусим ваш коньяк дорогуший огурцом соленным, чтоб рассол на галстуки закапал, и скажу я ему: «Иван Данилыч, выручай по старой дружбе!» И кину под ноги мешок с червонцами. С долларами то есть. А он так попинает его носком ботинка и ответит: «Я это передам в надежные руки. Ты мне лучше расскажи, как живешь, не скучаешь ли по нашим краям?»

- Лагерям, - вставил Юнгеров.

- А лагерь не за запреткой [16], а в душе, - огрызнулся Крылов.

Юнгеров вздохнул так, что даже Штукин расслышал.

- Ты, Петр, как расскажешь чего-нибудь... хорошо, что нас никто не слышит, а то подумали бы, что...

- Что? - нервно переспросил Крылов.

- Что мы людоеды!

- Я только объяснил суть, о которой мы уже много говорили, но по-другому!

- Ладно, ладно, - сказал Юнгеров с примирительной интонацией. - Что у нас, у русских, за манера такая - о серьезном деле говорим и тут же из-за моральных нюансов начинаем спорить?... Достоевщина какая-то.

- Именно-с. Достоевский, кстати, сидел. Поэтому и взгляд на мир имел соответствующий...

- Все, Петр, хорош! Успеем еще о Достоевском... Значит, трогаетесь вы с Рахимовым послезавтра... То, что поездом, а не самолетом, - это правильно, от греха... Насчет машины... Может, мне все же вам какую-нибудь «бээмвуху» выделить?

14

Крытка - тюрьма.

15

БУР - Барак усиленного режима.

16

Контрольно-следовая полоса в исправительно-трудовых колониях.

Крылов рассмеялся:

- Саша, на нашей машине – номера, мигалка, спецсигнал – что еще нужно двум ментам на перегоне до Москвы?

- Ну, хотя бы сопровождение...

- Вот на хера? Лишнее внимание только привлекать. Сели, поехали – через девять часов в Москве. Дорога сейчас нормальная – чего ты переживаешь?

- Ладно. Стало быть, послезавтра в четыре у Вадима в пушкинском офисе забираете сумку – и с мигалкой к московским боярам челом бить. А шелабушки я кому-нибудь поручу купить – подвезут. Лишь бы дело выгорело.

- Не переживай, – уверенно одобрил друга Крылов. – Данилыч возьмет, только если сам себе гарантию даст. Здесь без кидков. Не тот случай.

- И много вас таких на вершинах политического Олимпа? – язвительно поинтересовался Ермилов.

- Мало, – сокрушенно ответил Крылов.

Юнгеров засмеялся:

- Ну, хоть какое-то спокойствие на какое-то время...

Крылов ему что-то ответил, но Валерка уже не расслышал – он отлепился от стенки, пытаясь переварить услышанное. А понять-то было не так уж и трудно: вот, оказывается, что имел в виду Александр Сергеевич, когда говорил, что не только Гамерник умеет действовать «процессуально»! Все очень просто: империя Юнкерса аккумулирует наличными два миллиона долларов. Эти деньги Крылов везет в Москву, чтобы дать в лапу большим чинам правоприменительной системы. Задачи две – урыть товарища Гамерника на чем угодно и как можно быстрее и сделать так, чтобы органы отстали от Юнгерова и его структуры. Два миллиона долларов – это серьезная сумма, способная решить оба вопроса положительно.

- Бывает же так, – сказал тихо сам себе Штукин, завалился на диван и закурил.

Вдруг его словно дернуло: Валерка понял, что теперь располагает информацией не только ценнейшей, но и опаснейшей... Только как ею распорядиться? Сказать Ильюхину, что Крылов потащит в Москву черный нал? Ну, допустим, Ильюхин сумеет реализоваться, и что? Крылова с Рахимовым задерживают с мешком долларов – и? И ничего такого военного не будет – отбредутся. Ну, максимум – уволят. Деньги конфискуют. Это, конечно, нанесет серьезный экономический удар империи Юнгерова. А где в этом будет справедливость? Кто этому больше всего обрадуется? Гамерник! Но если Гамерник больше всего будет рад такому раскладу, то...

Валерка настолько эмоционально вымотался, что не заметил, как снова начал задремывать, лежа на диване. Так бывает на нервной почве – на одних сонливость нападает, на других – бессонница...

Разбудил Штукина Ермилов, заоравший чуть ли не в ухо парню:

- На родных полях завывли ураганы, тучи пролегли над самою землей! Огненным дождем встречать гостей незваных пробил час, товарищ боевой!

Валерка вскинулся, а Ермилов ухватил его за ухо.

- Больно, дяденька! - подыграл и застонал по-мальчишески Штукин.

Крылов посмотрел на него внимательно и непонятно поинтересовался:

- Не тянул?

- Кого и куда? - не понял Валерка, потирая ухо.

Троица, вышедшая из пустого бассейна, расхохоталась, так как на воровском жаргоне «тянуть» означало подслушивать. Но всерьез такое на Штукина никто не подумал, даже Ермилов, поскольку на щеке у парня четко отпечатался след глянцевого журнала. Да и невдомек им было, как хорошо можно слушать через стенку разговаривающих в коробке пустого бассейна.

Крылов быстро распрощался со всеми и уехал. Ермилов тоже куда-то ушел, ворча по своему обыкновению. Юнгеров и Валера остались одни.

Штукин быстро рассказал, как прошла его встреча с Гамерником. Рассказал тезисно, поскольку Александр Сергеевич слушал хоть и доброжелательно, но несколько рассеянно, и Валерке теперь уже была вполне ясна природа этой рассеянности. Конечно, Юнгеров же задумал применить оружие стратегического назначения, и все его мысли сейчас были только об этом. Локальная тактическая операция как бы уходила на второй план.

И тут Валерке в голову пришла мысль, от которой его даже слегка зазнобило. Да, его игрища с Гамерником действительно отходят на второй план - но только пока. Если миссия Крылова в Москве увенчается успехом, тогда органы нацелятся на Гамерника. Конкретные исполнители начнут землю рыть и в Москве, и в Питере. И вот тогда этим исполнителям могут ненавязчиво подсказать: «А мы можем помочь святому делу. У нас имеется товарищ, внедренный к этому Гондурасу Гамернику». И Валеру со всеми его сложными комбинациями передадут коллегам-клиентам. Для Штукина это будет равноценно провалу, поскольку наверняка информация начнет уходить и дойдет до Ильюхина, который сильно удивится таким необычным раскладам...

Его, Штукина, личные перспективы при таком развитии событий будут со всех сторон весьма и весьма сомнительными...

Валера задумался так крепко, что даже пропустил мимо ушей последнюю фразу Юнгерова:

- Штука! Ты что, спишь на ходу, что ли?

Штукин потряс головой и очнулся:

- Извините, Александр Сергеевич. Действительно, разморило чуток.

- Свежий воздух. Сначала бодрит, потом в сон тянет с непривычки. Ладно. Пусть у нас все идет по плану, а знать его буду только я один.

Юнгеров рассмеялся, а Штукин поддержал его лишь бледной улыбкой. Александр Сергеевич положил Валерке руку на плечо:

- Давай так: возьмем паузу дня на три-четыре. У нас должно пройти одно очень важное мероприятие, от которого будет зависеть очень многое. В том числе и наша с тобой

комбинация твоего внедрения. Хорошо?

Штукин криво улыбнулся в ответ и кивнул. На душе у него было очень смутно. Смутно и беспокойно.

- Александр Сергеевич, - спросил Валерка. - А насчет этих пятидесяти тысяч... Я правильно сделал, что их сразу не взял?

Юнгеров, видимо, представил себе рожу Гамерника, потому что снова рассмеялся и сказал весело:

- Ну, не знаю, насколько правильно, а мне ты этим настроение поднял. Красиво его по носу щелкнул!

- Я не об этом, - не разделил его веселья Валера. - Деньги все-таки брать придется, иначе он неладное заподозрит... мне их вам принести?

- Зачем? - не понял сразу Александр Сергеевич, но секундой позже до него дошло и он снова улыбнулся: - А, ты в этом смысле... Да оставь ты их себе - имеешь полное право! Военная добыча. Твоя же комбинация? Твоя. Ну и все. Будем считать, что Гамерник заплатит тебе моральную компенсацию за стрельбу в лифте. О, кей?

Штукин неопределенно пожал плечами:

- Ну... В лифте, кстати, не только я нервничал, но и Денис. У мертвых семьи остались. А насчет того, что комбинация моя, - так она наша с вами. Да и торгую-то я вами, а не кем-то, Александр Сергеевич.

Валера действительно попал в нужное настроение, потому что Юнгеров снова расхохотался, а потом сказал, продолжая улыбаться:

- За Дениса не переживай, он свою компенсацию еще возьмет, это мы покумекаем... Насчет мертвых: у Оси-покойника никого не было, а об остальных позаботились. Ну, а по поводу того, что ты мной торгуешь, - так я тебе сам лицензию выписал... Да и не продал ты меня еще пока, только договорился... Так ведь?

- Так, - кивнул Штукин, чуть не вздрогнув от последней фразы.

Александр Сергеевич, однако, ничего не заметил:

- Ну, вот и не гоняй. Возьмешь эти бабки - на обзаведение. Ничего. Нехай платит, тварь. Не обеднеет. Пока. А там - посмотрим. Давай, Валера, отдыхай и занимайся текущими делами у Дениса. А через несколько дней я сам тебя найду - и будем смотреть, как жить дальше.

Юнгеров протянул Штукину руку для прощания. Валера ответил на рукопожатие и пошел искать выход из огромного особняка...

Домой к себе Штукин приехал уже очень поздно. Он заварил чай, сделал себе большой бутерброд с сыром и колбасой и присел за кухонный стол. Жуя бутерброд и запивая его горячим чаем, Валерка не переставал думать о том, что случайно подслушал в доме Юнгерова: «...Два миллиона долларов... Это же сумасшедшие деньги... "Остров сокровищ" какой-то, и я случайно увидел пиратскую карту. Нет, смех смехом, а если бы я был налетчиком, то ничего не

стоило бы эти "лимоны" взять. Я знаю время и практически знаю место. Время - послезавтра в 16.00. Место - "у Вадика в пушкинском офисе"... Вадик - это Вадим Колесов, школьный друг Юнгера, капиталист и финансист их империи. Узнать адрес его пушкинского офиса - говно вопрос - завтра под залегендированным предлогом спрошу у Дениса - и все дела... И - теоретически можно организовать налет. Делов-то... Народу там будет мало, пригород все-таки... У Крылова и Рахимова - по стволу, но они нападения не ожидают, так что если грамотно зайти с двух сторон - они свои "плетки" и вытащить не успеют... Да, был бы я налетчиком и имел бы двух-трех лихих корешей с "железом" - плакали бы ваши "лимоны", гражданин Юнгер... Вот бы Гамерник порадовался!...»

Штукин внезапно поперхнулся горячим чаем, долго откашливался, а потом положил недоеденный бутерброд на тарелку и достал сигареты. Когда он подумал о Гамернике, в голове что-то щелкнуло, и сама собой вдруг выстроилась красивая комбинация - мат в три хода...

Валера закурил, запустил пятерню себе в волосы и продолжил мысленный разговор с самим собой: «Так, так, так... Интересное домино складывается... Если я сливаю Гамернику информацию про два "лимона" - он ведется? Скорее всего, что ведется. Если поверит - то поведется. Я предлагаю Гамернику устроить налет на Крылова с Рахимовым. Кому Гамерник сможет поручить такую акцию? Ну, не своей же дебильной службе безопасности! Только "лифтерам". Других у него наверняка нет. Стрелков никогда не бывает много, что ни говори, а профессия хлопотная и дефицитная... Мы идем на дело вместе, Крылова с Рахимовым я предупреждаю, и мы вяжем пацанов с поличным, с оружием, с говном-пирогом... И не кто-нибудь их вяжет, а Крылов с Рахимовым да еще с учетом того, что на них же и напасть хотели... Тут - все. Тут пацаны расскажут все... и про расстрел в лифте тоже. И я бы все сказал в этих лапах. В итоге: деньги целы, Гамерник в кровавом говне, а я весь расписной... Да после такого и в Москву не понадобится эти бабки отволакивать...»

Валерка нервно ерошил волосы, не замечая, что сигарета в пепельнице уже догорела до самого фильтра, и думал, думал, думал... Нет, кое-какие слабые стороны в только что придуманной комбинации он, конечно, видел... Например, совершенно непонятно было, как объясняться с Ильихиным, если все сложится удачно. С Виталием Петровичем, конечно, не избежать неприятного разговора. Но на руках будут и козыри - раскрытый убий в лифте... А победителей, как известно, не судят. И всегда можно будет сказать, что просто технической возможности предупредить не было... Хотя Ильихин, конечно, не мопс, он все поймет. Он сразу глянет в корень и спросит: почему Штукин не рассказал об эпопее внедрения к Гамернику...

Валерка нахмурился и закурил новую сигарету. В голову ему пришла мысль и вовсе крамольная: «А может быть, мне просто послать мое настоящее внедрение на три буквы? Если все сложится - пойти к Юнгерову да и рассказать все, как есть? Александр Сергеевич, правда, тоже будет вопросы задавать, в том числе и неприятные... Будет выяснять, как я узнал про два "лимона", - выяснится, что я подслушал. Потом будет разбор, почему я, придумав план, не пришел с ним сразу к тому же Юнгерову... Ну, тут я объясню легко... А почему, действительно, Юнгерову не предложить сейчас? Да потому, что он ни за что не согласится. То, что я предлагаю, - это риск. А так рисковать никто не захочет. Все скажут, что план красивый, но найдут сто сорок две причины, почему именно сейчас не стоит воплощать его в жизнь... Но - если все получится, конечно, пиздюлей выпишут, но больше для порядка, как своему... Как Чкалову, который пролетел под мостом. То есть - хулиганство, конечно, но ведь пролетел же! И, по-любому, в таком раскладе мои позиции у Юнгера вырастут - это, кстати, и для Ильихина может быть доводом, если сразу все мосты не сжигать...»

Чем больше Валерка размышлял, тем больше ему нравилась придуманная им комбинация. Она

захватила его настолько, что он просто не видел (точнее, не хотел видеть) ее откровенно слабые стороны.

Главная же ошибка Штукина заключалась даже не в том, что он вписал в свой план «лифтеров», ничего, по сути, не зная о них. А они, между прочим, даже не состояли, строго говоря, в коллективе Гамерника. Эти парни не были «торпедами», не были и «доберманами». Они обладали волчьими манерами и гуляли сами по себе. Это были люди, которые могли выслушать что угодно и от кого угодно, но могли и легко пристрелить «хозяина на час». Этого Штукин не знал – когда он получил данные киллеров от Ильюхина под совершенно разумную мотивацию, что, дескать, ему по оперному правилу хочется на них взглянуть – времени найти их и посмотреть на них вживую как раз и не хватило. Слишком Валера погряз в интригах с Гамерником и Юнгеровым. А если бы он понаблюдал бы за парнями, посмотрел бы на их лица и повадки... Ну да что говорить об этом... Прав был Ильюхин, когда утверждал, что его история не знает сослагательного наклонения.

А главная ошибка Штукина заключалась в очень простой штуке, пардон за каламбур. Валера возомнил себя великим комбинатором, поэтому его комбинация была хоть и красивая внешне, но очень сложная, состоящая из нескольких этапов, где каждый последующий шел так, как планировалось, только если в предыдущем не было никаких сбоев или незапланированных сюрпризов. А ведь даже опытные армейские офицеры знают – чем сложнее план, тем больше и тщательнее он составляется, тем смешнее получается на учениях. Так то на учениях...

Да, Валера правильно понимал, что, просто передав Юнгеру информацию о стрелках, он тут же стал бы в дальнейших раскладах по этому поводу «номером шестым» – и это в лучшем случае. Но его психологические победы в двух разговорах с Гамерником сыграли с ним злую шутку: Штукин почему-то решил, что в придуманном им предприятии Сергей Борисович согласится взять его в дольщики и уступит инициативу и право банковать. Валера не заметил, что он, будто начальник Чукотки [17], взял да и назначил себя самым главным приказом номер раз...

Ему бы вспомнить мудрые слова Ильюхина о том, что если вагоновожатый ищет новые пути, то трамвай обязательно сходит с рельсов... Куда там... Штукина уже несло. Внутренне он уже готов был совершить подвиг, который продвинет его из поручиков в генералиссимусы. С собой Валера был готов рискнуть безоговорочно. Хуже было то, что столь же безоговорочно он готов был рисковать и жизнью других людей...

...Узнать адрес офиса Вадима Колесова и впрямь оказалось делом несложным. На следующий день с утра Штукин невзначай поинтересовался у Дениса, к которому приехал за новыми заданиями:

– Слушай, тут мне знакомые пацаны, опера из Пушкинского РУВД звонили... Там они какой-то блуд нащупали в конторе одного богатого человека, которого, похоже, зовут Вадим... Я сначала не среагировал, а потом словно торкнуло – а не Вадим ли это Колесов... У него офис не рядом с вокзальной площадью?

Денис нахмурил брови, но через секунду беззаботно махнул рукой:

– Нет, это, наверное, про какого-то другого Вадима твои кореша рассказывали. У Колесова в Пушкине конторка недалеко от тамошнего пляжа – знаешь Колонический пруд?

Штукин кивнул.

- Ну вот, там рядом школа, до революции там гимназия была... Вот если смотреть на эту гимназию, то через дорогу слева как раз контора Вадима. Это даже не офис, а так... учреждение.

- Укромное место, - удивился Штукин. Волков снова улыбнулся и пояснил:

- Я ж говорю - это не офис, а контора. Туда посетители не приходят. Там бухгалтеры да экономисты сидят. Их работа любит тишину и покой. Так что не переживай. Но ты молодец, что среагировал. Так и надо. Знаешь - раз мимо, два - мимо, а на третий - в самый центр придется.

- Это точно, - согласился Штукин, думая о своем.

Теперь он точно знал и время и место. Теперь надо было решаться - или запускать свой план и звонить Гамернику, или забыть про все и, как любил выражаться покойный Ося, «сидеть на жопе ровно».

Принять решение оказалось тяжело. До обеда Штукин откровенно промаялся, составляя обзорные справки. Это была одна из задач, которые ставились перед подразделением Дениса, - изучение потенциальных партнеров и конкурентов, изучение тенденций на рынке, работа с персоналиями, выявление их сильных и слабых мест.

Надо сказать, что ребята, которые работали у Волкова, собирали информацию не так уж плохо, главная проблема заключалась как раз в обработке этой информации. А поскольку Штукин обзорные справки лихо научился составлять еще в милиции, на него их и стали сваливать в огромном объеме. Валера отбрыкивался, как мог, и жаловался Денису, что так же, как и все, любит «полевую работу» и ненавидит писанину. Волков понимающе кивал, заводил долгие душевные разговоры, объяснял ситуацию, и в результате писанины у Штукина становилось не меньше, а больше.

- Вот она, моя бумажная могила! [18] - орал иной раз доведенный до экстаза Штукин. - Ну что ты смотришь так, дедушка? [19]

Денис, которому адресовались эти цитаты, скрытый упрек понимал, и юмор тоже, хохотал от души, но по существу вопроса лишь по-сиротски разводил руками. После обеда Штукин отдал Волкову две готовые справки, что-то наврал про встречи с источниками и умотал в центр. «Встречи с источниками» - это была идеальная причина, чтобы слинять с работы еще с милицейских времен. Поди проверь! Источник - это же святое, очень интимное. Денис, конечно, тоже был не дурак, но он всегда делал вид, что верит подчиненным, если только у них уже откровенно не «зашкаливал борзомер». Штукина же Волков вообще не контролировал, по сути, предоставив полную свободу. Это сам Валерка отчитывался перед Денисом, а не Денис заставлял его.

Штукин доехал до Стрелки Васильевского острова, бросил у Ростральных колонн машину и вышел на набережную. От Невы дул холодный ветер. Валерка, ежась, курил и по сотому уже разу крутил в голове свой план и по сотому же разу задавал сам себе вопрос: да или нет?

В своих душевных терзаниях Штукин почти дошел до пошлой вещи - он решил было бросить монетку. Орел - да, решка - нет. И он действительно достал из кармана пятирублевую монету и подбросил ее. Подбросить-то подбросил, и даже поймал, но вот раскрывать кулак и смотреть, что выпало, не стал - стыд обуял. Валерка оскалился, что-то рыкнул даже и швырнул с силой монету в Неву. Какие-то две мимо дефилировавшие девушки, судя по всему студентки, испуганно покосились на него. Штукин соорудил им морду маниакального дебила. Девушки,

взвизгнув, убежали, а у Валеры от такой мелкой пакости, как ни странно, немного поднялось настроение. Он снова свесился с набережной и посмотрел на свинцовые волны Невы. Почему-то в голову Штукину пришла греческая легенда о перевозчике, который переправляет через реку души усопших и погибших в царство мертвых... Валера сердито тряхнул головой и подумал: «Ну вот, уже всякая херня в голову лезет! Все, хорош душевным онанизмом заниматься. Чего мне хочется? Мне хочется это сделать. Все. Это самое главное. Как какая-то тетенька говорила - лучше жалеть о сделанном, чем о том, что не хватило решимости сделать. Все. Делаю. Надо звонить Гамернику». Однако даже после принятия решения Валера позвонил Гамернику не сразу. Еще примерно полчаса он уже «набело» перебирал в голове составные части своего плана. А надо сказать, что, ошибаясь в основополагающих моментах, остальные детали Штукин просчитал красиво и даже почти безупречно. То, что сложилось в результате в его голове, можно было сравнить с очень красивым дизайном дома, фундамент которого был заложен на болоте...

17

Персонаж из кинофильма «Начальник Чукотки».

18

Цитата из кинофильма «Свой среди чужих, чужой среди своих».

19

Цитата из того же кинофильма.

Наконец Валера выбросил очередной окурок в Неву и решительно направился к ближайшему таксофону. Однако, когда он набрал номер мобильного телефона, любезно-механический голос сообщил ему, что аппарат абонента «...выключен или находится вне зоны действия сети». Штукин перенабирал номер трижды - но все с тем же результатом. Валерка занервничал, отошел от таксофона. Перекурил, еще раз продумал интонацию и, набрав в легкие воздуха, перезвонил уже в офис Гамерника. Секретарша очень любезно ответила ему, что «...Сергея Борисовича сейчас нет в офисе, перезвоните, пожалуйста, позже».

Штукин отъехал в кафешку на Среднем проспекте, поел без аппетита и где-то через час предпринял новые попытки связаться с Гамерником. Эти попытки увенчались таким же успехом, как и предыдущие. Трубка была отключена, в офисе отвечали, что Сергея Борисовича нет на месте.

К вечеру Валера уже записывал и начал говорить с секретаршей довольно нервно. Она устало пообещала предпринять все возможные усилия, чтобы связаться со своим шефом, и попросила перезвонить еще через час. Когда Штукин перезвонил минут через пятьдесят, к телефону в офисе никто уже не подходил. Причина была проста и очевидна: секретарша просто ушла

домой.

Ночь Валера провел дурно. Ему не спалось. Каждый час он, плюнув уже на конспирацию, пытался прозвонить на мобильный Гамерника со своего телефона. Все было безрезультатно. Штукину неожиданно пришла в голову дикая мысль: «А что, если уважаемый Сергей Борисович запил с блядьми и ушел в астрал на неделю, отключившись от внешнего мира? Закон подлости... Блин, да что же это такое!...»

Заснул Валера лишь часа в четыре утра. Встал он в девять, наскоро заскочил в душ и позавтракал яблоком и бутылкой кефира. Потом Штукин оделся поудобнее (кроссовки, джинсы, легкий хлопковый свитер и натовская куртка), достал из шкафа «Осу» [20], разрешение на ношение которой, кстати, выхлопотал ему Денис, и вышел из дому.

Ровно в десять часов Валера снова позвонил в офис Гамерника из таксофона. Секретарша уже была на работе. Она любезно предложила Штукину оставить свои координаты, чтобы Сергей Борисович перезвонил, «...когда сочтет нужным».

Валерка, которого нещадно поджимало время, психанул. Через несколько часов, по его плану, Крылов должен был выйти на точку западни, а тут какая-то фря чуть ли не в открытую посылает подальше, и следующего раза можно будет ждать всегда...

- Послушай сюда! - рявкнул в трубку Штукин. - Я с хозяином разговариваю?!

- С секретаршей! - возмущенно ответил девичий голос.

Валера с трудом удержался, чтобы не матюгнуться:

- Так вот, наемный работник неопределенной профессии! Это вас беспокоит уголовный розыск Российской Федерации! А так как вы находитесь на территории оной, то соблаговолите выслушать по телефону информацию! Я перезвоню через десять минут, и гражданин Гамерник меня выслушает, потому что к этому времени он найдется! А если нет, то мы придем в офис его искать! И если там мы его не найдем, то вскоре он все равно выйдет из какой-нибудь квартиры и на него наденут наручники! Ясно излагаю?

Этот вопрос Штукин задал не для того, чтобы услышать ответ, поэтому продолжил психологический прессинг почти без паузы:

- Так что сейчас - коленочки вместе, руки - на парту и - работать согласно записи в трудовой книжке! Объясняю, что у уголовного розыска нет таких сил, как у УБОПов. Поэтому у нас задержанные пристегиваются к вонючей батарее ржавыми кандалами! Для молодых и длинноногих это, может быть, и эротично. А для Гамерника будет хлопотно и дорого. Конец связи!

Валерка швырнул трубку на рычаги, едва не разбив таксофон, и с шумом выдохнул.

Ему даже в голову не пришло, что телефоны Гамерника могут прослушиваться... А ведь должна была такая мысль родиться - особенно после той беседы с Ильяхиным, когда он ясно обозначил свое отношение к Гамернику... Впрочем, Штукину повезло. Эх, если бы у Ильяхина «техника стояла» не только на одном из мобильных Гамерника, но и на его офисном телефоне! Такой бы монолог ему принесли моментально - в распечатке - с кассетой. Кассета была бы необходима, поскольку Валера не представился... Если бы... Тогда бы все могло пойти по-другому. Но «точки» в УУРе всегда ограничены, и ПТП, как правило, включают лишь на мобильные средства связи. Объективно это, конечно, правильно, так как вся информация

обыкновенно идет по сотовым.

Штукин об этом не думал. Он, вообще, после подслушанного в доме Юнгера разговора способен был думать лишь в одном направлении.

Через десять минут Валера перезвонил в офис, и секретарша, пискнув: «Секундочку!» – долго соединяла его с Гамерником, видимо, действительно, находившимся где-то вне офиса. Пока в трубке играла веселая мелодия, Штукин успел облиться холодным потом, так как представил себе, что Сергей Борисович мог запросто улететь в Москву или еще куда-нибудь. Олигархи – они люди такие. Перелетные. Но вот в трубке наконец-то послышался недовольный голос Гамерника.

- Вы в городе? – отрывисто спросил вместо приветствия Штукин.

- В городе. А в чем дело?

- Надо срочно увидеться.

Гамерник раздраженно хмыкнул:

- А что за пожар? Тебе срочно понадобились деньги?

- Пожар, потому что по-другому с вами связаться не получилось. Все немного оторвались от реалий... Короче – дело к ночи! Деньги, если вы про тот полтинник – не к спеху. Хотя могу и взять. Не о том речь.

- А о чем?

- Надо срочно увидеться!

Раздражение Гамерника явственно усилилось:

- Я еще дома... Давай часика в три...

- Не дам! Вы меня видели – я не малахольный. Если я говорю – «срочно» – значит, часика в три никак не пойдет. Я вас со вчерашнего дня вызываю... Срочно – это значит еще вчера! Вы поняли?!

Гамернику передалась его нервозность, и через полчаса они уже сидели друг напротив друга в одном очень дорогом ресторане, где на них посмотрели бы косо за заказанный один лишь кофе, если бы не внешний вид Сергея Борисовича и его охрана.

Гамерник выглядел каким-то помятым и явно недоспавшим. Без удовольствия отхлебнув кофе, он строго спросил:

- Ты меня хочешь спросить – знаю ли я тетю Хану с Костецкой? [21]

20

«Оса» – четырехзарядный бесствольный пистолет, стреляющий резиновыми пулями и сигнальными ракетами.

Персонажи «Одесских рассказов» Бабеля.

Гамерник явно не ожидал, что Штукин читал «Одесские рассказы» Бабеля. А Валерка их таки читал, и ему очень нравился Король [22] .

- Нет, Король. Я хотел спросить, знаете ли вы за облаву? - усмехнувшись, парировал Штукин.

Сергей Борисович удивился, но ему явно польстило обращение «Король».

- Говори, - сказал Гамерник.

Валера вытер со лба испарину тыльной стороной ладони:

- Облава должна быть сегодня... А если серьезно, то через несколько часов к одному тихому и уютному дворику города Пушкина подъедет автомашина черного цвета с синими номерами и мигалкой. В ней будет находиться, кроме водителя, некто полковник Крылов - серьезный чин из ГУВД. Он же - лепший кореш Юнгерова. Этот Крылов заберет из тихой незаметной конторы крупную сумму денег...

Гамерник саркастически дернул бровями, Валерка это заметил и повторил:

- Очень крупную сумму: два миллиона ненашенских долларов!

Повисла пауза. Потом Гамерник недоверчиво ощерился:

- Ты когда-нибудь держал хоть четверть такой суммы в руках?

Штукин качнул головой:

- Разумеется, нет.

Гамерник вздохнул:

- А я держал. Четверть. А всю такую сумму не держал никогда. Уверен, что и Сашок всю не держал. И не по бедности своей. Просто - столько нала сразу никогда не нужно.

Все это Сергей Борисович проговорил очень спокойно и с откровенным недоверием. Так же спокойно Валера возразил ему:

- Иногда нужно.

Гамерник поднял бровь в немом вопросе, и Штукин объяснил:

- Такая сумма бывает нужна, например, для того, чтобы довести до столицы и занести в МВД - по частям и в разные инстанции. Наподобие обходного листа. А когда все отметки в этом «обходном листе» будут сделаны, в МВД возникнет вдруг та-акая огромная неприязнь к некоему Гамернику, что исполнители начнут землю рыть. Замечу: неприязнь будет личная, и сразу у многих начальников - разного уровня. Поэтому то, что этот Гамерник злодей, станет аксиомой, то есть не потребует доказательств. Сложится мнение. М-да. А если учесть, что я и

мои товарищи и без миллионов некоторые буквы из алфавита, образующие любопытные инициалы, узнали, то... Рвение исполнителей, да направленное туда же мнение ряда руководителей – тут и небо в полосочку окажется...

Гамерник сразу понял, что Валера не шутит, и стал очень серьезным:

- И готовы взять?

- Так... ежели везут? – вопросом на вопрос ответил Штукин.

Гамерник аж крикнул:

- Ве-еселый разговор. Хороший.

Штукин подождал, пока отойдет официант, принесший ему еще одну чашку кофе, и сказал:

- Только я пришел не для того, чтобы предупредить...

- Что? – не понял Гамерник.

Валера объяснил:

- Да, да. Не предупредить. А предложить.

Что ни говори, а голова у Сергея Борисовича соображала быстро. Он сощурился и язвительнейшим тоном уточнил:

- Предложить вариант: «убиваху одним махом»?

- Ну зачем же так... грубо, Сергей Борисович!

- А что грубо?

Валера посмотрел своему собеседнику прямо в глаза и очень медленно и тихо произнес:

- Когда стреляешь в живых людей, то их можно и убить. Поэтому – лучше не стрелять. Чтобы отнять деньги – не обязательно оставлять за собой трупы.

Какое-то время они молча пристально смотрели друг на друга, потом Гамерник словно опомнился:

- Я же не про стрелять сказал, я – образно... Ты же понимаешь!

На лице Штукина появилась улыбка, которая была бы более уместна на какой-нибудь пиратской харе:

- Что-то мы тормозим, Сергей Борисович... Давайте нормально и спокойно все сформулируем...

- Давай! – охотно согласился Гамерник. – Ты – человек, которого я вижу третий раз в жизни. Вру: с учетом незабываемой сцены в книжном магазине – четвертый. Ты приходишь и говоришь: «Я знаю тему за Юнгера, у которого я работаю и который решил в Москву в МВД захарачить два лимона бакинских, чтобы урыть тебя. Я знаю место и время, когда будут брать бабки. Давай подхватим их, и все будет красиво». Я правильно излагаю? Ничего не путаю?

Чуть наморщившись, Валера все же кивнул, хотя не сразу:

- Ну... в общем и целом – правильно. Акценты, правда, расставляете несколько... утрированно.
- Ишь ты, – усмехнулся Гамерник. – «Утрированно!» Слова-то какие знаем!
- Ага, – сокрушенно вздохнул Штукин. – Слово слышал, а смысл его мне неведом. Батяня, купите мне мотороллер!

Валера придал своему лицу абсолютно дебильное выражение, и Гамерник нервно хохотнул:

- Смешно. А теперь давай о грустном?
- Давайте...
- Скажи мне, мил человек, почему я должен тебе верить? Где гарантия, что это не ловушка – того же Сашки или твоих друзей мусоров?

Штукин виновато развел руками:

- Ну, Сергей Борисович, как вы знаете, полную гарантию дает только страховой полис...
- А мне хотя бы неполную. Хотя б процентов на шестьдесят.

Некоторое время Валера молчал и машинально скреб пальцами левой руки свой затылок. Потом сказал:

- Критерий проверки очень прост...
- Я весь одно большое ухо!
- Сергей Борисович, вы человек бывалый... Я произвожу впечатление богача?

Этого вопроса Гамерник не ожидал, поэтому даже плечами пожал с какой-то настороженностью:

- Не производишь. И что?
- Пятьдесят тысяч – это для меня деньги?
- Это и для меня деньги.

Штукин кивнул:

- Если я готовлю вам западню и рассчитываю на успех – то есть на то, что вы в нее попадетесь – я должен до всего этого банкета постараться получить свои пятьдесят тонн – в противном случае я их уже не получу никогда. Так?
- Ну... логично, но... Я мог бы легко эту мысль разбить. Например, тем, что Юнгеров заплатит тебе хорошие премиальные.

Взгляд Гамерника натолкнулся на скептическую улыбку Штукина:

- Ну и сколько же тех премиальных может быть? Ну, не полмиллиона же? Если здраво прикинуть – сотня тонн – потолок. А в этом случае терять полтинник – все равно очень даже не

в кайф. И, главное, их ведь очень легко не потерять. Ведь ежели западня – то ее можно организовать и во вторник, и в четверг – без суеты, без шума и пыли...

Гамерник задумался: «А ведь и правда... На мусорскую подставу это не очень тянет, на юнгеровскую – тем более... Сашка не стал бы запрягать так быстро, да и менты – не полные же дебилы, чтоб на третью всего-навсего встречу такой вот блуд замутить... Вся эта история выглядит настолько дикой, что очень похожа на правду».

22

Персонажи «Одесских рассказов» Бабеля.

- Ну так что, Сергей Борисович? – спросил Валерка и неожиданно улыбнулся: – Мы с вами недолго знакомы, но я вас очень прошу – дайте мне, пожалуйста, схему аэропорта!

Как оказалось, Гамерник тоже читал «Денискины рассказы» Драгунского, и, может быть, смотрел фильм, снятый по ним:

- Этого вы от меня никогда не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Они похмыкали, испытующе поглядывая друг на друга, а потом Штукин спросил:

- Ну, так что?

- Работаем? – ответил вопросом на вопрос Гамерник.

- Работаем! – энергично согласился Штукин. – Хотел бы подчеркнуть одно совсем немаловажное обстоятельство: изъятие этой крупной суммы у Юнгера – это, прежде всего, не наше обогащение (заметьте – местоимение «наше» я выделяю особо), а...

- Ясность радует, – успел вставить Гамерник.

- ...А, в первую очередь, провал мероприятий по линии МВД и серьезнейший удар по экономике империи Александра Сергеевича. Вторую такую сумму он не соберет.

- Правильно, – медленно, словно нехотя кивнул Гамерник. Он понимал, что, в случае успеха, потери Юнгера будут действительно очень большими, гораздо большими, чем похищенные два миллиона. Репутационные потери, например, вообще трудно подсчитать. Ведь если эти два миллиона уже ждут серьезные люди в Москве, а деньги не привозят – как назвать людей, замутивших всю эту бодягу? Правильно, налепушниками и никак иначе. Инициатива-то с этими деньгами от Юнгера в Москву исходила, а не наоборот...

Гамерник даже не заметил, что в своих рассуждениях начал воспринимать всю эту тему с двумя «лимонами» как данность, как объективную реальность. Грубо говоря, он «повелся», и Штукин это почувствовал:

- А если правильно – то у нас два часа на все про все. Если бы я до вас вчера дозвонился – было бы больше.

- На все про все... – задумчиво повторил Гамерник. – А всех, всех, всех – негусто. Дефицит

кадров.

Валера сделал вид, что не слышал последней фразы:

- Крылова я знаю в лицо... Место - ни с чем не спутать...

Почесав пальцами небритый подбородок, Гамерник рывкнул одному из охранников:

- Дай телефон!

Телохранитель немедленно поднес свой мобильник. Гамерник потыкал пальцем в кнопочки и поднес трубку к уху:

- Але... Узнал? Ну. Все спокойно? Тема есть. Нет - на пару слов и прямо сейчас... А где в прошлый раз. Я же сказал - сейчас! Все, давай...

Сергей Борисович вернул трубку охраннику. Штукин хитро прищурился, еле удержавшись от подначивания:

- «А» и «Бэ»?

Валерка намекал на некогда сообщенные инициалы. Гамерник намек понял, но сделал поначалу удивленные глаза:

- Кто-кто?

И буквально через секунду он понял, что это ханжество ни к чему в данной ситуации - все равно предполагаемых участников концессии придется знакомить между собой. Сергей Борисович несколько натянуто улыбнулся:

- «А» и «Бэ» - это точно. Сидели на трубэ... Чем богаты. Лучшие из худших, но других нет.

Ощувив, что кровь вдруг быстрее побежала по жилам, Штукин специально стал вроде как отговаривать Гамерника задействовать тех самых «лифтеров» - ведь под «А» и «Бэ» подразумевались именно они:

- От них смертью смердит.

Скривившись, как от кислоты, Сергей Борисович нервно стал перебирать предметы, лежавшие на столе, - салфетку, тарелку, сахарницу.

- Какая смерть?! У тебя к ним необъективное, пристрастное отношение! Какая смерть? Вот мы сидим. Вот сахар трех сортов. Вот сливки. Вот, вот, вот... Это все - есть. А что было - то прошло. Если вообще было.

- Действительно - и чего не бывает в шутейном разговоре! - не удержался и хмыкнул язвительно Штукин, тут же подумавший, что не стоит все-таки перегибать палку.

Гамерник и впрямь почти обиделся - лицом построжал, губки поджал:

- Мы зачем встретились, я не понял?

В знак капитуляции Валера поднял руки:

- Прошу прощения. Необоснованно репрессированный необоснованно погорячился. Больше не буду, поскольку ничего личного между нами и впрямь не было. И так: когда и где я встречаюсь с коллегами по мероприятию, девиз которого «без шума и крови»? Девиз мне еще раз хотелось бы подчеркнуть. Потому как если завалить ментов – да не просто каких-то, а самого Крылова... Я боюсь, что даже у вас, Сергей Борисович, не хватит фантазии, чтобы прикинуть, какая тут карусель закрутится, какая цыганочка с выходом начнется...

- Проехали, – раздраженно дернул челюстью Гамерник. – Мы об этом уже терли. Я что, с первого раза не втыкаюсь? Или ты думаешь, мне нравится, когда мокруха?

Непонятно, как Штукин сдержался и не сказал вслух «О, как!». А ведь уже открыл рот! Чтобы не закрывать его впустую, Валера ляпнул первое, пришедшее в голову:

- До встречи с товарищами, которых знаю пока лишь заочно, хотелось бы еще оговорить доли.

- Предлагай. – Гамерник резко откинулся на спинку стула и сцепил пальцы рук на животе.

- Ну, чтоб оно не обидно было... Мне девяносто девять процентов, вам – один.

Хрюкнув от неожиданности, Сергей Борисович даже в лице переменялся:

- Это шутка такая?

- Нет.

- Ты ополоумел? Ты че, долей не видишь? Твои десять за набой и еще треть с тридцати процентов как участнику!

Дальше Гамерник не договорил, а подразумевалась такая оконцовка: «...А остальное мое, поскольку я банкую и рулю всем банкетом!» В принципе, это и не обязательно было договаривать – некоторые мысли прекрасно понимаются и без их озвучивания. Штукин невозмутимо кивнул:

- Согласен.

Гамерник сморгнул:

- А зачем сначала глупости предлагал?

- А вдруг вы бы согласились?

Сергей Борисович засмеялся. Смех его был очень неприятным – словно не очень крупная собака затыкала. Отсмеявшись, он скомандовал:

- Поехали, раз у нас нет времени!

Не утруждая себя оплатой кофе, Гамерник встал и пошел к выходу. Один из охранников торопливо начал рассчитываться с официантом. Валера догнал Сергея Борисовича уже на улице. Двери в его автомобиле были гостеприимно распахнуты.

Они оба устроились на заднем сиденье, и машина резко взяла с места. Медленно ездить водитель Гамерника, видимо, считал просто ниже своего достоинства. Когда они в очередной раз пролетели под сменяющийся с желтого на красный свет, Штукин негромко заметил:

- Манера езды - не слишком шустрая?

- Как живем - так и ездим! - не без гордости ответил Гамерник.

- Я о другом... Как бывший «грузчик» советую вам эту манеру сменить. Вам кажется, что за вами не угнаться, а на самом деле вас очень удобно тащить... Вы за скоростью не увидите хвост...

- Грузчик... В каком смысле - грузчик?

- «Грузчик» - это сотрудник «семерки» [23] ... ну, - наружного наблюдения, - объяснил Штукин. - А «тащить» это...

- Это я и сам понял... Так ты что, и в этой... «семерке» работал?

Улыбка нарисовала на щеках Валеры еле заметные ямочки:

- Помните, как в «Свой среди чужих, чужой среди своих»: «Чекист?» - «Чекист, чекист...»

- Не помню, - мотнул головой Гамерник, вдруг задумавшийся о чем-то своем. А думал он ни много ни мало о том, куда бы деть этого слишком уж шустрого «чекиста»: «Эх, кабы не его кореша-оперативнички, так и... "вздернуть на рее - и все недолга"... Чушь какая-то: я с каким-то мусором еду... и куда?! Крылова помянул... Ну, этот пес конвойный - псом и сдохнет... Блин, к чему это я?...»

Водитель внезапно и очень резко запарковался у садика, что близ Владимирского собора. Штукин даже ткнулся головой в подголовник переднего кресла. По спине водилы было видно, что он хорошо слышал замечания Валеры о манере езды.

Гамерник пакостно ухмыльнулся:

- Ну, пойдём, сейчас подельников увидишь.

- С чего это «подельников»? - «включил дурака» Штукин.

Этот его вопрос остался без ответа.

Сергей Борисович уже выбрался из автомобиля и бодро зашагал в сторону небольшой кафешки. Внезапно он резко остановился, крутнулся на каблуках и по-дедбельски схватил Штукина за ремень:

- Десять процентов от двух лимонов - это двести! Треть от трети - это тоже двести! Те, кто пойдут с тобой на вооруженный разбой, а вернее, поведут тебя, - это подельники! При ошибке вашей совместной или если что не так сложится, дадут тебе немного - процентов десять от века. А я за испуг, так как сдать меня вы, конечно, не захотите, получу ненужную мне мудрость...

- Почему это они меня поведут? - набычился Валера.

- Сейчас поймешь.

Они подошли к кафешке и вошли внутрь. Там за стойкой вдоль стены и лицом к ней сидели два парня. Они не оборачивались на входящих и выглядели очень спокойными. Они были одеты в дорогие свободные куртки и такие же свободные штаны. Затылки их совсем не были коротко

остриженными. Несмотря на то, что оба сидели неподвижно, их тела выглядели упругими и готовыми к резким движениям.

Гамерник сразу же направился именно к этим ссутулившимся спинам.

- Приятного вам аппетита! - поздоровался он. Сидящие не стали оборачиваться, лишь один из них приветливо покрутил кистью. В этом жесте было одновременно и хамство, и странное, но чувство собственного достоинства.

- Кушаем? - спросил Сергей Борисович для завязки разговора.

Один из двоих, тот, который крутил рукой, развернулся-таки:

- Кушают баре. Мы тут жрем.

- «Графские развалины», - уточнил, что именно они жрут, второй, так и не обернувшись.

Первый цепким взглядом окинул Штукина - так же остро глянул на Гамерника:

- С тобой?

- Да.

- Ну... Тебе видней. Звал - говори.

Сергей Борисович постарался не потерять лица перед Валеркой:

- Дождете - я вас жду в садике напротив, у качелей.

Второй из «лифтеров» коротко хохотнул:

- Качелей [24] нам не надо!

Валерка смотрел на эту парочку, стараясь, чтобы это не выглядело разглядыванием в упор. Что-то было в этом ненормальное - вот так, в кафе, рассматривать людей, несколько месяцев назад чуть не убивших его, Штукина.

Валере пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторвать от них взгляд и пойти к выходу из кафе вслед за Гамерником.

...Шагая за Сергеем Борисовичем в садик и глядя ему в спину, Штукин с угрюмым сарказмом удивился про себя: «Вот и сподобился убивцам своим в зенки поглядеть... Но этот-то - debil полный! Сам, без посредников, к ним вывел! Какой-то он... от земли оторвавшийся. Не иначе - сам себя внутренне неприкасаемым ощущает...»

Через несколько минут двое убийц вышли из кафе и подошли к Гамернику и Штукину. Сергей Борисович начал процедуру знакомства, и Валерка узнал вторые имена этой парочки: Перш и Сво. Перш своим странным неравномерным загаром на лице напомнил человека с Севера. Сво, наоборот, смахивал на осетина, но осетина не ярко выраженного.

Гамерник сразу обозначил предмет беседы:

- Валера сейчас объяснит, что надо сделать. Времени у нас мало, а денег там много. Много -

это как в кино.

Никто из парочки ничего не ответил. Сергей Борисович внимательно оглядел их и чуть поднял голос:

- Я что-то не понял? Не вижу заинтересованности.

- А что говорить? - отозвался Перш и повис на руках на детской «шведской стенке», стоявшей рядом с качелями. - Валера нам все объяснит.

- Один вопрос, - приподнял по-школярски (если бы в этом жесте не была заложена издевка) руку Сво. - Валера, а ты не в милиции работаешь?

Гамерник нахмурился, решив, что Сво просто дуркует, заранее считая Штукина неравным себе. Он ошибся в оценке и ничего не понял. На самом деле Сво просто узнал Штукина. Валерке тоже лицо Сво показалось, как ни странно, смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел... Почувствовав смутную тревогу, Штукин напряг память - и снова ничего не вспомнил. Валера внимательно посмотрел на Сво и сказал спокойно, но с некоторым вызовом:

- Ну, работал! А это что-то меняет?

- Перш, во как! - засмеялся Сво. - Что-то!

Память сыграла злую шутку со Штукиным. Он действительно видел Сво, и притом относительно недавно - в 16-м отделе, когда ругался с Якушевым. Сво был тем самым парнем, который сидел прикованным в коридоре и бросался ботинком в дверь кабинета Егора. Возможно, все бы пошло по-другому, если бы Валера все-таки вспомнил... Но зрительная память его подвела. Подвела и не дала понять, какой Сво хороший артист и насколько он дерзок. Тогда-то в милицию этот профессиональный мокродел угодил случайно - но какой надо было иметь характер, какие нервы, чтобы, зная все свои художества, качать права в милиции и кидать ботинком в дверь оперского кабинета!

23

Раньше ОПУ называлось Седьмым управлением ГУВД.

24

«Качели» - от «качать тему» (блатн.) - конфликтно обсуждать тему.

Гамерник о той истории понятия не имел, потому начал раздражаться. В принципе, в глубине души он понимал, что серьезные дела при таком настрое не делаются. Понимал он и то, что «лифтеры», в общем-то, имеют право на такой настрой. Но уж больно заманчиво выглядела возможность серьезно огорчить Юнгера...

- Вот что! - попытался изменить атмосферу Гамерник. - У нас простая задача: обсудить быстро

нюансы и взять деньги. Большие деньги будут у двух больших ментов. Они не инкассаторы, поэтому при условии мгновенных сложных действий и элементе творчества, нормальной обороны не будет. Деньги – левые и предназначены для очень левых дел. Для крупных взяток. Поэтому не будет и шума, дела и оперативной группы. Я это гарантирую, при условии, если не будет пальбы.

- То есть – голыми руками? – снова хохотнул Сво.

- Можно и голыми! – окончательно разозлился Гамерник. – А что, двоих не выстегнуть? Или надо обязательно угрожать стволами, создавая непредсказуемые случайности? К тому же позвольте вам напомнить, что выстрелы – даже и в воздух – привлекают внимание.

Сво искоса посмотрел на своего подельника:

- Перш, а вчера этот парень с топором победил?

- Вы про что? – не понял Гамерник.

- Да кино смотрели, – нехотя пояснил Перш. – Там один чудак спас галактику, но волосатый, с которым он бился – улетел в пропасть, а вот как разбился – не показали... Короче, если наш... коллега... покажет точно, кто и где, то что переживать-то? Попробуем выстегнуть. Можно и без жертв.

Сам Гамерник нервничал и переживал, поэтому его бесило практически безразличное отношение этой парочки к предлагаемой теме:

- А сумма вас не смущает, господа?

«Лифтеры» покачали головами, а ответил за обоих Сво:

- Был такой писатель – Гамлет. Так вот он, когда его расстреливали, сказал, что на любого человека хватит и трех аршин земли. Не заводись, просто мы не любим гонять.

Ни Гамерник, ни Штукин не обратили внимания, как быстро, по-волчьи переглянулись Перш и Сво. И смысл этой переглядки они не поняли. Наверное, и Валера, и Сергей Борисович хоть и по разным причинам, но были почти одинаково контужены мыслями о двух «лимонах».

- Мобильники отключите, – дал вновь приобретенным «коллегам» практический совет Штукин.

Парочка снова переглянулась, и Перш забрал телефон у Сво, хотя тот и глянул на него очень странно. Затем Перш неторопливо подошел к резвившейся неподалеку стайке детворы и, ловко ухватив одного мальчишку за воротник, сунул ему две трубки:

- Дарю. Будут звонить, скажи, что дядя Толя с мамой за макаронами ушел.

Паренек взвизгнул, недоверчиво посмотрел на мрачного странного дядю и, вырвавшись, убежал, сжимая трубки в руках. Так же неторопливо шагая, Перш вернулся назад:

- Еще какие указания будут? Мы ребята послушные. Пока нас не надули.

- Ага, – подтвердил Сво. – А если нас надувают – мы лопаемся.

- Веселые дела, – совсем посмурнел Гамерник.

- Дела как дела! - внес струю оптимизма Штукин. - Давайте я введу всех в курс дела с подробностями и нюансами, и если вы согласитесь, то у нас есть шанс...

Валера с трудом сдерживал дрожь. Его колотило от перенапряжения, от переизбытка адреналина в крови. Штукину нелегко было удерживать себя в образе, мысли то и дело сворачивали не в ту сторону: «Вот уроды... Блин. Если бы этот разговор техникой фиксировался - всем срока! Гамерника и деньги бы не спасли... Но откуда ж мне было ее взять, эту технику, если те, кто мог бы ее дать, однозначно не разрешили бы мне действовать по этому сценарию - и Юнгеров, и Ильяхин - по разным причинам, но по похожим мотивациям, дескать, неоправданный риск и никому не нужный авантюризм...»

Обо всем этом Валера думал, когда все углубились в сквер и, сдвинув две скамейки, начали рассаживаться друг против друга - Штукин с Гамерником, Сво с Першем.

Валера закурил и начал неторопливо излагать. Уже через пару выкуренных сигарет интонация вопросов, ответов и размышлений вслух стала сугубо деловой. Блатная ирония уступила место вдумчивости. Лица Перша и Сво стали серьезными.

- Ну что ж, - вздохнул в конце концов Перш. - В принципе... Вот только одно небольшое уточнение хотелось бы сделать.

- Какое? - одновременно спросили Штукин и Гамерник.

Перш улыбаться не стал:

- В каких должностях состоят эти менты?

Гамерник подтолкнул локтем Штукина, который ответил честно:

- Это заместитель начальника УУРа Крылов и его водитель.

- Понятно...

Перш и Сво снова быстро переглянулись. И именно в этот момент они друг друга поняли и окончательно уже договорились между собой. Договорились о своем, о том, что не соответствовало ни плану Гамерника, ни тем более Штукина.

Выслушав подробности предстоящего мероприятия, «лифтеры» отсеяли лирику и «закусили» главное: очень большая сумма, Крылов, нельзя стрелять, доля.

- Ну, так что? - нетерпеливо спросил Гамерник.

Перш и Сво дружно встали со своей скамейки, и Сво сказал за двоих:

- Мы отойдем на сигаретку - постоим рядышком, подышим. Нам с коллегой надо обменяться мнениями.

- Пять минут, - буркнул Перш.

Гамерник скривился, но ничего говорить не стал.

«Лифтеры» действительно отошли недалеко - шагов на двадцать. Они достали сигареты и полагерному присели на корточки, оставаясь в поле зрения Гамерника и Штукина. Приятелей-подельников было хорошо видно, но слышать, о чем они говорили, Валерка с Сергеем

Борисовичем, конечно, не могли. А разговор-то у «лифтеров» был весьма и весьма любопытным.

- Ты вкурил? – спросил Перш.

- Дело верное, – кивнул Сво.

- Щегла берем под руку, – сказал о Штукине, как о решенном вопросе, Перш. – Быстро валим мусоров, потом его, тачку «гамер» бросаем на месте с железом [25] и на «первой модели» [26] уходим в Крым.

- Согласен.

- Слушай, Сво, какие они все наивные и с большим самомнением о себе? – удивленно покачал головой Перш. – Они искренне считают, что можно нахлобучить полковника – притом с серьезной репутацией, возможно, будущего генерала – и при этом засветить свои рыла... Ебанутые...

Ответная улыбка Сво была похожа на улыбку взрослого над милыми глупостями детей:

25

Железо – оружие.

26

«Первая модель» – старая, не привлекающая внимания машина.

- Не... они нам предложат маски надеть.

Оба зло ухмыльнулись, потом Сво сплюнул через зубы на землю:

- Они забыли, как трещит в зубах кадык...

Наморщив лоб, Перш укоризненно покачал головой. Он кое-что слышал о Крылове:

- Помнишь слух про этого полковника? Как его мусора забили насмерть парня из команды Чума?

- Чего-то такое слышал... в общих чертах.

- Так вот, нас с тобой этот Крылов будет насмерть забивать этак с полгода. И не в общих чертах, а конкретно.

- Так я и не спорю, – согласился Сво. – Вот если бы с этим Крыловым поделиться можно было... Мой отец говорил, что ОБХСС расшифровывается так: один будешь хапать – скоро сядешь!

В жилах Сво текла и армянская кровь, и он искренне считал, что государству обязательно

нужно отстегивать.

- Твой отец был мудрый человек! [27] - с легким среднеазиатским акцентом сказал Перш. «Лифтеры» снова обменялись улыбками.

Потом Сво мечтательно закатил глаза:

- Мы на эти бабки выкупим пляж! Пляж и остатки одного пансионата в Крыму. И завяжем.

- Выкупить-то, может, и выкупим, - согласился Перш. - А вот насчет «завяжем»... Не обманывай ты себя! Лежаками заниматься нам быстро надоест.

Сво поразмыслил секунду и кивнул:

- Глушителей у нас нет. Как оно еще сложится?

Прочертив пальцем линию на земле, Перш сказал:

- Главное - все делать спокойно и медленно. Валера этот фраер. Менты, они хороши при таком нападении, когда им государство разрешает. А в деле... - фуфелы они. Я думаю, что этот Крылов настолько уверен в себе, что не опасен. Ну, а водила - он и в Африке водила. Его только и жалко в этом замесе. А откуда ты этого Валерика срисовал?

Махнув рукой, Сво засмеялся:

- У меня еще в кафешке в затылке засвербило, думаю, откуда я его знаю? А потом, когда сюда пришли - словно щелкнуло, узнал! Помнишь, как мусора захомутали ни с того ни с сего? В отделении этот Валера и был, собачился там еще с кем-то. Сучонок.

Вокруг глаз Перша собрались также морщинки-лучики:

- Ну, тогда тем более... Он тебя тоже мог вспомнить. Некоторые мусора очень цепкими бывают. При желании и данные твои может выцепить.

Чмокнув губами, Сво показал небесам средний палец на правой руке:

- В мусорке ихней я другие данные оставил, но не в этом дело... Хотел после тебе сказать, но утерпеть не могу: мне Гамерник успел шепнуть, когда на лавочках сейчас терли, что Валеру этого мы в лифте недопалили.

Глаза Перша широко раскрылись, и он аж ахнул:

- Да... Подельничек! Во - жизнь! Ну, Гамера, ну - вышивальщик!

- Ага. Он меня успокоил, сказал, что враг - это потенциальный друг.

- Идиот. Таких друзей - за хуй, да в музей! Это что, Юнкерс может в будущем стать его другом? А мы куда?

- Куда-куда... Нас под слив, только еще раньше.

Перш очень нехорошо улыбнулся:

- Ну, будут им хлопоты бубновые...

Они загасили окурки, прицельно сбросив на них по порции слюны и, встали.

- А знаешь, какая у меня мечта? - неожиданно задал риторический вопрос Сво: - Чтоб мне было лет этак двадцать в двадцатых годах двадцатого века. Я в кино видел - в Питере такие проходняки были!

Перш дернул бровью:

- И?

- А ты представь: бегу я проходными, а за мной - чекист. И обязательно в кожанке. Молоденький такой чекист, упрямый. А я за выступом прячусь. Он пробегает мимо, и получается, что встает спиной ко мне и начинает прислушиваться. Ну, как в фильме. А я стою себе так спокойненько и поднимаю наган.

- Да-да, обязательно наган! - подхватил Перш, лицо которого выразило живой интерес.

- ...И вот поднимаю я наган - и пару пуль ему в спину! Прямо в кожанку! А он, как доска, - плюх в лужу!

- Согласен! - цыкнул зубом Перш. - Завидую тебе. Я вот так рассказывать не умею.

- Не... ты пойми, - взял «коллегу» под руку Сво. - Я к чекистам особых претензий не имею. К красным тоже претензий не имею. Но раз мы так живем, то бегать нам по проходнякам. А если бегать, то уж лучше им кожанки пробивать, чем наоборот.

Они потихоньку двинулись к лавочкам, где их поджидали Штукин и Гамерник. Когда осталось сделать всего несколько шагов, Перш вздохнул:

- А я тоже... в детстве хотел стать музыкальным критиком.

Если Сво и удивился, то совсем чуть-чуть:

- Почему музыкальным?

- А я обожал «Музыкальный киоск» по телеку смотреть...

«Лифтеры» не торопясь уселись на лавочку напротив Валеры и Сергея Борисовича, и Перш очень спокойно и даже как-то буднично сказал:

- Делаем.

Гамерник хлопнул себя по коленке, а Штукин промолчал, но почувствовал вдруг холод в животе... До этого момента Валерка еще не до конца верил, что все срастется и завертится.

- Нам тачка чистая нужна, - сказал Сво, обращаясь к Гамернику.

Сергей Борисович встал, вынул из кармана мобильник, подумав, убрал его обратно и достал другой. Перш тоже встал, тронул Гамерника за локоть, и они отошли на несколько шагов. Сергей Борисович набрал номер и коротко отдал необходимые распоряжения - какие именно, Штукин не слышал.

Валера обернулся к Сво и, облизнув пересохшие губы, высказал, как ему казалось, дельную мысль:

- Лица бы нам закрыть чем-нибудь.

Сво обреченно вздохнул:

- Не гоняй, уже перетерли... Заедем в одно место и возьмем... Надо туда, где они лавэ принимать будут, заранее подрулить, чтобы оглядеться.

- Успеем, - кивнул Штука, - время еще есть.

- Тебе виднее, - дернул плечом Сво. На лице его не было и тени усмешки. Всю иронию он умудрился выразить движением плеча.

Минут через пятнадцать помощник Гамерника Шиша подогнал прямо к садику полуторагодовалую «девятку». Перш взял техпаспорт, выписанную от руки доверенность, подкинул на ладони ключи и скомандовал:

- Поехали.

Валера встал, ощущая в животе все тот же неприятный холод, и пошел к машине. Гамерник не стал желать им удачи, лишь бросил вслед:

- Жду отзвона. По старой схеме.

- Все будет красиво! - хохотнул Сво. - Готовь банкет.

Перш уселся за руль, Валерка забрался на заднее сиденье, думая, что кресло рядом с водителем займет Сво, но тот сел с ним рядом. Машина тронулась.

- Обрисуй место еще раз, - не оборачиваясь, бросил Перш.

Штукин объяснил, куда ехать. Перш кивнул:

27

Цитата из кинофильма «Белое солнце пустыни».

- Во сколько там все начнется? В четыре? Тогда у нас еще запас по времени имеется. Сейчас заедем в одно место, возьмем кое-что и - с Божьей помощью...

- Похавать бы, - сказал Валерка. - В животе урчит.

Штукин предполагал, что они заедут в какую-нибудь кафешку, а там он зайдет в туалет и оттуда тихонько отзвонится Юнгеру, чтобы тот предупредил Крылова с Рахимовым. Однако его предложение перекусить никто не поддержал.

Перш достал из кармана куртки кассету и воткнул ее в магнитоу. В салоне зазвучал агрессивный негритянский рэп. Перш начал поводить в такт плечами:

- Ничего не понимаю, но чувствую душу улиц!

Сво захохотал непонятно над чем и начал рассказывать Штукину анекдоты. До Валерки

постепенно стало доходить, что все идет не совсем так, как задумывалось им, но он еще боялся поверить в это до конца, только в животе становилось все холоднее и холоднее.

«Девятка» мчалась по Московскому проспекту в сторону выезда из города.

- Похавать, говоришь, - задумчиво сказал вдруг Перш. - А что? Можно и похавать. Есть тут одно местечко...

Машина резко свернула направо, потом налево, потом еще раз направо через проходной двор и вырулила к пустынному скверу. Перш затормозил, вышел из машины и быстро открыл заднюю дверь. Штукин даже испугаться не успел, почувствовав на ребрах сталь ствола... Очень быстро и деловито «лифтеры» обыскали его, забрав мобильный телефон и «Осу». Это оружие самообороны Перш взвесил на ладони и сказал, не повышая голоса:

- Ты, борзой щенок, ехай с нами, посапывая. А то - напильником в ноздрю - гайморит тебе вылечим. В лифте не окочурился - и здесь можешь не сдохнуть. Понял, али катанием?

- Я понятливый, - сквозь зубы сказал, словно сплюнул, Валера.

- Ты слышал, как он это сказал? - возмутился Сво.

Перш ухмыльнулся и стволом сильно ударил Штукина в грудь. У Валерки перехватило дыхание, и он, не играя, закричал от боли.

- Понятливый ты наш! - схватил его рукой за волосы Сво. - Откуда такой гонор?! Я что, снова к батарее прикованный? А?! А браунинг этот ты не на нас прихватил?

Сво взял у Перша «Осу» и ткнул ею Валерку в лицо. Штукин ничего не ответил. В его голове каким-то диким хороводом кружились осколки мыслей. Валера сжал губы и попытался успокоиться, попутно выравнивая дыхание. Между тем Сво внимательно начал рассматривать «Осу». Перш засунул свой ствол за ремень брюк, закрыл заднюю дверь и снова вернулся на водительское кресло. Когда он уселся, Сво выстрелил из «Осы» Штукину в грудь. Удар резиновой пули пришелся в ребра через куртку, но Валере все равно показалось, что его огрели железной палкой. Салон сразу наполнился кисловатым пороховым дымком.

- Громко бабахает игрушка, - не обернувшись, сказал Перш, заводя машину.

Штукину было больно, а еще его сильно затошнило.

- Что-то мне нехорошо, - тихо сказал Валерка и начал сползать с сиденья.

Сво подхватил его рукой и завалил на сиденье. Все звуки стали доходить до Штукина, словно сквозь вату. Валерка подумал, что засыпает. Он еще успел услышать, как Сво, вертевший в руках «Осу», говорит Першу:

- Во какая штука!

А потом Валерка потерял сознание... Забытье походило на сон. Штукину чудились какие-то голоса, мерещились какие-то видения, в которые иногда вторгалась явь: так ему показалось в какой-то момент, что он приходит в себя, осознает себя в машине, заезжающей в какой-то двор... Но потом Валерка снова проваливался в беспамятство.

...Когда он начал по-настоящему приходить в себя, то сначала услышал голоса - разговаривали

Перш и Сво. Машина, упруго покачиваясь, шла куда-то на большой скорости. Валерка полулежал на заднем сиденье, привалившись головой к дверце. На всякий случай глаза он пока открывать не стал. Грудь по-прежнему болела, но дышать было можно, не сопровождая каждый вдох-выдох стоном. Штукин прислушался. Говорил Сво:

- ...Я ведь почему пару лет назад драпанул из Севастополя? Хобот, смотрящий наш, дал мне порученьице: «Пошукай, кто ломит нас... и в средствах не стесняйся!» А у меня тогда в ментовке много людей близких было. Ну, и я, простая голова, шукаю и шукаю, шукаю и шукаю! Зорге хренов... И тут случайно переспал с одной девкой, а она запала на меня. А девчонка-то в каком-то там секретном информационном центре работала... короче, агентов ихних оформляла, какие-то карточки, как она говорила, заводила... В общем, канцелярская канитель. То да се... А она ведь не знала, с кем я и как. И раз поет мне: мол, есть такой Хобот, а о нем даже газеты писали, так вот он, как мусора выражаются, - на связи состоит! Короче - дятел! Я притих. Говорю, мол, дай документик посмотреть. Дескать, мы его по телевидению продернем, мафию разрушим... В общем - несую всякую околесицу. А она, дура, возьми - и принесла!

- Да ты что! - ахнул Перш.

- Угу... Копии карточек каких-то... Короче, сомневаться не приходилось.

- Ну и что?! Разбор был?

Сво засмеялся:

- Я что, контуженый? Ноги за плечи и сюда, в Питер... Мне эти интриги надо? Ну, качнул бы я тему... И кто-то с табашем, Хобот отмазался бы все равно, а меня зарезали бы, как агента Интерпола. Я бы даже сказал - как особо специального агента.

После небольшой паузы Перш поинтересовался:

- А копии документов этих прихватил?

- За-ачем? - гнусаво протянул Сво, так, чтобы Перш все понял правильно. Оба заржали.

Когда отсмеялись, Перш, видимо, вспомнив что-то важное, зло сказал:

- А знаешь, кого надо вальнуть как-нибудь?

- Кого? - с интересом в голосе откликнулся Сво.

- Баймака. Помнишь, как он нас подставил тогда в Перми, когда сказал, что это дело Джема, иметь с нами дело или нет? А ведь обещал поручиться. Сука синяя. [28]

Сво закричал и заерзал на сиденье рядом с Валеркой, делавшим вид, что он по-прежнему без сознания:

- Если валить Баймака, то надо и Джема. А Джем живет вечно. Его ведь нельзя убить.

- Тоже верно, - с сожалением вздохнул Перш.

Штукин между тем лихорадочно соображал, что делать. Соображалось ему туго. Да и вариантов-то, честно говоря, было немного. Попытаться открыть дверь и выпрыгнуть из машины на ходу? На такой скорости можно и убиться, а даже если бы и повезло - «лифтеры» все равно добились бы, не дали бы уйти далеко. Но что же делать?

Синими называют приверженцев воровской традиции – из-за множества наколок.

- Скоро доедем до места, – сказал Перш. Сво задумчиво просвистел какую-то руладу и поделился с напарником своими сомнениями:

- Ну, допустим, место мы найдем. А машину-то не перепутаем? Может, зря Валеру угомонили?

Перш успокоил его:

- Пропустить или перепутать милицейскую машину, которая привезет заместителя начальника УУРа, – это было бы странно. Это значило бы, что нам пора на пенсию...

В этот момент Штукину пришла в голову очередная «гениальная» идея – он решил сыграть на характере и наглости. Валерка резко сел (от этого движения его снова затошнило) и, как ни в чем не бывало, спросил:

- Так я что, не в теме?

Перш от неожиданности чуть дернул рулем, и машина слегка вильнула, но тут же выровнялась.

- Сейчас будешь! – вздохнул Сво. Он приобнял сзади Перша, забрал у него пистолет ТТ и пару раз ударил наотмашь Штукина рукояткой в голову. Первый удар пришелся в переносицу. Он был очень болезненным, но не очень опасным. А вот второй раз попало ближе к виску. Валера почувствовал, что снова куда-то уплывает. И снова он отключился не сразу, а еще некоторое время слышал голоса коллег.

- Вот неугомонный! – сказал Сво. – Я из-за него пальцы отбил.

- А ничего парень! – цокнул языком с сожалением и уважением Перш. – Свой!

- Такие свои в овраге лошадь доедают...

А потом голоса растворились в каком-то звоне, и Штукин выключился окончательно...

...Когда он снова очнулся, машина уже не ехала, а стояла. Валерка прислушался и понял, что «лифтеры» в машине, просто примолкли.

- Глянь, вот они! – громким шепотом сказал Сво. – Смотри, выходит... идет во двор. Это, наверное, Крылов и есть. Значит, он за бабками пошел. Сейчас будет возвращаться! Ну!

После очень короткой паузы Перш лязгнул чем-то металлическим и скомандовал:

- Дай бог, не в последний.

«Лифтеры» открыли дверцы и почти синхронно вышли из машины. Валерка подождал пару секунд. А потом открыл глаза и попытался сесть. Как только он оторвал голову от подголовника, перед глазами снова все стало черно...

А «лифтеры» уже неторопливо шли к черной машине с мигалкой. Идти им надо было метров сорок – они специально поставили свою машину интересно для себя.

Перш, словно почувствовав в «девятке» какое-то шевеление, оглянулся, но даже не стал останавливаться, лишь мотнул головой назад:

- Свинтит.

- И куда? Под молотки «гамерам»? Наше недолгое знакомство с этой корпорацией дает основание полагать, что они злые и нехорошие люди! – подражая старым гомельским евреям, прокартавил Сво.

- Согласен, – кивнул Перш. – В живых никого?

- Кроме нас, – оскалился Сво и перекрестился, глянув на автомобиль с мигалкой.

Между тем Крылов (а это действительно был он) вышел из конторы Колесникова с объемистым кожаным баулом и быстро сел в поджидавшую его машину с мигалкой. Поставив кожаную сумку себе в ноги, Петр Андреевич перевел дух и незаметно перекрестился. Сидевший за рулем Рахимов начал трогаться, но Крылов остановил его:

- Погодь, надо же еще подождать – шелабушки должны привезти. Сувениры эти...

Рахимов остановился, снял ноги с педалей и приоткрыл свою дверцу, чтобы вытянуть левую ногу. В детстве он занимался прыжками в длину, часто растягивал голеностопы, и они теперь ныли на перемену погоды.

«Лифтеры» были уже всего в нескольких шагах от них... В этот момент в салоне «девятки» снова очнулся Штукин, обнаружил одного себя в салоне, похолодел от мысли, что все уже случилось, и, преодолевая тошноту и скрипя зубами, упал между передними сиденьями. От отчаяния Валерка нажал пятерней на звуковой сигнал. Жал долго, пока снова не завертелась карусель в голове...

...Услышав непрерывный противный звуковой сигнал, Рахимов поморщился и вдруг натолкнулся взглядом на глаза Перша.

- Стрем! – крикнул Рахимов, выскакивая из машины.

Перш хладнокровно пошел на него, вытянув правую руку и стреляя на ходу из «ТТ». Рахимов наткнулся грудью на свинец и упал носом в землю. Сво из обреза дал дуплетом по Крылову, который почти успел вытащить свой ПМ. Петра Андреевича швырнуло обратно в машину. Сво подошел к нему и, улыбаясь, вытащил из-под дергающихся ног баул.

- Не повезло тебе, дядя! – успел тихо сказать Сво, прежде чем Крылов четыре раза выстрелил ему в живот. Сво выпустил баул из рук, упал навзничь, выгнулся дугой и перевернулся.

Петр Андреевич глянул на него, убедился, что пули пробили тело убийцы насквозь и улетели в небо, и стал умирать. Когда его глаза уже перестали видеть, Крылов со свойственным ему сарказмом еще успел прошептать:

- В этой игре взяток больше не будет...

Когда Крылов умер, но еще никуда не попал, ему привиделся лагерь. Лагерь утопал в весенних

лесотундровых цветах. Комаров не было. На вышке улыбался молоденький часовой в расстегнутом новеньком тулупе. ПППШ он держал играючи и ни на кого не наставлял. Из открытого шлюза доносился смех – звонкий, хороший, молодой. Потом оттуда, бросаясь снежками, выбежали старые жулики, а за ними и он сам – молодой лейтенант. Снежки шлепались о его китель и рассыпались. Жулики резвились и хохотали в голос, и он тоже смеялся, радуясь весне и своей молодости. На бревне перед шлюзом сидели старый вор по прозвищу Тош и первый его, Крылова, начальник оперчасти. Они покуривали, греясь на весеннем солнышке, и перебрасывались репликами: «Во дают! Ну прям как дети!» А потом все погасло, и только еще несколько мгновений слышался счастливый смех...

...Когда Перш стал подходить к лежавшему Рахимову, его за рукав схватил непонятно откуда взявшийся мужик в очках:

- Вы что?! Что вы делаете?

Перш, не оборачиваясь, всадил в него две пули. Мужик упал. Перш подошел к Рахимову, но поклониться не успел, потому что капитан вдруг дернулся и, махнув по широкой дуге ножом, напрочь распахал ему бедро и ляжку.

Этот грубый степной нож с обтянутой засохшей кожей рукояткой много лет назад подарил Рахимову его дед.

- Запомни, - сказал тогда дед. - У гяуров нож - оружие рабов. У нас нож - это война, сам ее дух. Вот этим ножом еще в начале века мой отец себе уважение добывал...

...Перш рухнул на землю, перевернулся на бок и уже из этого положения выстрелил Рахимову в ухо. Лицо капитана словно расколосось, из выходного отверстия торчали кости скулы. Душа Рахимова не стала обращать внимания на перебитые кости и взлетела. С огромной высоты она увидела не Санкт-Петербург, а степь - желтую, пыльную, бескрайнюю и родную... Перш попытался со стоном сесть и только в этот момент понял, что у него распороты не только бедро и ляжка, но и живот. Просто нож Рахимова был настолько острым, что рана на животе раскрылась не сразу. Перш оперся на левую руку и посмотрел на огромную лужу крови, в которой сидел. Он почувствовал, что холодеет и перестает чувствовать пальцы ног.

- К одиннадцати - туз [29] , - Перш заскрипел зубами и попытался встать, постоянно оборачиваясь при этом на машину и лежащий рядом с ней баул с деньгами. Встать не получилось. В распоротом животе что-то зачмокало, и Перш упал щекой в собственную кровь.

В это время из «девятки» сумел наконец-то выбраться Штукин. Валерку вырвало желчью, и ему стало чуть легче. Он выпрямился и заковылял к машине с мигалкой и лежащим вокруг нее людям.

...Перш возился в луже крови, когда над ним склонилось синее от ударов пистолетной рукояткой лицо Штукина:

- Подышаешь?

- Подышаю, - согласился Перш и безвольно откинулся на асфальт. - Ты хоть деньги себе забери.

В голове убийцы тяжело забухали колокола. Першу вдруг захотелось пельменей, самых

обыкновенных, колпинских, с кетчупом и горчицей. Во рту он ощутил вкус уксуса. Из разрезанных артерий ручейками убегала злая жизнь и, растекаясь лужей, разъедала асфальт. Напоследок Перш со свойственной ему спокойной яростью решил достать Валерку, обходившего как раз машину. Тэтэшка гавкнула выстрелом и вырвалась из уже неживых пальцев...

Штукин почувствовал, как что-то обожгло ему шею, и от неожиданности даже подскочил. Боли он не ощутил. Потому что ему и до этого было очень больно. Шатаясь, Валерка обогнул-таки машину и склонился над Крыловым. Грудь полковника была мягкой и липкой, словно кто-то вылил на нее банку малинового варенья. Обрез – страшная вещь, особенно если патроны снаряжены крупной картечью. Ничем помочь Крылову было уже нельзя. Штукин всхлипнул, вынул из руки трупа пистолет и машинально подобрал выпавший на пол автомобиля мобильный телефон. Потом Валерка обернулся к Сво и подхватил лежавший рядом с ним баул с деньгами. Сво еще жил. Но при каждом его выдохе из входных и выходных пулевых отверстий маленькими фонтанчиками выплескивалась кровь. Сво мелко дрожал и шевелил губами. У него начиналась агония. Ему казалось, что он плывет в родном Черном море – только в непривычно холодном и каком-то вязком...

Валера направил было в сторону головы Сво пистолет Крылова. Но добить бандита не смог. Точнее, не то чтобы не смог – просто понял, что тот и сам доходит.

Убрав пистолет во внутренний карман и сжав сильнее ручки баула, Штукин заковылял прочь. Инстинктивно он брел в сторону вокзала. Лишь дойдя по бульвару до памятника Эрнсту Тельману, Валера начал свободной рукой ощупывать свою шею. Под кожей он нащупал бугорок. Это была пуля из «тэтэшки», пробившая воротник куртки и непонятно почему не прошедшая навывлет – может быть, патрон был бракованным и потому ослабленным...

У Валерки закружилась голова. Он достал платок из кармана брюк и осторожно положил его на шею. Голова закружилась еще сильнее. Задохнувшись, Штукин был вынужден присесть на лавочку – отдышаться. Несколько минут он сидел и дышал, словно случайно выскочившая на берег рыба. От внезапно пришедшей в голову мысли Валерка иронично улыбнулся и прошептал:

- Что ж они меня добить-то никак не могут? Это же сколько они по мне выпустили пуль, с учетом лифта!

Он посидел еще немного, подставляя лицо холодному ветру, а потом скомандовал сам себе:

- Надо нырнуть!

Штукин встал и, покачиваясь, пошел к привокзальной площади, чтобы попытаться взять там машину до города. У него была сначала мысль уехать на оставшейся от Перша и Сво «девятке», но этот вариант Валерка сразу же отверг: в таком состоянии, в каком он находился, да еще без доверенности – далеко не уедешь. Либо сам улетишь в кювет, либо сотрудники ГИБДД остановят со всеми вытекающими... Никакого пресловутого плана «Перехват» Штукин не опасался, потому что знал: милиция начнет осуществлять разные мероприятия только после того, как все съедутся к месту происшествия, обляпают там все и дождутся начальства. И потом уже пойдут всякие перехваты – и не потому, что они дадут какой-то результат, а потому, что так положено... Хорошо, что Валера все-таки не дошел до привокзальной площади – там он, наверное, со своим странным внешним видом лишь нашел бы новые проблемы. Штукину удалось поймать машину прямо на бульваре. Это была очень неновая белая «Волга», за рулем которой сидел мужик лет сорока.

- Мне в Питер, - сказал ему Валера. - Плачу тонну. Могу половину отдать вперед.

Мужик молча кивнул и, когда Штукин уже залез на заднее сиденье, спросил:

- Что, крепко досталось?

Для того, чтобы задать такой вопрос, особой наблюдательности не требовалось.

- И это только начало... - простонал Валерка, осторожно устраивая разбитую голову на подголовник.

Водитель плавно тронулся и через некоторое время поинтересовался:

- И за что страдаем?

По мужику было видно, что он обладал разносторонним жизненным опытом.

У Штукина не было сил врать, и он ответил честно:

- За большие, как обычно, деньги...

Водитель через зеркало заднего вида покосился на кожаный баул, оценил его и спокойно пообещал:

- Не бойсь, я тебя не сдам. У самого две судимости.

Валерка кивнул и через несколько секунд отрешенно спросил:

- Хочешь, поделюсь?

- Не хочу, - твердо ответил мужик, покачав головой.

- Чего так?

- Не люблю халявы. А в долю падать, видно, поздновато...

- Поздновато, дядя, - согласился Штукин и начал впадать в какую-то полудрему.

- Что-то можно исправить? - спросил его водитель через несколько минут.

Валерка вопрос слышал, но отвечать на него что-либо у него уже не было сил. Не было у него сил и на то, чтобы подумать - а что, собственно, делать дальше. Штукин даже не знал, куда ему ехать. Он понимал, что домой соваться нельзя. А куда можно? Сил для решения этой проблемы не хватало. Валерка провалился в полусон - полукоматоз. Он словно грезил наяву. Перед ним поочередно появлялись лица Ильюхина, Юнгерова, Гамерника, Крылова, Сво и Перша, матери и отчима, еще кого-то... Из этого почти анабиозного состояния его вывел телефонный звонок. Трель звонка была незнакомой, и Штукин не сразу сообразил, что мобильник звонит в кармане его куртки. Ах да, он же зачем-то подобрал телефон Крылова, оставив свой у Перша или Сво... И «Осу» оставил у них... А сейчас возвращаться на место перестрелки поздно...

Непонятно зачем, Валерка ответил на звонок:

- Алло...

- Петр Андреевич! - энергично затараторил в трубке мужской голос. - Это Губанков. У меня тут небольшая проблема нарисовалась...

- Петр Андреевич сменил номер, - перебил Губанкова Штукин. - У него тоже... проблема. Сюда можно больше не звонить.

Валерка отключил мобильник, некоторое время тупо смотрел на мобильник, а потом вспомнил: Вера! Наверное, она - единственная, кто может хоть чем-то помочь в этой ситуации.

Несколько минут он мучительно вспоминал ее номер, потом неуверенно набирал его трясущимися пальцами... Ему повезло - номер он вспомнил правильно:

- Алло...

- Валера! - сразу узнала его Вера. - Как ты? Куда пропал?

- Я... у меня проблемы кое-какие...

- Что случилось?! Ты где?!

- Я... Я тут подрался малость с одними красавцами... Ты дома?

- Дома...

- Я... Можно я заеду к тебе?... Я не совсем в кондиции...

Надо отдать должное Вере - она почти не колебалась:

- Приезжай, конечно, Валера! Адрес помнишь?

- Помню, - сказал Штукин и нажал на клавишу отбоя.

Закрыв глаза, он тихо сказал водителю:

- На Васильевский едем. Хорошо?

Водитель лишь молча кивнул.

Трубка Крылова звонила еще несколько раз, но Валерка на звонки уже не стал отвечать. Он сидел с закрытыми глазами и боялся думать о том, почему все пошло совсем не по его плану...

А по его плану, наверное, ничего не могло пойти изначально. Слишком много моментов Штукин просто не учел: что-то неправильно оценил, на что-то вообще не обратил внимания.

Например, он совершенно не придал значения в подслушанном в доме Юнгера разговоре фразе о том, что к офису Вадима кто-то должен будет подвезти сувениры и подарки для того, чтобы Крылов мог их распахать в Москве нужным людям...

Этим «кем-то» был не кто иной, как Якушев. Поручение закупить всякой дорогой презентационной ерунды Юнгеров дал именно ему. Через это задание Александр Сергеевич

хотел как-то разрулить неправильную ситуацию с Егором. Юнгеров ведь по-своему очень любил этого парня и переживал за него. Своего сына у Александра Сергеевича не было, поэтому к Якушеву он относился если и не совсем по-отцовски, то все равно очень по-родственному. Накануне предполагаемого отъезда Крылова в Москву Юнгеров позвонил Егору, выдернул его на встречу и объяснил, что нужно сделать. Якушев выслушал задание, глядя в пол, и кивнул в знак согласия:

- Я все понял. Все сделаю, Александр Сергеевич.

Выглядел Егор не очень хорошо: он сильно похудел, под глазами залегла чернота, да и сами глаза не радовали, в них не было прежнего доброго блеска, не кричали озорные искорки. Якушев словно постарел сразу на несколько лет. Тот, кто Егора не знал раньше, посмотрев на него, легко бы дал ему не двадцать два года, а «уверенный тридцатник».

У Юнгерова кольнуло сердце и запершило в горле. Он откашлялся и спросил:

- Что это ты меня по имени-отчеству?... Я для тебя дядя Саша! Забыл, что ли?

Егор ничего не ответил, лишь поднял глаза на секунду, но Александру Сергеевичу этого хватило. Юнгеров вздохнул и взял парня за плечо:

- Егор... Егорка... Я все понимаю... Может, и я тогда резко слишком... Но и ты был не прав... Я понимаю, ты к этой женщине по-особенному относился... Но это еще не основание, чтобы с ходу в морду бить нашего... члена нашего коллектива, своего...

Якушев устало и очень по-взрослому вздохнул:

- Никакой Штукин не свой... Вы... Вы не знаете... И неправильно к нему относитесь...

Юнгеров нахмурился:

- Может, я чего-то и не знаю. Но думаю, что и ты знаешь не все... Ладно, Егор, давай сейчас не будем - вот так, впопыхах. Давай Петра Андреевича в Москву проводим - он туда по очень важному делу едет, для всех нас очень важному - и поговорим потом. Долго поговорим, про все-все. Хорошо, сынок?

Егор вскинул голову и долго смотрел Александру Сергеевичу в глаза, а потом сказал:

- Хорошо... дядя Саша...

...С купленными на почти тридцать тысяч долларов «шелабушками» в большой сумке Якушев подъехал на такси к месту бойни буквально через несколько минут после того, как оттуда уехал Штукин. Таксист, увидев мертвые тела вокруг машины с мигалкой, охренел настолько, что рванул прочь, забыв взять с Егора деньги. Якушев выронил сумку с сувенирами и обежал кругом место происшествия. Потом он начал метаться от одного остывающего тела к другому. Четверо были мертвыми, а пятый (это был Сво) тоже «доходил». Но он все же еще дышал, правда еле-еле. Егор упал рядом с ним на колени и, подхватив под плечи, стал бережно поднимать ему голову:

- Я ведь могу спасти тебя! Расскажи, а?

В мутнеющих глазах умирающего что-то дрогнуло. Сво узнал Якушева и слабо улыбнулся:

- Какой ты... неискренний... А Валера молодец... подстраховался все-таки, сука... Только ты опоздал. Он уже соскочил... И баул прихватил... Уйдет, коли не сдохнет... Перш его, вроде, стеганул плеткой...

- О чем ты? - не понял Егор, пристальнее вглядываясь в лицо Сво. И зрительная память не подвела Якушева - он, в отличие от Штукина, сразу вспомнил этого парня и обстоятельства, при которых его видел. Среагировал Егор и на услышанное им «Валера» - все чувства опера были невероятно обострены в этой стрессовой ситуации, и вместо догадок к нему приходили... озарения, что ли... У Якушева, как у хорошего пса, включилось вдруг «верхнее чутье».

Он осторожно потряс бандита:

- Ты какого Валеру помянул? Не уходи, слышь!

Сво заперхал, выплескивая кровь себе на подбородок:

- Смешно, легавый... То вы бабу поделить не можете, то бабки...

Егор от напряжения даже вспотел:

- Валера унес деньги? Говори, говори!

Голос умирающего начал гаснуть:

- Это не деньги... Это - финансы... Можно было пляж выкупить... На всю жизнь бы... Догоняй... теперь... своего... кореша...

- Куда он побежал?! Куда?!

На этот наивный вопрос Сво хотел усмехнуться, но в смертной истоме ему удалось лишь оскалиться. Он еще вздрогнул несколько раз в руках Якушева и вытянулся. Егор не стал закрывать его быстро стекленеющие глаза, а лишь переложил голову покойника со своих колен на асфальт.

От возбуждения Якушева начала бить нервная дрожь. Он попытался как-то осмыслить услышанное. Этого парня он узнал - тот был невольным свидетелем того, как они собачились со Штукиным. «То вы бабу поделить не можете, то бабки...» Конечно, он имел в виду Штукина, кого же еще! Тем более, что и имя прозвучало - Валера!

Егор обхватил голову руками: «Думай, думай! Он сказал, что Валера взял баул... Баул с большими деньгами, с финансами... А дядя Саша говорил, что Крылов должен поехать в Москву, чтобы решить очень серьезный вопрос для нас всех... Я только сувениров и подарков разных за два дня кряду на тридцать тонн баксов еле набрал. Значит... Значит, Крылов должен был, скорее всего, и везти в Москву эти большие бабки - те, которые взял Валера, с которыми мы не могли поделить бабу... Что же получается? Штукин организовал этот налет?! А потом ушел, оставив за собой трупы... Он любит трупы за собой оставлять... И все чисто... Правда, этот... сказал, что его тоже подранили... А как Штукин мог узнать о месте и времени передачи денег? Как-как... Да как и я - дядя Саша поручил подвезти что-нибудь... Но я же не знал, что Крылов повезет в Москву деньги, тем более - "финансы"... Ну и что: я не знал, а Штуке могли сказать. Они же ему доверяют... Но как он мог? Ведь Ильяхин говорил, что он... Как-как... А как мог Зою?! А может, это все же не он? Валер много... Но Валер, с которыми я бабу поделить не мог, кроме Штукина, нет...»

Лихорадочные размышления Егора прервал телефонный звонок. Якушев нервно вздрогнул: телефон звонил в кармане Сво.

Егор залез в карман убитому, вынул трубку и ответил на звонок:

- Да!

- Валера? - неуверенно спросил на том конце очень знакомый голос, настолько знакомый, что Якушеву показалось, что он сходит с ума:

- ...Дядя... Саша?!

- Егор?!

- Дядя Саша... А вы кому... звоните?

По спине Якушева поползли капли холодного пота. Юнгеров после секундного замешательства ответил, не скрывая своего непонимания:

- Вообще-то я звоню Штукину... Никак дозвониться не могу... А почему ты с его трубой? Я ж тебя к Крылову послал...

- Я сюда и приехал.

- А Штукин как там оказался? Позови его.

- Не могу.

- Да что там у вас происходит?! - взорвался Юнгеров.

Егор, только что получивший объективное подтверждение участия Штукина в бойне, ответил мертвым голосом очень коротко:

- Все.

- Что все?! - уже орал в полный голос Александр Сергеевич.

Якушев вдруг почувствовал невероятную усталость - она навалилась, потому что он перестал изо всех сил напрягать мозг, решив, что нашел уже ответы на многие мучившие его вопросы.

Юнгеров надрывался на том конце, и Егор понял, что надо что-то ответить:

- Дядя Саша... Крылова убили... Тут трупы все, куда я подъехал... А Штукин взял баул с деньгами и соскочил...

У Юнгерова сел голос:

- Быстро ко мне!

Якушев машинально, словно Юнгеров мог его видеть, покачал головой:

- Подожди, дядя Саша... Я хочу Штуку догнать.

Крик Александра Сергеевича превратился в рев:

- Я сказал - ко мне! Мигом!!!

Раньше Егор и помыслить не мог, чтобы послушаться Юнгера, тем более когда он приказывал таким тоном... Но это все было раньше - в какой-то другой жизни.

Якушев упрямо свел брови к переносице:

- А я сказал, что Штукин всех перебил! Он организовал налет и ушел с деньгами!

Юнгеров тяжело дышал, как после пробежки. Он попытался взять себя в руки и сказал почти спокойно:

- А я сказал, чтобы ты сейчас обо всем забыл и ехал ко мне. Мы вместе во всем разберемся.

- Нет, дядя Саша... Я должен его догнать, иначе он уйдет. Я позвоню обязательно. Потом. Когда достану его.

- Егор, сынок... Не дури. Тебя просто клинит на этом Штукине...

Якушев горько усмехнулся:

- Дядя Саша! Я вам говорил про него... А вы его все время защищаете так, как будто... Дядя Саша... А вы точно здесь ни при чем?

- Что?! - Юнгеров задохнулся и аж захрипел в бешенстве.

Егор очень ровным тоном закончил разговор:

- Я позвоню. Потом.

Он выключил трубку Штукина и бережно опустил ее к себе в карман.

Юнгеров в своем офисе швырнул мобильник в стенку и заорал страшно:

- По коням, суки!!!

Через мгновение в офисе начался настоящий аврал...

...А Егор еще постоял над остывающими трупами, подумал, не отвечая на звонки уже своего мобильного. Он думал о том, куда мог направиться Штукин, тем более раненый, если только покойник не соврал. Ничего дельного в голову не приходило, кроме того, что, скорее всего, Штукин все-таки рванул обратно в Питер. «А куда ему еще деваться? В Питере он постарается забиться в какую-то нору, чтобы отлежаться и подлечиться, если нужно... Знать бы еще, где эта нора...» - думал, озираясь, Якушев. Егор понимал, что ему тоже нужно уходить, и как можно быстрее, потому что скоро должна подъехать местная милиция. Он посмотрел на «девятку» с распахнутыми дверцами, но решил, что у него уже нет времени шарить у покойников по карманам в поисках ключей. Егор развернулся и побежал в сторону вокзала, забыв на месте побоища сумку с подарками, которые уже некому было везти в Москву...

...Штукин не очень хорошо помнил, как доехал до дома Веры. Более-менее он пришел в себя уже на улице, когда немногословный водитель помог ему выбраться из машины. Валера сунул ему деньги.

- Спасибо, дядя. Выручил. Спасибо.

- Удачи тебе, парень. Она тебе еще ох как понадобится...

По лестнице Штукин поднимался, словно старик, налегая всем телом на перила и останавливаясь, чтобы отдышаться...

Дверь Вера открыла быстро. Увидев Валеру, она охнула и прижала ладонь ко рту. Штукин ввалился в квартиру и уронил кожаный баул на пол. Он молчал и тяжело дышал.

Вера не была наивной девушкой. По молчанию Валеры и его медленным движениям она поняла, что он совсем не подрался с кем-то, как сказал по телефону...

Вера пыталась расспрашивать Валеру, но он лишь мотал головой, а потом попросил маникюрный набор и заперся в ванной.

Вера села в кресло на кухне, налила себе рюмку коньяку и закурила. Ей было плохо и страшно.

А Штукин тем временем, стоя перед зеркалом в ванной, расковырял на шее кожу и дамским пинцетом вытащил пулю. На шее осталась воронка, из которой кровь сочилась, но не очень сильно. На пузырь розовой кожи смотреть было неприятно. Валера нашел вату и бутылочку перекиси водорода. Он соорудил тампон и обильно смочил его перекисью, а потом долго не решался приложить к ране.

- Рембо херов! - зло сказал Штукин своему отражению в зеркале и приложил вату к шее. Ему показалось, что в ванной выключился свет. Потом зрение стало медленно возвращаться, но резкость и контрастность оставляли желать лучшего, как в ненастроенном телевизоре. Валера обрадовался, что не свалился, а устоял на ногах. Он посмотрел в зеркало и сказал почти весело:

- Вот только не надо пропадать отражению. Это уже чересчур...

Спустя несколько минут ему полегчало. Штукин наложил на шею повязку из найденного бинта и результатом остался почти доволен. Кровь сквозь марлю не проступала.

Он присел на край ванной и понял, что ребра болят очень сильно, и болят как-то неправильно. «Что-то там сломалось», - понял Валера и осторожно снял футболку. Он увидел огромную гематому неправильной формы. Дотрагиваться до этого кровоподтека было больно...

Штукин умыл разбитое лицо, стараясь резко не наклоняться к крану. После умывания ему снова полегчало. Он опять посидел на краешке ванной. Внезапно ему вспомнилась непонятно где услышанная фраза: «Если стоять на облаке, держа в руках зеркало, и лететь со скоростью света, то увидеть свое отражение невозможно». Валера посмотрел в зеркало и удивился, какая странная хрень лезет ему в голову. Он осторожно встал, щелкнул замочком и вышел из ванной. Вера неподвижно сидела на кухне. Штукин подошел к ней и, имея в виду свое разбитое лицо, попытался сострить:

- Почище, чем у Шарапова!

- Ты уверен? - грустно спросила Вера.

- В чем?

- В том, что как у Шарапова, - ответила Вера, не вставая с кресла. - А мне кажется, что как у Фокса...

Пока Штукин был в ванной, она даже и не подумала открыть кожаный баул, чтобы посмотреть, что там. Вера и так догадалась, что там деньги. Штукин пришел избитый, окровавленный, с сумкой денег... Она вспомнила начало девяностых годов, своего мужа Питошу и его друзей той поры. Большинство этих друзей уже лежали на разных кладбищах. Вера знала, что на тот свет их отправило не государство руками КГБ - ФСБ - МВД, а они сами выдавали друг другу билеты в один конец. Она вспомнила, как однажды принесли домой Питона с проломленной головой. Ей стало тоскливо и мутно. Все, что она видела в прошлом, помогало ей, не зная ничего, предвидеть конец и в этой истории...

Штукин нашел в холодильнике бутылку минералки и жадно выпил ее почти залпом. Потом он со стоном опустился на корточки перед Верой и попросил:

- Слушай... Дай ключ от квартиры... той, что на Московском. Денька на два. А?

- И там будут лежать деньги, - усмехнулась Вера.

- Вер, на пару дней, а? Мне только оклематься малехо...

- А потом придут ребята с кокардами, - продолжала Вера, глядя сквозь Штукина.

Валерка насупился:

- То есть выпутывайся сам? Да?

Вера устало усмехнулась и встала:

- Конечно, бери... Хотя мы вместе одну и ту же хату не брали, чтобы и выпутываться вместе...

Ей вдруг вспомнилось, как у Питоши в 1992 году случилось помутнение в мозгах - очень характерное для того времени. Он тогда заявлял, что только разговор с ним стоит минимум столик баксов. А потом его привезли с проломленной головой, видимо, с кем-то Питоша не сошелся в цене...

Вера вышла в прихожую, порылась там где-то и вернулась на кухню с ключами, которые вложила в ладонь Валере.

- Вера, тебе ничего не грозит... - обрадованно начал Штукин.

Вера перебила его, с трудом удерживаясь от слез:

- Мне давно ничего не грозит. Не грозит выпить чашку кофе с ближайшей подругой. С мужем не грозит улыбнуться, с ним, в основном, гогочешь. С тобой если что и грозит, то лишь опознание трупа в своей квартире. Извини! Мне грозит только шикарный бюстгальтер за сто евро... а груди стареют...

Валера не нашелся, что ответить. Вера не выдержала и все же заплакала - тихо, почти без всхлипов. Обнимать и утешать ее Штукин не стал.

Через минуту она вытерла слезы и спросила:

- Чем я еще могу помочь?

В ее голосе не было любви. Штукин тоже ничего не чувствовал. Кроме боли в ребрах, смертельной усталости и такой же тоски.

- Ничем, спасибо, - тихо ответил Валера.

- Тогда иди, - попросила она. - Дай о себе знать, как сможешь.

Штукин прошел в прихожую и поднял кожаный баул. Вера не пошла его провожать.

- Спасибо, - еще раз сказал Валера, открыл дверь и вышел.

Вера подошла к окну, посмотрела, как Штукин вышел из подъезда, и долго провожала взглядом его покачивающуюся фигуру...

Потом она подошла к музыкальному центру и поставила диск со старинными романсами в исполнении Вари Паниной.

«Как хорошо, как хорошо, как хорошо мне...» - зашипели динамики. Вера упала на диван и разрыдалась в голос - можно было бы сказать, что разрыдалась несколько театрально, если бы не была в доме одна...

Правда, в одиночестве она оставалась не очень долго. Минут через двадцать звонок входной двери защебетал соловьем. Вера даже решила, что это вернулся Валера, и бросилась открывать. Но это был не Штукин. На пороге стоял сильно запыхавшийся Якушев...

...Когда Егор поймал на вокзальной площади такси и помчался в Питер, он еще не знал, где искать Штукина. В машине уже Якушев начал думать. Он ведь все время после той стычки у озера и разговора с Ильяхиным изучал распечатки мобильного телефона Валеры. Он не просто их изучал, он учил их наизусть, устанавливая каждого абонента. И Якушев обратил внимание на интересную особенность - судя по соединениям, у Штукина не было друзей, практически не было людей близких, с кем бы он часто общался. Волк-одиночка. Куда бросится волк-одиночка, чтобы отлежаться? Добравшись до центра города, Якушев так и не нашел ответа на этот вопрос. Он понимал, что к себе домой Валера не сунется, что он, как хороший опер, обязательно просчитает те варианты, где его будут искать. Егор зашел в кафешку и взял себе двойной эспрессо. Кофе взбодрил его, и Якушев заказал еще одну чашку. Осенило его, когда он раздумывал над тем, а не заказать ли третью. Егор вспомнил в распечатках телефоны Веры - домашний и мобильный...

Выскочив из кафе, Якушев стал ловить такси. Он ни в чем не был уверен, но его вела ненависть и невероятно обострившееся «верхнее чутье»...

...Когда Вера открыла ему дверь, Якушев все сразу понял по ее лицу. Он протиснулся в прихожую, прикрыл дверь и спросил, бездарно и фальшиво разыгрывая бытовую ситуацию:

- Здорово, Вер... Извини, Штука заскакивал?

Вера тоже все поняла, хотя ничего бы не смогла объяснить толком даже под пыткой. Выдав себя полностью, она переспросила:

- Какая штука?

- Значит, был, - сказал Егор и на всякий случай вытащил «ПМ». Не обращая внимания на хозяйку, он осторожно заглянул в первую комнату.

- Что вам всем надо?! - закричала Вера.

- Значит, точно был! - удовлетворенно кивнул Якушев.

Он подошел к ванной и, открыв дверь, заглянул в нее. Не увидев там никого, закрыл дверь. Потом мгновенно, рывком, распахнул ее вновь. На толстой стеклянной полке под зеркалом лежали несколько ватных шариков, которые женщины обычно используют для ухода за лицом. Некоторые из этих шариков были в крови.

Егор зашел в ванную, сунул за пояс пистолет, осторожно взял один шарик, поднес к носу и понюхал. Кровь была свежая. Егор быстро окинул взглядом всю ванную комнату, а потом стал перебирать многочисленные баночки и флакончики. Когда он взял в руки стильный никелированный стаканчик с зубными щетками и пастами, там что-то загремело. Якушев высыпал все содержимое стаканчика в ванную и наклонился. Среди щеток и тюбиков с пастой чуть покачивалась пистолетная пуля. Егор осторожно взял ее двумя пальцами. На пуле остался еле заметный черно-малиновый след крови. Якушев вышел из ванной и показал пулю Вере:

- Куда он был ранен?

- Чуть какая! - почти искренне возмутилась Вера. - Ты считаешь, что здесь операцию делали?

Егор недоверчиво посмотрел на женщину:

- Странно все это... И где он?

- Ответить? - вызывающе вскинулась Вера. Якушев весь подобрался и левой рукой снова вытащил из-за пояса пистолет:

- А что, не скажешь?!

- А с какой стати? С той, что ты легавый и можешь меня пистолетом пугать?

Егора покорило от слова «легавый». Он хотел ответить резко, но сдержался и просто посмотрел Вере в глаза. Она этот долгий взгляд выдержала. Тогда Якушев нагнулся к ней ближе и тихо спросил:

- А тебя не смущает его появление с пулей в жопе, очевидно, последовавшая затем просьба его укрыть, сумка, набитая деньгами?... Кстати, он ведь ее не оставил, с собой унес? Не смущает тебя лживая история про то, как он спасает кого-то, а кто-то за ним гонится?... Нет?

Вера привалилась спиной к дверному косяку и скрестила на груди руки:

- Не было никакой истории.

Это сказано было твердо и спокойно.

- Понимаю, - согласился Егор. - Своим надо помогать, ничего не выпрашивая?

- Надо! - с некоторым вызовом ответила Вера и глянула оперу в глаза.

С минуту они играли в гляделки, потом Верины глаза налились слезами, а на Якушева вдруг

навалилась слабость. Причем навалилась почти буквально, парень физически почувствовал, как что-то давит ему на плечи, и сполз по стенке на корточки. Пистолет Егор выронил из рук.

- Господи! С тобой-то что? - воскликнула Вера и быстро встала перед Якушевым на колени, пытаясь заглянуть ему в лицо.

- Все нормально, - вяло ответил Егор, хотя у него в глазах все рябило и дергалось. Он постарался не завалиться на бок, и это ему удалось. Потом постарался сжать кулак, но с этим уже ничего не вышло.

- Хорош легавый, - усмехнулся Якушев, упершись затылком в стену.

- А может, помиритесь? - тихо спросила вдруг Вера.

Смысл вопроса дошел до Егора не сразу. А потом все же дошло, что все так и считают, будто они со Штукиным просто поссорились. Якушев зарычал и с силой шарахнул головой о стенку. В гипроке осталась вмятина, а за обоями что-то зашуршало. От этого удара он, как ни странно, пришел в себя.

- Помирился и все распилим по-братски! Тот баульчик! - заорал Егор на Веру. - Слушай меня!

Он оттолкнулся спиной от стенки и тоже встал на колени.

Со стороны это, наверное, смотрелось мелодраматично - мужчина и женщина на коленях друг перед другом. Кто-то, может быть, и улыбнулся бы этой сцене, но Вере и Якушеву было не до улыбок. Расстояние между ними было таким маленьким, что они ощущали дыхание друг друга.

- Слушай меня! - тяжелым шепотом повторил Егор. - Ты историю не знаешь, так я расскажу тебе ее. Она - хуже не бывает! Сейчас в Пушкине лежат на асфальте пять трупов. Среди них один очень близкий мне и моим друзьям человек. Я не говорю, что Штука убил их всех, но хотя бы одного он точно убил! И это был не бой на равных, а бойня... из-за ровно нарезанной бумаги, которую называют деньгами... А еще раньше - не стало Зои... Я бы не хотел рассказывать тебе... Но это Штукин был с ней на том озере.

Вера отшатнулась, но Якушев схватил ее за плечи:

- Вера, я ведь не мразь, чтобы такое на человека наговорить! Скажи - я мерзавец?!

- Нет... - заплакала снова Вера.

- Где он?

Женщина отвела взгляд и, сквозь всхлипы, еле выговорила:

- На свете так мало неплохих людей... Зачем же вы хотите, чтобы их стало еще меньше?!

- Вера, где он?!

Она снова посмотрела ему в глаза:

- А ты... а ты оставишь мне свой пистолет?

- Да, - быстро ответил Егор.

- Отдай, - не поверила ему Вера.

Якушев пошарил рукой на полу сзади себя, нащупал пистолет, подобрал его и протянул Вере. Она аккуратно взяла его и ушла на кухню. Егор прислушался, но ничего не услышал. Он не услышал звука выдвигаемого ящика и скрип двери пенала. Якушев встал, но остался в коридоре. Из кухни вышла Вера и, не останавливаясь, направилась в комнату. Егор насторожился, но она быстро вышла из комнаты и протянула оперу свой паспорт. Якушев сначала не понял, а потом открыл документ на страничке, где ставился штамп прописки. Там были две отметки, одна - нынешняя и предыдущая - с адресом на Московском проспекте. Егор даже вспомнил, что Зоя когда-то рассказывала ему про Верину квартиру в «Русском прянике», оставшуюся от родителей. Подружки иногда устраивали там девичники.

Якушев пошевелил губами, запоминая адрес, потом закрыл паспорт, вернул его Вере и сказал с каким-то горьким сарказмом:

- Нет, я не легавый. Я хуже цветного.

Он быстро прошел на кухню и огляделся. В углу матово блестел шикарный холодильник. Егор подошел к нему, дотронулся, погладил. Потом потянул дверцу - она открылась абсолютно бесшумно. На верхней полке лежал его пистолет. Якушев взял его и засунул за ремень брюк.

- И что мне теперь делать? - спросила Вера, появившись в дверном проеме.

Егор постарался не встречаться с ней глазами и, давя возникшее в душе чувство неловкости, ответил грубо и цинично:

- В холодильнике еще достаточно еды. Приготовь что-нибудь вкусное мужу.

- В таких случаях дают пощечину, - сказала Вера. - Но ты ведь можешь ударить в ответ? Уходи.

Егор ушел. Ему хотелось сказать «извини!», но он не сказал ничего.

После его ухода Вера, конечно, бросилась звонить в квартиру на Московском, но Штукин к телефону не подходил. А его мобильник через несколько минут зазвенел в кармане Егора. Якушев вынул его из кармана, увидел на дисплее высветившийся номер Веры и грустно усмехнулся...

...Когда Юнгеров вместе со своими людьми подъехал к месту бойни у офиса Колесова, там уже было полно народу: милиция местная и городская, сотрудники прокуратуры, эксперты, какие-то журналисты и еще бог знает кто. Все курили, кучковались, звонили куда-то по мобильникам и делали много нужных и ненужных движений.

Какой-то сержант не хотел пускать Юнгера за обозначенный пластиковыми лентами периметр, но с ним коротко переговорил Ермилов, и служивый отстал. Александр Сергеевич и сам не стал подходить вплотную к машине. Он молча смотрел на высывающиеся из правой передней двери ноги Крылова и не слышал, о чем его спрашивали оперативники и следователь прокуратуры. Потом Юнгеров повернулся и пошел прочь. Ермилов остался объясняться с сотрудниками. Отойдя на несколько шагов, Александр Сергеевич обернулся и снова посмотрел на неподвижно торчавшие из автомобиля ноги. В горле у него встал ком, и Юнгеров закашлялся, а потом сказал очень тихо:

- Прости, Петр. Прощай... Если б я знал...

Он достал сигарету, а зажигалку ему поднес подошедший Ермилов. Александр Сергеевич затянулся и промычал, не вынимая сигарету изо рта:

- Надо найти Егора. Пока он чего-нибудь не накосорезил.

- Если уже не накосорезил, - поправил Ермилов.

Юнгеров вопросительно поднял брови, и Ермилов пояснил:

- То, что здесь был Штука - известно только со слов Егора. То, что у Егора был мобильник Валеры - может свидетельствовать о всяком. Мобильник можно и с мертвого снять. Штукин-то как раз не знал времени и места передачи денег. А Егор место и время знал, он только про деньги не знал, если ты ему случайно не обмолвился...

Юнгеров долго молча смотрел в немигающие глаза Ермилова, а потом сказал - устало и как-то обреченно:

- Знаешь что, Юрий Николаевич... Иногда, оказывается, дают осечку и такие совершенные боевые машины, как ты. Надо искать Егора. И дай бог нам его найти, прежде чем он найдет Штукина...

...Якушеву понадобился почти час, чтобы добраться сквозь пробки от Васильевского острова к «Русскому прянику» на Московском проспекте. В какой-то момент Егор даже пожалел, что поймал такси, а не поехал на метро. Он немного успокоился, лишь когда подбежал к «Русскому прянику», вычислил окна нужной ему квартиры на втором этаже и увидел, что там горит свет. Якушев отдышался и внимательно осмотрел стену сталинского дома. Штурмовать квартиру в таких домах - дело непростое, даже если она расположена на втором этаже. Но этот конкретный дом, видимо, строили с любовью, обусловившей некоторые «архитектурные излишества». Вот по этим «излишества», да еще цепляясь за водосточную трубу, Егор и полез наверх. Когда он увидел трупы в Пушкине - то осатанел от ненависти, в квартире у Веры - обессилел, по дороге к адресу на Московском - пришел в себя, но стал меньше думать и анализировать. В каком-то ином случае он сначала подошел бы к двери квартиры, принялся бы, позвонил бы соседям и попросил бы их как-то помочь... История не знает сослагательного наклонения. Якушев полез по стене дома на балкон без раздумий и колебаний. Он чуть было не сорвался, но удержался и сумел ухватиться за боковые перила балкона...

...А Штукин зашел в эту квартиру всего минут за сорок до того, как перед домом появился Якушев. Валера бросил баул с деньгами на пол в большой комнате, а сам обессилено рухнул на диван. Некоторое время он просто лежал и тупо смотрел в окно. Потом скосил глаза на сумку и усмехнулся: «Надо же... Как в кино - два лимона зелени, а толку-то...» Он пнул сумку ногой - и в этом жесте даже не было злости. Штукин понимал, что не смог бы сбежать с этими деньгами, приди ему в голову такая идея. Чтобы при таком поганом раскладе раствориться с этими деньгами на просторах необъятной России - нужно быть либо суперагентом, либо профессиональным преступником. Нужны надежные адреса в других городах, нужны документы... Много чего нужно, если бежать не в кино, а в жизни... На самом деле вариантов у Валерки было, честно говоря, всего два, и оба невеселые: либо идти каяться к Ильюхину, либо тоже каяться по полной, но перед Юнгеровым. И в первом, и во втором случае перспективы были такими, что думать о них не хотелось. А хотелось Штукину спать, притом хотелось очень, но он таращил глаза на окно, отгоняя дремоту, потому что на него внезапно нахлынул страх

умереть во сне. Вот так Валера и полусидел-полулежал на диване и смотрел в окно, пока не увидел, как на балкон залезает человек. Прищурившись, Штукин узнал в этом человеке Якушева. Егор с той стороны балконной двери уперся лбом в стекло и тоже разглядел Валеру на диване. Якушев, не отряхиваясь, постучал по раме. Штукин вздохнул с сожалением, встал с дивана и открыл балконную дверь, чем сильно удивил Егора, собиравшегося демонстративно разбить стекло.

- У тебя звонок не работает, - сказал Якушев, заходя в комнату.

- Починить - здоровье не позволяет. Говори короче, меня миозитом заразили, - отозвался Штукин, показывая на свою перебинтованную шею.

- Мало дали, - еле сдерживаясь, якобы спокойно произнес Егор.

- Настроение понял.

Штукин повернулся спиной и шагнул к дивану, но Якушев схватил его за плечо:

- Наворотил дел, а теперь холкой разворачиваешься?!

Валерка охнул:

- Пусти, урод, больно!!

- Да насрать, что тебе больно! Деньги где?!

- Ах, вот оно что?! Где трупы - выяснили, теперь перешли к главному?

Егор ударил Штукина, тот успел отклониться, и кулак, не попав по скуле, скользнул по шее. Валерка взвыл и упал на колени:

- Паскуда...

Он дополз до дивана, отдышался и немного пришел в себя.

Егор зло сопел и стоял над ним. Штукин слабо усмехнулся:

- Второй раз ты меня в харю тычешь, а я все утираюсь...

- Деньги где?

- Да тут они... Где ж им быть.

- Давай!

- Нет проблем. Куда денешь?

- Юнгерову отнесу.

- Угу. А меня?

- И тебя.

- Ага. И ты весь такой козырной, а я, как обычно, с набитой мордой? Не согласен.

Штукин начал подниматься, но Егор выхватил «ПМ» и направил на него:

- Тихо. Не дергайся.

Валера встал и выпрямился:

- Ты... засранец маленький... Ты кого сейчас изображаешь? Сотрудника милиции или гангстера? Или Брюса Уиллиса, который спасет мир?

- Быстро: взял деньги и за мной! - разделяя слова, сказал, словно продиктовал, Якушев.

Штукин скривил губы:

- И за тобой, значит... Обалдеть... В кино в таких случаях злодей усыпляет бдительность инспектора Лосева, а затем подло прыгает, но все равно проигрывает схватку на крыше небоскреба. Хороший сценарий. Но я вот только не могу понять: а я-то тут при чем?

- Как это? - по-детски удивившись, захлопал ошарашенно глазами Егор.

- Так это! Какие у тебя козыри?

Якушев от такой наглости даже головой потряс:

- А деньги, которые у тебя?... Этого что, мало?

Валера хохотнул, но скривился от боли и снова присел на диван. Поглаживая пальцами грудь, он просипел:

- Деньги? Так я их сам и вырвал из костлявых рук мафии! Я не просто офицер милиции. Я - сотрудник, работающий без прикрытия... О, как сказал! Самому приятно... Что вылупился?! Да, я не бывший сотрудник, а сотрудник! А ты, я вижу, не просто офицер, а сотрудник, работающий на Юнкерса! Так ты этот - оборотень! Тебя должен ловить тот вурдалак из УСБ, который часы за двадцать семь тысяч носит! А я... Я лишь выполнял свой долг. Прошу заметить - за 150 долларов в месяц без оперрасходов, потому что деньги в нашем деле не главное.

У Якушева совсем голова пошла кругом:

- К-кто?... Какие двадцать семь тысяч зеленых?

Штукин снисходительно махнул рукой:

- Ты не анализируй... К этой информации у тебя еще нет допуска ввиду ее особой секретности... Тебе ведь что? Тебе надо кол осиновый вбить перед входом в гнездилище упырей. Ну, если ты честный сотрудник... А деньги? Деньги - в финансовый отдел ГУВД и оттуда - в доход государства. Понял? Повторяю для тех, кто на присяге целовал знамя: деньги - не главное. Ты не против?

- Разберемся! - зло заиграл желваками Якушев.

- Не понял? Это в ФПУ [29а] разберутся!

- Дуркуешь, сволочь?!

Валерка ханжески вздохнул:

- Ах, да! Я и забыл совсем – ты же в милицию пошел не для того, чтобы законы соблюдать!
- Я не собираюсь это обсуждать с тобой!
- Потому что крыть нечем!
- Есть чем! Ты – нехороший человек...

Егор запнулся, поняв, что говорит, как ребенок:

- Ты людей убиваешь! Ты...

Штукину стало так тоскливо, что его даже затошнило снова. Переборов рвотный позыв, Валера сказал уже без прежнего драйва:

- Никого я не убиваю... я, может быть, и нехороший человек, а ты – просто недалекий. Хорошо, что у нас детей нет – и дай бог, чтобы не было. Таким уродам дети не нужны.
- Нужны!! – заорал Якушев, который от бешенства уже не совсем понимал, что говорит.

Штукин посмотрел на него с опаской:

- Ты это... Шпалер-то убери! У тебя помутнение. Ты что, впрямь решил, что спасаешь мир? У-у-у...

Глаза Якушева налились кровью, как у быка на корриде:

- Деньги давай!
- Вот заладил... – вздохнул, как о больном, Валера. – Давай-ка мы, добрый человек, позвоним сейчас Ильюхину. Он, как мой руководитель, нас быстро помирят. Ладно?

Штукин даже не задумался над тем, что только что выбрал один из двух вариантов, о которых думал до того, как на балкон залез Якушев. Да он, собственно, и не выбирал ничего – Валерка просто не хотел идти туда, куда его тащили силком, как пленного...

- Зачем? – после короткой паузы спросил Егор.
- Зачем звонить именно Ильюхину или зачем он нас помирят?
- Зачем Ильюхину?

- Блин... – повесил голову Штукин. – Ну, как мне тебе, твердолобому, растолковать, что я – действующий сотрудник, офицер милиции, твой, между прочим, коллега... Меня внедрили в империю Юнгера. Ильюхин – мой куратор. Понял теперь? Смотри: я сейчас аккуратно достаю телефон и набираю номер, он простой и легко запоминающийся – девять, девять, два, ноль – два – ноль-ноль...

Валера медленно достал телефон Крылова и набрал номер. Егор, словно очнувшись, вскинул пистолет:

- Телефон на стол! На стол, я сказал!

Штукин посмотрел в зрачок пистолета и бросил телефон на журнальный столик, стоящий рядом с диваном. Якушев не заметил, что Валера успел нажать на кнопку вызова, и поэтому соединение с набранным абонентом уже началось...

Штукин хмыкнул:

- Ты только не нервничай так... А то ведь убьешь живого человека и тебя не поймут.

- Поймут!

- О'кей... Слышь, милиционер, а ты в чем правду ищешь? В том, что все старались друг друга перехитрить, мягонько так выражаясь? Тебе про это «мягонько» рассказать или побеседуем уже в прокуратуре – более обстоятельно?

Якушев заморгал, почувствовав себя неуверенно:

- Зачем нам прокуратура?

- Так, с прокуратурой понятно... А Ильюхин нам нужен?

- Н-нет, – не очень твердо ответил Егор.

- Прелестно. А Гамерник?

Якушев недоуменно повел шеей – эту фамилию он когда-то где-то слышал, но с последними событиями связать ее не мог. Штукин так же повел головой, пытаясь передразнить Егора, но застонал от боли. Сморщившись, Валера пояснил:

- Гамерник – это тот, кто организовал расстрел в лифте. И бойню в Пушкине устроил тоже он. Тех же красавцев послал. Они меня чудом не пришили. А еще он, как я полагаю, проплатил московским ментам, чтобы устроить веселую жизнь Юнгеру. Не удивлюсь, если изначальный заказчик моего внедрения – тоже он. Я над всем этим долго голову ломал. Про последнее, врать не буду, точно не знаю, но чуйка подсказывает... А вот про лифт и про Пушкин – верняк. Не втыкаешься? Как же мне тебе это все объяснить по-быстрому...

Пистолет в руке Егора дрогнул:

- Ты заврался.

Штукин не согласился:

- Нисколько. Это вы все заврались. Юнгер заблудился в твоём внедрении в угро. Тоже мне – Карлеоне! Внедрил пацаненка – на страх врагам, себе на шею... Ты заврался, когда начал путать государственные интересы с юнгеровскими, да еще с личным желанием отомстить мне за Зою. Да, и не надо на меня так зыркать! Рамсы ты попутал, как говорят блатные. И Ильюхин заврался – сам по себе: одна половина головы знает, что делает подлое, а другая – знать ничего не хочет. Как в кино: тут помню, тут не помню... Но во всем этом дерьме были три человека, которые себе не льстили: Крылов, Гамерник и твой покорный пленник. Было трое, осталось – двое. Двое, наверное, худших. Утешает только то, что самый плохой – все же Гамерник. Но при этой незатейливой математике я все равно – весь в говне. А как же? Деньжищи эти ты отдаешь Юнгеру. Гамернику вообще ничего не грозит, и он выходит из кровяницы опять сухим... Нет, так я не согласен, ребята...

Финансово-плановое управление.

- Красиво излагаешь, - сказал Егор, которого монолог Штукина все же не убедил. - Мне это напомнило пристаивание цыганок у метро: лопочут чего-то, гадают, а потом - хватать кошель и - поминай, как звали!

...Весь их этот разговор слушал Ильюхин, который находился в Пушкине рядом с пятью трупами. Полковник, прижав свой мобильный телефон к уху, отошел от места происшествия и бродил неподалеку, нервно грызя незажженную сигарету. Слышимость была не отличная, но вполне приемлемая. Подчиненные удивленно косились на Виталия Петровича, который только слушал свой телефон и не произносил ни слова. А что было Ильюхину делать? Кричать, требовать чего-то? Так его голос все равно бы не был услышан, не донесся бы он до Валеры и Егора из явно брошенной трубки... Вот полковник и слушал молча. Слушал и не знал, что делать. А от того, что он слышал, вся эта чудовищная история с самого начала - приобретала некий иной смысл. И все одновременно всякий смысл теряло, потому что Ильюхин понимал: приближается финал. А как его было хотя бы приостановить, не говоря уже о том, чтобы отыскать? Скомандовать культовое: «Опергруппа, на выезд!» А ехать-то куда? А если бы и адрес был известен - как посылать на разбор чужих, если и со своими-то не совладать, не справиться...

Между тем в квартире на Московском проспекте все действительно двигалось к развязке. Штукин вдруг резко встал и, переборов головокружение, сказал спокойно и твердо:

- Знаешь, не хочу я больше перед тобой надрываться. Пошел я отсюда.

- Куда? - не понял Егор.

- Тащить верблюда! Туда, где смогу спокойно отдохнуть и подумать. А ты меня раздражаешь, - ответил Валера.

В его руке неожиданно появился пистолет - тот самый «ПМ», который он подобрал рядом с мертвым Крыловым.

- Извини, но с тобой по-другому нельзя.

Якушев несколько секунд смотрел на Штукина, а потом медленно стал поднимать руку с точно таким же стволом. Некоторое время они стояли, замерев.

- И? - наконец сказал Валера.

Егор, словно очнувшись, бросился вперед и начал выкручивать пистолет из рук Штукина. Ствол, принадлежавший когда-то Крылову, резко клюнул вниз, а через мгновение прозвучал выстрел. Якушеву показалось, будто его ударили молотком по кисти, зацепив тем же ударом еще и ногу: пуля насквозь пробила ладонь и чиркнула по ляжке. Боль пришла не сразу, но когда пришла, то прострелила сразу все тело, а тут еще Штукин добавил, пнув Егора ботинком в голень. Якушев согнулся, и Валера хрястнул его сверху по загривку локтем. В этот момент Егор выстрелил.

Штукина отшвырнуло к стене, и Якушев поймал его безмерно удивленный взгляд.

- Ты, в натуре, дурак, - сказал Валера, выронил пистолет и медленно сполз по стенке на пол.

Егор молчал и тяжело дышал, будто бежал метров двести, хотя сама возня длилась всего несколько секунд. Потом Якушев посмотрел на свою простреленную кисть, из которой кровь крупными сгустками падала на пол.

Штукин тоже посмотрел на его кисть и сказал:

- Это тебя еще спасет.

Егор не понял, что Валера имел в виду последующий разбор полетов: полученное ранение свидетельствовало о действиях опера в пределах необходимой обороны и в условиях реальной угрозы для жизни.

Штукин прижал обе руки к левой стороне груди, на лбу его выступили крупные капли пота. Со стороны казалось, что он пытается нащупать что-то, провалившееся за рубашку.

- Странное дело, - спокойным, но прерывающимся голосом сказал Валера, - за этот день в меня стреляют третий раз... Фильм ужасов какой-то...

- Дойдешь сам? - спросил Якушев, еще не осознав того, что случилось. Не осознал он и то, что его вопрос прозвучал двусмысленно, хотя Егор просто имел в виду возможность выхода Штукина на улицу. Валера понял его правильно и саркастически усмехнулся, бледнея на глазах:

- Я тебя сгоряча пару раз дураком назвал, но ты и вправду... того... Ты же убил меня...

- Брось ты! - не поверил Якушев.

- Хоть брось, хоть подними.

- Но ты ведь тоже!...

Егор, словно защищаясь, выставил перед собой простреленную ладонь. Голос Штукина упал до хриплого шепота:

- Не переживай, ты не пианист.

Якушев подошел к Валере, присел и начал пытаться приподнять его.

- Не трогай, - просипел Штукин. - Уйди. Дай мне помереть спокойно. Надоели вы мне все...

Перед Валеркой вдруг поплыли мимо какие-то лица, а потом ему показалось, что в комнату зашла Зоя.

- Хоть ты-то скажи ему, - обратился к ней Штукин, но из его горла вырвался лишь невнятный хрип, а потом свет в квартире стал медленно гаснуть. Валерка завалился на бок и уже не успел подложить под голову руку...

Егор некоторое время еще постоял над подрагивающим телом и вспомнил, что уже видел такую дрожь - когда несколько часов назад на его руках доходил Сво.

Якушев поднял пистолет Крылова, оглянулся, увидел кожаный баул на полу, наклонился и открыл его. Там были деньги – много пачек долларов. Несколько капель крови упало с простреленной руки Егора на светло-зеленые бумажки. Якушев поморщился, закрыл баул, выпрямился и вышел в прихожую. Там он еще немного задержался – заглянул в ванную и замотал пробитую пулей кисть полотенцем. Пистолеты он разложил в карманы куртки, а баул взял в здоровую руку. Потом Якушев снова заглянул в комнату, где лежал Штукин, но ничего говорить умирающему не стал...

...Когда он вышел на лестничную площадку, то увидел у лифта двух молодых парней в домашних тапочках – они шепотом переговаривались, очевидно обсуждая услышанные выстрелы.

- Милицию вызвали? – в упор и зло спросил Егор.

Парни замешкались, а потом один честно ответил:

- Нет.

- А чего ждем? – гаркнул Егор. – Живо!

В глазах молодых людей появился страх, и они попятились к своей квартире.

- Приметы мои запомнили? И не вздумайте врать, очниками [30] замордую!

Судя по всему, Якушева приняли все-таки не за сотрудника милиции, потому что один из парней, захлопывая за собой дверь квартиры, даже взвизгнул:

- Мы ничего не видели!

Егор вздохнул и побрел вниз по лестнице.

Только оказавшись на улице, он задумался над тем, что делать дальше. Думал Якушев недолго: вынув телефон, он набрал номер мобильного Вадима Колесова, того самого, кому и принадлежала контора в Пушкине, из которой Крылов забрал деньги. Номер телефона Колесова Егору дал накануне Юнгеров – на всякий случай. Вот случай и представился...

30

Очные ставки.

...Сам Вадим в это время находился в Пушкине, в своей конторе, из окон которой наблюдал суету над пятью трупами. В сам момент нападения Колесова там не было, но потом ему позвонил Юнгеров, вкратце объяснил, что произошло, попросил на всякий случай подъехать в контору и добавил замогильным голосом:

- Просто наблюдай. Ты пока ничего не знаешь.

Вот Вадим и наблюдал, выкуривая сигарету за сигаретой. На само место происшествия Колесов отрядил своего водителя и доверенного работника, соответствующим образом

напутствовал их:

- Чтоб уши, как у Чебурашек были!

Это означало, что они должны прислушиваться ко всем обрывкам фраз, оброненных сотрудниками милиции и прокуратуры. (Это оказалось, кстати, не очень сложным делом, так как сотрудников Колесова сразу же захомотали быть понятыми). Вадим понимал, что на его контору все равно выйдут, но не раньше, чем через несколько дней, когда сотрудники уголовного розыска возьмут распечатку мобильного телефона Крылова. К тому времени что-то уже прояснится, можно будет подготовиться к неприятным разговорам. А если начнут наезжать: «Что ж вы сразу ничего не сказали?!» - можно будет и «дурака включить», дескать, боялся мафии, был в шоке, да и, вообще, не привык доверять посторонней милиции...

Юнгеров не догадался подключить Вадима к экстренным поискам Егора, поэтому, когда тот позвонил, Колесов достаточно сухо ответил, что ему сейчас ни до чего. Но Якушев странным голосом сообщил, что все знает и понимает, однако беспокоит отнюдь не по пустякам.

- Я сейчас на Московском, минут через сорок могу быть уже в Пушкине... Там на месте сотрудники еще работают?

- Работают.

- Хорошо. Тогда я буду ждать вас у дворца, где туристам безделушки продают. Это очень важно. Вы никому ничего пока не говорите, когда встретимся, все сразу поймете. Хорошо?

- Хорошо, - с легким недоумением согласился Вадим. - Через полчаса я выхожу из конторы...

Через полчаса Колесов вышел из офиса, прошел через оцепление сотрудников и направился к Екатерининскому дворцу. Оцепление и место трагедии он прошел без труда и проблем. В таких случаях на месте происшествия царит такая неразбериха и присутствует столько начальников на одном квадратном метре, что если вдруг в самом эпицентре этого водоворота появится злодей и гаркнет: «Вяжите меня, православные!» - ему, скорее всего, скажут: «Уйди, мальчик, не до тебя!»

Когда Вадим подошел к лотку, где днем наивным туристам втюхивали паленый «Палех», Егор уже стоял там. Сами лотки закрылись еще с час назад. Вадим увидел Якушева и пожал ему руку, обратив внимание, что левая кисть парня замотана полотенцем, на котором проступили кровавые пятна. У ног Егора стояла кожаная сумка. У Колесова перехватило дыхание.

- Узнаете? - спросил Якушев каким-то надтреснутым голосом.

- Мама! - Вадим даже отпрыгнул на полметра. - Там все на месте?

- Не знаю, - равнодушно ответил Егор. - Наверное, все. Я не пересчитывал.

Колесов присел на корточки, воровато озираясь, и начал расстегивать молнию на бауле. Расстегнув сантиметров на пятнадцать, он сунул внутрь руку и осторожно поводил ею, ощупывая пачки.

- Ну, как минимум, без особых потерь, - наконец вздохнул облегченно Вадим и остался сидеть над сумкой, потому что сил подняться сразу у него не нашлось. - А кто нашел? Кто задержал?

Колесов подумал, что убийцы и похитители денег уже в наручниках и дают показания.

- Я нашел, - все так же безразлично ответил Якушев.

- Ну, ты даешь, брат, - восхищенно выдохнул Вадим и, кряхтя, поднялся. - Саша уже знает?

- Нет еще, - качнул головой Егор. - Пока знаете только вы. Я вас вот о чем попрошу. Вы сейчас занесите эту сумку обратно к себе в офис, а потом позвоните Александру Сергеевичу. Если он начнет спрашивать обо мне, - то я на Литейном. Я тут немного... дров наломал... В общем, если он захочет подробностей, то Ильюхин, заместитель начальника Управления уголовного розыска, будет владеть вопросом в нюансах и подробностях.

- Понял, - сказал Колесов, хотя на самом деле не понял ничего. Ему не очень понравился странный тон Якушева и его вялость, но мысли Вадима были сконцентрированы на сумке с миллионами и на том, как ее доставить обратно до офиса. Было уже достаточно темно, и Колесов просто не заметил, что из левой штанины Егора капает на асфальт кровь...

Вадим подхватил кожаный баул, развернулся и быстрым шагом направился обратно к своей конторе. Якушев проводил его взглядом, подождал немного, а затем, хромая, двинулся следом.

Доковыляв до места расстрела Крылова и Рахимова, Егор пронаблюдал, как Вадим с сумкой подошел к своим понятиям, как он попытался позадавать вопросы сотрудникам, уклонявшимся от ответов постороннему. Когда Колесов наконец зашел в офис, Якушев облегченно вздохнул и, достав из кармана мобильный телефон, набрал номер Юнгера. Александр Сергеевич ответил почти сразу:

- Слушаю! Егор, это ты?!

- Я. Дядя Саша, по поводу денег - все нормально. Вам сейчас позвонят... Вадим позвонит, Колесов. Все у него. Со Штукиным я... разобрался. Это он организовал налет и участвовал в нем. Он был не бывшим сотрудником. Его внедрили к вам. Внедрил Ильюхин, который был его куратором. Все, дядя Саша, я пошел.

- Егор, подожди!! - отчаянно заорал, точнее, заревел Юнгеров, но Якушев уже выключил свой мобильный телефон.

Егор сощурил воспаленные глаза и среди сотрудников, бродящих по месту происшествия и вокруг него, нашел взглядом Ильюхина. Полковник одиноко стоял чуть в стороне и грустно наблюдал за всей этой привычной и до боли знакомой ему суетой. Якушев незаметно подошел к нему со спины и тихо сказал:

- Вот и я.

Виталий Петрович вздрогнул, быстро обернулся, посмотрел Якушеву в глаза и ответил:

- А знаешь, я не удивлен.

Егор желчно усмехнулся:

- Вас, товарищ полковник, наверное, вообще трудно чем-то удивить. Не то что меня, желторотого. Я вот сегодня целый день удивляюсь. Ваш хороший знакомый Штукин, например, многим меня удивил. Такого мне нарассказывал...

- Я знаю, - сказал полковник, нахмутив брови от вызывающего тона Якушева. Ильюхин, когда сказал, что знает, имел в виду услышанную им по телефону разборку.

Егор, естественно, понял его по-своему и улыбнулся еще злее:

- Вы знаете, товарищ полковник?! Да?! Все знаете?! То, что этот налет Штукин организовал, - знаете? И то, что он деньги взял, - тоже? А может, вы по этим деньгам с ним в доле были?!

Виталий Петрович дернулся, будто его ударили по лицу:

- Да как ты смеешь...

- Смею! - перебил его Якушев. - Смею... Я тогда пришел к вам посоветоваться, как к старшему товарищу, как к офицеру с необычной для ментов репутацией, а вы... Я вам рассказал про Зою и про Штукина... А вы сказали, что он - сотрудник, наш коллега, что вы во всем разберетесь сами... Разобрались?! Полюбуйтесь, что ваш внедренный подчиненный устроил! Это - как?! Вон там лежит Крылов - а весь угрозыск знает про ваши отношения! Что - не так?!

Полковник ничего не отвечал, играя желваками. Егор, тяжело дыша, попытался поймать взгляд Ильюхина, но это было трудно сделать, так как тот полуприкрыл глаза.

- Что же вы молчите, товарищ полковник?! Ваш подчиненный Штукин был гораздо разговорчивее...

- Где он? - наконец-то разлепил губы Виталий Петрович.

Якушев махнул рукой:

- Лежит в адресе на Московском. Я его застрелил.

- Я знаю, - сказал Ильюхин. - Какой адрес?

- Это дом «Русский пряник». Пятьдесят седьмая квартира на втором этаже...

Егор вытащил из карманов куртки два «пээма» и отдал их полковнику:

- Один мой, один у Штукина забрал... Удостоверение тоже вам отдать?

Якушев снова полез в карман, но полковник махнул рукой:

- Успеется... Вот что... Давай-ка продолжим разговор в другом месте. Только сначала к врачам заедем. Пошли в машину.

Виталий Петрович повернулся и зашагал к своей «Волге». Он шел, держа спину неестественно прямо, и демонстративно не оглядывался.

Якушев, у которого уже все плыло перед глазами от большой кровопотери, двинулся за Ильюхиным. Егор сделал шаг, другой, а на третьем упал лицом вниз и уже не смог подняться...

Вместо эпилога

...Поздней ночью, а точнее - очень ранним утром уже наступившего следующего дня Юнгеров позвонил журналисту Андрею Обнорскому, который, похоже, тоже не спал, так как трубку взял сразу:

- Алло?
 - Андрюха, здорово. Не разбудил?
 - Успнешь тут... В связи с последними событиями...
 - А ты, конечно, уже в курсе.
 - Что делать, работа такая, - вздохнул журналист. - Жалко Петра.
 - Да, - сказал Юнгеров. - Крылова не вернешь. Андрей, мне надо срочно переговорить с Ильехиным. Не по телефону.
 - Понял, - ответил Обнорский и ничего переспрашивать не стал, потому что, наверное, о чем-то догадывался, да и вообще понимал, что сейчас не самое лучшее время для вопросов. - Я перезвоню.
- Он перезвонил через несколько минут и сказал:
- Он согласился. Я предложил ему подъехать к «Астории» - там ночной клуб, хоть кофе попить сможете. Он будет там через полчаса.
 - Спасибо, Андрюха.
 - Не за что, Саша. Нам бы потом тоже переговорить с тобой.
 - Обязательно переговорим. Только дай головняки разгрести малехо.
 - Я понимаю. Пока, Саня. Звони, ежели что...
 - Угу... спасибо.

...Когда Ильехин зашел в холл «Астории», Юнгеров уже ждал его. Было видно, что Александр Сергеевич сильно нервничает. Полковник тоже, бывало, выглядел лучше.

- Поговорим? - спросил Юнгеров.

Виталий Петрович некоторое время молча разглядывал его, потом кивнул:

- Поговорим.
- Руки жать будем? - поинтересовался Александр Сергеевич.
- Будем, - ответил Ильехин и протянул руку. Юнгерову немного полегчало, и он предложил пройти в кафе. Они уселись за столик, стоявший в самом углу.
- Два эспрессо, две воды без газа, лед, - командовал Александр Сергеевич подошедшей официантке и посмотрел на полковника. - По рюмке, я думаю, потом?
- Если бог даст, - уклончиво ответил Ильехин.

Официантка убежала. Юнгеров набрал в легкие воздуха и начал без обиняков и долгих предисловий:

- Виталий Петрович, я волнуюсь, ты прости, но думаю, что понимаешь... Последние события, они... Знаешь, волки – стайные звери. Они живут в стае, в стае и погибают. Понимаю хорошо, что ты – другой случай, и не предлагаю тебе выбираться в доле. Я хочу предложить выходить из всей этой... ситуации... вместе. При этом я многого не знаю, но ситуация, в целом, мне ясна. Как я ее вижу: Штукин проходит у вас, как внедренный сотрудник. Егор – просто сотрудник, но он еще и очень близкий мне человек. Расстрел...

Тут Александр Сергеевич слегка запнулся и уточнил:

- ...Первый расстрел, который был в лифте, организовал Гамерник. Думаю, что он мог иметь отношение и к вашей разработке в отношении меня. Я немного... нет, не так... Я не вижу за собой какой-то вины. Может быть, только в том, что чего-то недооценил, в чем-то не разобрался, что-то не смог предвидеть. Многие события происходили за моей спиной. Да, цинично сейчас об этом говорить, но деньги, которые Крылов должен был везти в Москву – мне возвращены, так что система функционирует дальше. Уточню: эти деньги предназначались большим чинам в Москве, чтобы товарища Гамерника можно было урыть на законных основаниях. У нас в стране все стало совсем интересно – чтобы посадить негодяя и убийцу, надо платить большие деньги большим людям... Ладно, я не об этом... Если бы я думал о тебе плохо – я бы не попросил о встрече. Слышал – только хорошее. В том числе и от Петра, который тебя не очень любил. Так вот: я хочу обсудить с тобой судьбу Егора. А именно – как его вытаскивать с кичи. При этом замечу, что на законность в данном вопросе мне... Не интересует меня в данном случае законность... Я хочу вытащить Егора и похоронить друга, как подобает, – с государственными почестями. И мне плевать, кто и что о нем думает!

У Юнгера перехватило дыхание. Он вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и постарался сдержать движение кадыка.

- Девушка! – гаркнул Александр Сергеевич. – Я за кофе по двести рублей плачу и еще должен ждать, пока вы нагуляетесь?

Официантка вздрогнула, вспомнив о заказе, и заметалась за стойкой вместе с барменом. Другая официантка, наткнувшись на дикий взгляд Юнгера, все перепутала и поставила на столик перед ним рюмку коньяка. Александр Сергеевич выпил ее залпом и сказал свистящим шепотом:

- А теперь – кофе! Очень прошу.

Официантка засемила к стойке, испуганно озираясь.

- Так вот, – снова обратился к Ильяхину Юнгеров. – Похороню Петра, вытащу Егора, а там – видно будет. А видно будет, что Гамернику – не жить. Я перед тобой юлить не собираюсь.

- И я не собираюсь, – впервые откликнулся ни разу до того не перебивший Александра Сергеевича полковник. – А раз не собираюсь, то... Несмотря на некоторые неточности в формулировках, картину, в целом, ты видишь правильно. Некоторых деталей я не знаю и сам. Пока. Да, кстати... Там, в Пушкине, трупы двоих опознали... Они и расстреливали тот лифт. Мы их установили достаточно давно, но... Доказательной базы не было. Теперь она уже и не нужна. Жаль, «наружку» за ними сняли... У нас на «наружку» очередь... Я оценил, что ты деликатно обошел то обстоятельство, что у меня ситуация аховая. В войну при таких раскладах стрелялись... Тебе я не друг, но уже и не враг. А потому все, что натворил Егор, я вижу не только сквозь призму закона, будь он неладен...

Официантка поставила наконец на столик чашечки с кофе, Ильяхин выпил свою залпом и

закурил.

- Что-нибудь еще желаете? - спросила официантка.

- А не видно, что мы желаем? - рыкнул Юнгеров, и девушка снова убежала.

Виталий Петрович глубоко затынулся и очень тихо сказал:

- Конечно, Александр Сергеевич, Егора надо вытаскивать. Спасать, кстати, придется не только его одного, но об этом после... Как? Это уже больше мой вопрос, тут позволь мне быть руководителем.

- Говори, когда и что нужно, - серьезно произнес, почти потребовал Юнгеров.

- Денег тут точно не надо или... - Ильяхин задумался: - Так... Деньги тут - не самое главное. Нужно, чтобы все выполняли мои указания.

- Решено, - мгновенно согласился Александр Сергеевич. Он поверил полковнику.

Ильяхин потер лоб и устало вздохнул:

- Ты знаешь, Сергеич, это, конечно, не мысль сегодняшнего дня, но я уйду с этой работы. Эх, как промахнулся Акелла... [31]

31

Фраза из мультфильма «Маугли».

Юнгеров дернулся было сказать, что, дескать, давай сначала потушим пожар, а там сработаемся - и так далее, но у него хватило ума и выдержки промолчать.

Но Ильяхин, видимо, прочитал что-то в его глазах, потому что улыбнулся совсем грустно и снова полез за сигаретами:

- Что ж мы за люди такие? Действительно, что ли, заблудились когда-то? Дикая мысль в голову лезут. Неужели должна была случиться вся эта жуть, чтобы мы смогли встретиться и нормально, по-человечески поговорить?

Теперь вздохнул Александр Сергеевич. Он пошарил по карманам и, не найдя курева, спросил:

- Можно я у тебя сигаретой угощусь?

- Бери, конечно, - протянул пачку Ильяхин.

Они долго курили молча, но молчание это не было тягостным. Они просидели в кафе еще несколько часов, выпили много чашек кофе и выкурили еще больше сигарет.

Юнгеров и Ильяхин расстались, лишь когда уже совсем рассвело, договорившись о следующей встрече этим же вечером. Они оба смертельно устали, но не друг от друга...

...А Егор Якушев, спасти которого от тюрьмы договорились Юнгеры с Ильяхиным, спал под охраной в больничной палате, усыпленный обезболивающими и успокаивающими средствами.

Ему снился странный сон – будто он входит в необъятную гостиную какой-то странной усадьбы. Посреди гостиной стоял огромный стол, на грубой бесконечной поверхности которого лежала разная еда и стояли бутылки. Якушев пригляделся сквозь странный малиновый сумрак и узнал сидевших за столом людей. Это были Юнгеры, Ильяхин, Крылов и Ермилов. А еще там сидел Штукин, только не рядом со всеми, а чуть поодаль. И все они доброжелательно смотрели на Егора и улыбались. Штукин тоже улыбался, и не ернически, а нормально, как в тот день, когда он передавал Якушеву дела. Егор от его улыбки чуть насупился и спросил:

- А ты почему здесь? Я думал, ты в аду.

- А ты знаешь, что такое ад? – вдруг спросил его Ермилов. – Не знаешь? Ад – это когда топашь по раскаленному лунному ландшафту в далекой арабской стране. Идешь давно и идти еще километров двенадцать. Топашь с частыми приседаниями, потому что почти у всех амебная дизентерия, от которой жопа раскаляется и дымятся. Все время чешешься. На разведку, которая чуть впереди, не надеешься, безразличие полное... Наконец выходишь на точку. Точка – это охраняемый лагерь геологов. Перед лагерем – полотнище цвета выцветших розовых трусов с бодрым лозунгом на русском языке. Везде бродят вонючие козы, которые жуют пустые сигаретные пачки... А местные дети отнимают у них эти пачки, потому что это – единственные яркие штучки на много верст окрест. Яркие даже в козьих слюнях... Вот это ад. Хотя некоторые называли это выполнением интернационального долга. Но дело в том, что выполнение этого долга крайне затруднено воспаленными жопами. Ад не может быть смешным, а кто-то сказал, что нет ничего смешнее, чем напечатанное русское слово «жопа». Но мне – не смешно. Значит, для меня это и есть – ад. А какие еще будут мнения?

Откликнулся Юнгеры:

- Попал я раз в Ивдельские лагеря, когда уже на поселении был. Лесотундра. На вышки вохры поднимаются с опаской, заборы – вот-вот упадут. Вьюга. На построении – весь лагерь. Все стоят, припорошенные снегом. А на трибуне – Хозяин, пьянее грязи, в галифе и дубленке на голое тело. А за ним, на сопке, – выложенный камнями профиль Сталина, метров тридцать на двадцать... Это – ад. А ты, Петр, что нам расскажешь?

Крылов подпер щеку кулаком:

- А я как-то, когда еще на Урале служил, зашел в барак и вижу в воровском углу, отделенном от мужицкой половинки ширмой – иконы какие-то странные... Вроде все как положено, ладанка закопченная, занавесочки из ситца... Пригляделся – а вместо лика Спасителя – маленькая черно-белая фотография. «Что это?» – спрашиваю у смотрящего. А он с трепетом отвечает: «Это Алик Алалаевский, вор авторитетный». Я тогда пошутил, что, мол, у нас свобода вероисповедания, но сейчас понимаю: я был в аду. А тебе, Виталий, как геенна огненная представляется? Бывал ведь там, поди, и не раз?

Крылов взглянул на Ильяхина. Тот потер лоб рукой и ответил коротко:

- Бывал. Когда однажды пришлось отпустить насильника и убийцу. Доказательств не было, но я точно знал, что он изнасиловал и убил минимум трех девочек, каждой из которых было меньше десяти лет...

Егор столкнулся взглядом со Штукиным. Валера пожал плечами и спросил его:

- Думаешь, пожалею?

Все заулыбались, и Штукин улыбнулся тоже:

- Ныряешь в черной воде... Ныряешь за красивой, хорошей бабой, которая утопла не за понюшку табака... И ни черта не видно, только тени какие-то... И вдруг – рука на тело натывается! А воздуха больше нет... Выныриваешь – и снова вниз, но уже найти ничего не можешь... и вылезает ты из воды уже мерзавцем. Вот тебе и ад!

К столу вдруг подошла Зоя и начала сметать крошки и прибирать лишнее. Она выглядела очень хорошо: красивая и дородная, словно Аксинья в «Тихом Доне».

- А Валерка-то не соврал, – с легкой улыбкой сказала Зоя.

Юнгеров неожиданно встал, потянулся, подошел к Егору, приобнял его сзади и прошептал на ухо:

- А где твой ад, сынок?

Шепот этот гулким эхом разметался по всем углам гостиной. Зоя выпрямилась и посмотрела Якушеву прямо в глаза. Только тут Егор заметил, что руки у нее белые, будто испачканные мукой.

- Пельмени лепила? – неожиданно для самого себя спросил ее Егор.

Все засмеялись, Зоя тоже улыбнулась:

- Ты на вопрос-то отвечай...

Якушев обвел стол взглядом. Все сидевшие за ним смотрели на него, ждали и улыбались, но не язвительно, а очень по-доброму, можно сказать – по-семейному...

Егора вдруг пробила испарина, так как даже во сне он понял, что это – всего лишь сон. А ему больше всего на свете не хотелось просыпаться...

КОНЕЦ

17 февраля 2004 года

Дополнительные материалы

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Если Вы дошли до этих строк, то, стало быть, только что закончили чтение романа «Свой – чужой». Вам судить, каким он получился. Нам, авторам, кажется, что роман закончился не на самой мажорной ноте, а, между тем, хотелось бы, чтобы Вы, Уважаемый Читатель, закрыли книгу с улыбкой. Поэтому мы решили добавить к основному тексту романа несколько эпизодов из жизни главных героев. Предлагаемые Вам истории никак не влияют на основной сюжет романа. Это, так сказать, просто – дополнительные материалы. Знаете, как сейчас принято у киношников – сначала на видеокассетах и DVD идет фильм. А для желающих – еще и сцены, снятые, но не вошедшие в окончательную версию...

А вообще-то, нам просто самим жалко расставаться с нашими героями. Однако, как ни жаль, а однажды все-таки приходится прощаться...

Андрей Константинов, Евгений Вышенков

5 января 2005 года

Юнгеров (прошрое)

Юнгерову после осуждения в 1993 году не дали досидеть срок в Питере или Ленобласти, и этапировали на Урал. В тюрьме Екатеринбурга он задержался почти на месяц. Там случилась эта история, очень многому его научившая.

...Ночью в этапном помещении Свердловского централа случилось переполнение. Случилось это ровно как происходило и вчера, и позавчера, и со времен постройки тюрьмы при Екатерине Второй. Соответственно выполнять инструкции, гласящие о содержании этапированных в соответствии с режимами, никто и не думал. Нет, женщин и малолеток, конечно, отдельно. А с остальными - «как забьем». Не до хельсинских соглашений.

Посему к первоходам общего режима попадали «строгачи» и даже «полосатые», то есть особо опасные. Народец двигали в разные места: кого в лагерь; кого из лагеря на больничку; а этого обратно в изолятор города, где нечаянно всплыли его прошлые художества. Всех движений и не перечислишь. Ночная смена подустала, но еще не дошла до остервенения. Шмоны проходили спокойно, скучно: «Давай, давай, мужики! Будем тормозить - пролетите с баней. Тюрьма не резиновая, беда общая, а жалованье наше грошовое.»

Особо опасный рецидивист Бабицкий Моисей Наумович, по прозвищу Чернокнижник был определен в камеру номер два-девять-три, где должен был с неделю ожидать формирования этапа в межобластную тюремную больницу. Диагноз лагерного лепилы [32] - язва желудка - обошелся Чернокнижнику в 230 рублей. Надоело ему, понимаете ли, чалится в Пермских лагерях, хотя, конечно, он и не надрывался. Его знали, а кто не знал, те слышали. Моисей Наумович был старый вор-карманник и сидел только по статье 144. Шестой раз за одно и то же - признак ортодоксальности и мастерства. Этим он и гордился. Действительно, подобное встречалось редко.

Был, правда, у старого косячок [33], про который слышали лишь посвященные. Четвертая ходка была искусственная. В ресторане «Универсаль» города Ленинграда, Бабицкий ткнул вилкой официанта. Ткнул глубоко. Мусора углядели повод посадить, так как отчаялись взять на «кармане» с поличным. Чернокнижник понял, что доблатовался и хулиганка может испортить безупречную анкету. Он договорился с операми, что согласен сесть, якобы, за «карман». Искрометная комбинация закончилась тем, что двоюродный брат начальника отдела Главка Ильюхина стал жертвой, у которого «вытащили» кошель в Гостином Дворе. Опера задержали понарошку Чернокнижника с поличным. Понятые из школы милиции удостоверили факт изъятия. Бабицкий выторговал себе возможность отрицать вину. Ну, что за вор, если он сознается хоть в чем-нибудь! Хором уговорили районного следователя. Тот похал: «Да ради бога!». Ситуацию выправили. Четвертый приговор был точным - за хищение личного имущества граждан, совершенное ранее судимым за аналогичные... Да, с официантом коллеги Чернокнижника утрясли. В конце концов вилкой ткнул - не вилами! Чего визжать?

Розыску тоже корм. «Хулиганки» в статистику попадают, но на них не обращают внимания: во-

первых, очевидные преступления, и потом – чего здесь особенного: ну погонял орелик топором пол-улицы... Опера и наверх доложили – самого Черно книжника взяли. Все начальникам какая никакая радость.

Все при интересе.

Вот с законностью – нелады чуток. Скрыли хулиганство – раз преступление; совершили подлог в десяти местах и дали ложные показания; заявление – еще десяток формальных преступлений; привлекли, кстати, заведомо невиновного. В общем, лет пятнадцать в общей сложности накрутили. Теоретически. Видите ли – жизнь штука витиеватая, к закону, как правило, отношение имеющая слабое.

Но об этой истории в России знали лишь избранные, а избранные всегда соблюдают правила игры.

Итак, два-девять-три – обычное сводчатое, смрадное этапное помещение, где ютилось уже шестнадцать первоходов. Первоход первоходу не товарищ и брат, а рознь. Кто за жену-алкоголичку, зарубленную топориком, отсиживает, а кому только соучастие в одном разбое доказали. А ежели задуматься, что такому могли не доказать?!

Черно книжник зашел тихонько, с ленинским хитроватым прищуром. Увидел, как народный артист на бенефисе, всех зрителей поименно, и присел с краешку. Напоминал он сказочного деда – странника в заколдованной чащобе. Выдавала серо-белая полосатая роба «особика». Первоходы, они – впечатлительные, мозги часто их набиты соломенными мифами. Перешептались, уважительно пригласили к столу. За столом сидело арестанта четыре из бандитов. Антураж выдавал. Не хватало только золотых цепей. Ну и жуликоватая молодежь присоседилась к ним на равных правах.

Последние научились лазить по чужим квартирам и готовились дойти до элиты преступного мира, не предполагая, во что это обходится. Остальные являлись пролетариатом и с интересом свои хари свешивали со шконок и высывали из-под них же.

– Зовут меня Моисей Наумович, в простонародье Черно книжник. Кому выговорить сложно – можно по отечески, дядя Миша, – представился наш герой, с той неуловимой интонацией, которая специально подчеркивала нарочитую скромность авторитета.

– Помыться не желаешь с дороги? – уважительно осведомился не малый уже годами и телом парень, державший себя за старшего.

– Благодарю покорно, но вертухаи мне баньку уже организовали. Чай не в первый раз через эти места кочую.

– Заноза, завари гостю! – приказал другой горе-спортсмен.

Паренек был еще не в конец испорченный, но сильно заигрался в братву на воле. Воля решила отдохнуть от него на четыре с половиной года, обозвав вымогателем. Это соответствовало действительности. Действительность занималась поборами на центральном рынке в городе Челябинске. Поборы оказались непомерными и мешали рентабельности. Рентабельность решила платить «красным», но вдвое меньше и только им. Опричники за свой кусок хлеба с маслом упаковали конкурентов на законных основаниях.

Зрители выяснили в незатейливом разговоре, откуда и куда бредет старый каторжанин. Коснулись мнения воров о политике рэкета. Обсудили смурные порядки в некоторых

богоугодных колониях. В целом поговорили о «погоде».

32

Лепила (блатн.) – врач.

33

Косячок (блатн.) – неправильный поступок.

Поняв, что перед ними «еврей» [34], знающий «тору на зубок» [35], смиренно попросили разрешить витавший вторые сутки по камере спор. Выслушав суть вопроса, Чернокнижник уклончиво отстранился, мотивируя это тем, что юрисдикция его права не может распространяться на мужиков, которые сидят не за идею, не за образ жизни, а за кусок колбасы к столу.

Довод не приняли, так как спорящие причисляли себя к лику стремящихся к блатной жизни, что приравнивалось к кандидатам в члены партии, а, следовательно, они должны были подчиняться уставу.

Что-то смущало Моисея Наумовича. Ну, нужен ему был этот детский сад, с которым он расстанется через пару дней навсегда?

- Тебя же Александром зовут? – обратился к единственному взрослому «дядя Миша».

- Отца Сергеем назвали, – согласился солидный парень в хорошем спортивном костюме.

- Кличут? – уточнил Чернокнижник.

- Юнкерсом..., но это не важно. Это наши дела, – корректно отмахнулся Юнгеров, но прозвище назвал. А как же: на воле закон ментовский, в тюрьме воровской.

Молодежь напирала. Когда еще «раввин» в деревню заглянет? Ему подсовывали хорошие сигареты, нашлись и не раздавленные этапом карамельки. И уже подарили от всех тюбик зубной пасты, ненадеванный. Короче, шантрапа уговорила.

- Ну, ладно, что за непонятки? Раскладывайте!

- Дядя Миша, рассуди: вот Трутень, он из Фортуновской бригады. Пытается из себя что-то нарисовать, а сам в деле явку с повинной имеет, – сжато пересказывал суть конфликта старший.

- Ты целиком рассказывай! – огрызнулся, судя по всему, Трутень.

- Минуточку! Его отмазка – это, дескать, его личное дело, плюс военная хитрость, так как он получит меньший срок, а чем меньше срок, тем выгоднее его группировке. Длинные же срока на руку только мусорам и терпилам, – подвел итог докладчик.

- Все козыри? - ухмыльнулся примитивизму Моисей Наумович.
- Да, - кивнул старший.
- Да, - боднулся Трутень.
- М-да, грустная история. Ну, ловите каторжанский мой привет: первый вопрос - ты по делу один? - обратился «судья» к изворачивающемуся.
- Нет. Нас... - начал Трутень.
- Это уже не важно. В явке подельников указал? Только не лги царю! Могу объебон [36] взять и перепроверить!!! - махом расколол молодость Черно книжник.
- Да. Но их же вместе со мной на передаче денег взяли, - уверенно и глупо вырывался обвиняемый.
- И это не важно. Значит, ты сам сознался и указал на братву. То есть добавил к словам терпилы важное доказательство.
- Все равно и так было ясно... - помутнело в глазах Трутня.
- Итак: терпила хуже мента. Пацан, сдающий подельников, хуже терпилы. Значит, ты хуже мента вдвое. Ниже - только пидараст и крыса. Вы хотели мнение - я его высказал. Правом наказывать не наделен, берите его у законника. Но мое мнение учитывать обязаны, - Черно книжника немного понесло, он вспомнил первый этап на Воркуту по малолетке и эхо блатных разборов в страшных хрущевских крытках.
- Ты, дед, не много на себя берешь? И кто ты вообще такой? - зря Трутень сорвался.
- Я, сынка, с тобой волдохаться не буду. Для начала один глаз выколю - правильно, назвался груздем - полезай в чашу.

Вертлявый паренек за шиворот откинул Трутня. Второй несколько раз ударил его в грудь кулаком. Сидельцы вскочили. Хата тяжело задышала, зашаталась.

- Шкура ментовская, на кого кожу наморщил! - остервенело, пару раз новыми кроссовками ткнул в Трутня старший.

Избиваемый вырвался. Опрокинул перелетевшим через стол телом шлемки, банку из-под зеленого горошка с окурками. Постарался ухватить табуретку. Не успел. На загривок прыгнули и вжали в бетонный пол. Лежащую голову подняли за ноздри: «Что, перхоть, с тобой делаем?»

Черно книжник сожалел о своем красноречии и наблюдал за неуправляемым процессом: «Сейчас сдуру задушат! Труп, следствие, все планы к черту!»

Юнгеров тоже разок пнул Трутня - за компанию, но тут же опомнился. Брезгливо засунув руки в карманы, он протиснулся к решке (окну с решетками) и наблюдал за безобразной сценой спиной.

На лязг посуды, возню, крики дверь в камеру распахнулась. Все настолько были заняты правилкой, что не среагировали на лязг замка.

Сонный, злющий капитан-режимник, одуревший от приемки внеочередного иркутского этапа,

бардака с личными делами и недавней порчи его новенького «Москвича», скомандовал в голос. Голос ударил в барабанные перепонки, как взрывная волна от мины в траншее:

- По нарам, суки!!! Один неправильный взгляд - затравлю овчарками!

За его спиной торчал китель сержанта.

Капитан внутренней службы Ерохин слыл человеком покладистым. К арестованным относился с усталым пониманием. Надлом произошел третьего дня. По двадцать пятому настоянию жены он взялся помогать соседу в сборе польского раздвижного шкафа для спальни. Инструкция была написана по-польски, толщиной в повесть. Польский же похож на русский лишь отчасти. Понятно было изредка. Количество стрелок и маркировок винтиков стремилось у хаосу. Болтики не вмещались в дырочки, а те которые всовывались - проваливались. Шкаф они собрали. Но он походил не на купе, а на вагон для перевозки кокса. Разосравшись с обеими женами, соседи пошли выпить, но нажрались. Вернувшись под утро, попали в плен скандала и истерики, а капитан выкинул из окна кухни зеркало от прихожей. Стекло ухнуло на его же «Москвич» и развалило крышу автомобиля. На «Москвич», кстати, добавляла теща. Теща приняла все на свой счет и дала Ерохину по морде. Капитан был офицером и вlepил жене. Жена побоялась отвечать и убежала к подруге в соседнюю квартиру, где они выпили и отдубасили пьянящего собутыльника капитана. Ерохин лютовал вторые сутки. С работы не уходил, поскольку было некуда.

Виновато отряхиваясь, кучка расплзлась в стороны. Ситуация и выражение лица орущего не предвещали шуток. Трутень, размазывая кровь по рваной щеке, перевалился с живота и сел на жопу, боясь взглянуть на капитана.

Секунд тридцать было очень тихо. Старый конвойный пес вслушивался в исполнение приказа. Затем подобрел:

- А ты, урод, что в крови? Наверно во сне поскользнулся на банановой кожуре?

34

Еврей (блатн.) - представитель блатного мира.

35

Разбирающийся в блатных понятиях.

36

Приговор.

- Вам видней, - отмахнулся Трутень, размазывая пыль по лицу.

- Так на банановой или нет?!
- На ней, родимой.
- Во сне или не во сне?!
- Во сне.
- Жалобы?!!
- Никаких.
- Ерофеев, на прогулку не водить! Они в прогулочном дворике, сонные, бананы с наших пальм срывают. Покалечиться могут!
- Есть, на прогулку не водить!
- А, тут полосатый! Вот кто чифирь заварил! Не можешь без движений?! Встать! - наткнулся на ветерана пронциательный капитан.
- Стар я уже, чтобы подпрыгивать-то.
- Фамилия?!
- Сам знаешь. У тебя в закромах таких как я не густо.
- С вещами на выход!
- Командир, что ты, ей-богу?! - развернулся Юнгеров.
- Неужто на свободу выкинешь? - добавил дядя Миша.
- А чичас узнаете!

Капитан Ерохин «вынес икону из красного угла», прихватив заодно и Юнгерова.

Капитан Ерохин довел их до подвальных карцеров и дал указание принять без постановления на водворение в ШИЗО: «Потом закон соблюдем».

- Начальник, за тобой ранее такого не водилось, - вздохнул Моисей Наумович.
- Достали! То - на, зятек, когда сможешь - отдашь. То - гони долг немедля. Вас, блатных, не поймешь!
- Чего-то я старею, - непонимающе почесал в затылке Чернокнижник.

В камере изолятора находился еще один «буйный» лишенец. Скучал. Посему подпрыгнул от появления попутчиков. Беседы ночные - полетят деньки! Моисей Наумович на себя серчал и к разговорам пустым был не расположен.

После короткого сухого знакомства, паренек попросил совета у ветерана о...

- Э-э-э-э, без меня. Я уже насоветовался. Спасибо, по хребтине дубиной не получил.

Паренек настырно развернул маляву, пришедшую в карцер от баландера. [37]

Текст гласил ровными печатными буквами:

КАТОРЖАНЕ В ИЗОЛЯТОР ПРИБЫЛ ВОР –

АЛИК АЛАПАЕВСКИЙ.

Он везет общак в строгие лагеря.

И просит душевно собрать грев

на благо воровское!!!

Маляву переписывайте

и распространяйте по хатам

да хранит бог удачу блатную.

Моисей Наумович аж застыл от подобного хамства: «тоже мне Ульянов-старший!»

- Эх, я бы послал, но у меня ничего нету. Даже переписать нечем, – развел руками сосед по наказанию.

Юнгеров, думавший как обустроиться на бетоне и не заработать радикулит, заржал, но спохватился, так как подумал, что обидел ветерана.

- А ты отдери кусок кожи, да кровушкой вора и подпиши! – заерничал бывалый Чернокнижник.

- Это слишком, – нахмурился паренек.

- Ну, страдать, так страдать!

- Не мной закон прописан.

- Тогда шнурки от кед загони Алику, как его, Гомельскому.

- Шнурки?

- Угу. Будет на чем повеситься, когда выверты его до воров дойдут. Или ты думаешь, он всю жисть по изоляторам трястись будет?

- У тебя опыт, конечно...

- Раз, конечно, – тогда давай сюда маляву. Не кручинься. Разрулим.

Моисей Наумович забрался на дальняк [38]. Отсидел, кряхтя, минуток десять и с младенческой улыбкой употребил воровскую маляву по назначению.

Эта метафора, с таким мастерством и назидательностью показанная миру, укрепила Юнгера в его правде.

Они с Чернокнижником еще долго разговаривали за все. Юнгеров учился у святых и мудрых

тому миру.

Закон – он ведь писан для тех, кто не знает, как устроена жизнь.

37

Раздатчик пищи.

38

Туалет.

Якушев (август 2000 г.)

Эта история случилась с Егором тогда, когда его роман с Зоей был в самом разгаре. Странно, что парень умудрялся еще и работать.

В ДЕЖУРНУЮ ЧАСТЬ РУВД ЛЕГКИЕ ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

29.08.00, В 16 О\М ПОСТУПИЛА ТЕЛЕФОНОГРАММА № 2587 ИЗ ПОКРОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ОТ ТОМ, ЧТО 29.08.00, В 12-20 В ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ ОБРАТИЛАСЬ ГР-КА СОЙКИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА 38 ЛЕТ, ПРОЖ.15 ЛИНИЯ, 40-12.

СО СЛОВ: 29.08.00, В 11-40 ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА МУЖ УДАРИЛ НОГОЙ В ЖИВОТ.

ДИАГНОЗ: ТУПАЯ ТРАВМА ЖИВОТА. СОСТОЯНИЕ НЕ ОПАСНОЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ.

_____ ЖУИ-1412 ПО 16 О/М

29.08.00, В 12-50 С ЗАЯВЛЕНИЕМ В ДЕЖУРНУЮ ЧАСТЬ 16 О/М ОБРАТИЛАСЬ ГР-КА СОЙКИНА Н. Н., ПРОЖ.15 ЛИНИЯ 40-12 О ТОМ, ЧТО 29.08.00, В 12-20 ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА ЕЕ ИЗБИЛ МУЖ.

НА МЕСТО ВЫЕЗЖАЛ УЧАСТКОВЫЙ ТИМОХИН.

_____ КП-239 ПО 16 О/М

ДЕЖУРНЫЙ КОЧВУСОВ ПРД ДОЛГОВ

Участковый Тимохин корпел над постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела. Четвертый раз гражданка Сойкина снимала побои в травмпункте и писала заявление на своего супруга. При этом в конце заявлений всегда недвусмысленно призывала:

«Прошу привлечь гражданина Сойкина А.Р. к уголовной ответственности».

Ситуация осложнялась тем, что через пару дней Надежда Сойкина вбегала в опорный пункт с причитаниями: «Андрей Геннадьевич, пощади! Не губи! Кормилец... чего не бывает... бес попутал... черт дернул...» Так как Тимохина уже трясло от ее жалоб на своего благоверного, продублированных в районную прокуратуру, а затем совсем иных интерпретаций происхождения синяков на лице, то он пробовал быть неприступным, циничным, бессердечным, грубым... Не помогало. Сойкина, проплакавшись, переходила в наступление и угрожала найти управу в приемной губернатора и в иных инстанциях. Далее она от слов переходила к буквам – так возникла переписка. И теперь Тимохина уносило вихрем входящих, спущенных сверху жалоб, заявлений, объяснений. Сойкину он боялся, как предсказуемое природное явление. Ее мужа он начал понимать.

Через невымытое в субботник окно на первом этаже Тимохин разглядел ситцевое платье, приближающееся через скверик. Посчитав, что это несется новая вводная по факту четвертого подряд материала об избиениях в быту, он вскочил из-за стола, шагнул к двери и провернул замок до отказа. Вскоре ручка двери резко вздрогнула. Попыток было несколько. Послышался стук, затем в дверь заколотили. При непонятном шебуршании Тимохин замер, прилипнув к двери спиной и раскинув руки. Сейчас с него можно было снимать немую фильму начала века, где замужную женщину мавр застаёт на квартире с любовником.

- Андрей Геннадьевич, откройте, пожалуйста! Я не по поводу мужа! – донеслось в замочную скважину.

Мерзкий для Тимохина голос стучался в прижатое к замку бедро. Он интуитивно глянул влево и вниз, понял, что заслоняет форменными брюками Сойкин обзор и прижался плотнее.

- Товарищ участковый, между прочим, приемные часы! У вас не частная лавочка! – пыталась прорваться скандалистка.

Неожиданно в ногу ткнулось что-то острое. Тимохин отскочил.

- Андрей Геннадьевич, я вас вижу!

Из крупной замочной скважины торчал кусок толстого белого провода. Тимохин в сердцах распахнул дверь и встал на пороге. Выражение его лица явно не предвещало профилактической беседы с гражданами.

- А я, между прочим, бандита вам поймала, – ничуть ни смутившись, заявила Сойкина вместо «здрасьте».

- Бандитами в Москве на Петровке занимаются, вы не по адресу.

- А погоны что ж нацепил-то тогда?

- Сии знаки отличия мне необходимы, чтобы выяснять, кто и сколько раз кого сковородкой на коммунальной кухне ухнул! А для точного выяснения траектории все той же сковородки необходимо доверие народа.

В этот момент в помещение втиснулся оперуполномоченный Якушев, он работал на этой земле пару месяцев, а Тимохин, соответственно, был участковым его территории. Помимо географического сходства, они были еще и одного возраста, а посему довольно быстро нашли

друг друга. Так что в их делах и делишках не было «дембелей». Тех самых, которые постоянно помыкают.

- Гражданочка, это не у вас в парадной выкрутили лампочку на 60 ватт? Так мы ее ищем, не переживайте, - бережно отстраняя Сойкину, но расслышав последние слова участкового, встрял Егор.

- Так будем брать бандита, али нет? - настойчиво продолжила та.

- Конечно! Но сперва надо перекрыть аэропорт и вокзалы. Иначе несерьезная операция получается, - согласился Якушев.

Сойкина, оттолкнув Тимохина, привычно зашла в кабинет, уселась на место для заявителей, передвинула в свою сторону стопку бумаг и бесцеремонно листая их, сделала вывод: «Во, каждый день нас, баб, лупят! А тут два бугая над женщиной измываются!»

- Что тебе от меня надо, Надя? - надрывно спросил Тимохин, усаживаясь в свое кресло и вырывая у нее из ее рук материалы.

- Окна у меня выходят в «колодец»... - издали начала Надежда.

- Говно вопрос. Напишем главному архитектору города... - отреагировал Якушев.

- Напротив окно. Там недавно поселился молодой парень. Так вот, я лично видела, как он вечером вчера смазывал пистолет «ТТ».

- Почему «ТТ»? И чем же смазывал? - чуть спокойнее спросил Якушев.

- «ТТ», потому что у меня отец офицером был. Калибр - 7,62-е, вес пистолета с магазином без патронов - 854 грамма, начальная скорость пули - 420 м/сек. А смазывал ружейным маслом из баночки «ТОЗ». Между прочим, проворно смазывал.

- Убедила! - кто это сказал неважно, но восхитились оба.

Решено было проверить. Для начала осторожно глянули через окно Надежды. Через крупную тюль ничего не увидели, но в комнате кто-то был. Сосчитали номер квартиры и двинулись из соседней парадной, на ходу придумывая предлог.

- Ты участковым недавно?

- Ну.

- Вот, ходишь знакомишься с жильцами микрорайона.

- А что? Так действительно положено, - согласился Андрей.

Дверь им открыл тридцатилетний мужчина с козлиной бородкой.

- Добрый день. Я ваш новый участковый, фамилия моя Тимохин. Разрешите? - с этими словами сотрудники вошли в коммуналку.

- Моя фамилия Анушкин, я детский писатель, - представился жилец.

- Разрешите, мы пройдем на кухню. Я бы лучше со всеми жильцами сразу переговорил, - предложил Тимохин.
- Пожалуйста.
- Вы действительно настоящий писатель? - удивился Якушев.
- Надеюсь, - поперхнулся недожеванной корюшкой Анушкин.
- Отлично. Лекцию у нас в отделении прочитаете? - по ходу длинного коридора предложил Тимохин.
- О чем? - поднял брови детский сказочник.
- О вреде курения, - придумал Тимохин.
- Или о пользе чтения, - добавил на ходу Якушев.
- Я, право, не знаю... - уклончиво отреагировал Анушкин.

Проходя мимо различного калибра, цвета и отделки дверей, Егор с Андреем стучали и приоткрывали их: «Товарищи жильцы, новый участковый... милиция... на пять минут».

Жильцы подтянулись быстро. Молодого парня среди них не было.

- Все в сборе? Постояльцев в вашей квартире нет? - начал митинг Тимохин.
- Николай, наверное, не слышал. Сейчас позову! - откликнулась молодая девчонка и нырнула в занавешенную простынями темноту коридора.

Показался сутулый паренек. Он так и не вошел на кухню, оставшись подпирать облупившийся белый косяк. Глядел он пристально, нехорошо так глядел.

Тимохин заученно начал молоть галиматью о профилактике и тех. укреплённости, взаимодействии и равнодушии. На собраниях, при постороннем руководстве, еще не такую глупость состряпаешь. Так что опыт был.

Между тем Якушев, извинившись, «вспомнил», что ему надо позвонить и ушел в недра того же коридора. Он демонстративно-шумно пару раз крутанул трескучий диск и принялся импровизировать разговор якобы с дежурным: «Дежурный... это Якушев... завершаем обход жилмассива на предмет инструктажа граждан... буду отзваниваться...». Пародируя длинный доклад «душному» дежурному, Якушев аккуратно положил трубку на полку рядом с телефоном и крадучись подошел к нужной двери. Заглянув внутрь и увидав крохотную выгородку без признаков посторонних, он ухнул в сторону кухни: «Неудобно, я из посторонней квартиры звоню... ладно... мне записать не на чем - запомню».

Баночку ружейного масла «ТОЗ» он увидел сразу. Она отсвечивала на полке серванта и множилась внутренним зеркалом. Якушев отодвинул штору и отпрянул: из противоположного окна, буквально в паре метров, высунулась Сойкина и конспиративно, одними губами шептала: «Давай! Давай!», при этом сильно жестикулируя. Жесты ее были сумбурны.

В это время Тимохин закончил очередную бредовую трель и, переводя дыхание, косился на паренька. Кстати, соседи слушали Андрея завороченно - от его оборотов веяло магией формуляров и незыблемостью системы. Одно дело по телеку говорящие головы слушать, другое

- живьем.

Вдруг парень резко мотнул головой – он услышал звуки зуммера, доносящиеся из неположенной на рычаг трубки. Чутье опередило мысль – парень тихо исчез, а в коридоре рванул к комнате, разметая на своем пути простыни с толстых веревок.

Влетев в свою комнату, он увидел фигуру Якушева, бережно раздвигающего фотографии в ящике серванта. Фигура выпрямилась и развернулась. Оба все поняли. Парень с рычанием ухватился за край стола и прижал Якушева к серванту. Затем, оторвав руки от столешницы, он бойко схватил вазу толстого синего стекла и швырнул ее в лицо Егора. Ваза разбилась – но не об голову оперативника, а об пол. Но после. Сначала острым краем она вздула ему обе губы. Через треть секунды в проеме дверей замаячила быстро приближающаяся милицейская форма в звании младшего лейтенанта. В этом направлении тут же полетела массивная хрустальная пепельница, но, громыхнув о штукатурку, вылетела в коридор. Тимохин поймал парня за шиворот, когда тот уже успел вытащить из-под груды старых номеров «Огонька» пистолет. Якушев со столом наперевес добрался до них, перевернул стол, вцепился в плечо врагу и тут же получил рукояткой «ТТ» по щеке. Экспромт не удался, и зверек улизнул из комнаты.

С какого перепугу Анушкин именно в это время потащил кастрюлю со щами в свою каморку – неизвестно. Но результат был ошеломителен. Мешая друг другу, сотрудники втиснулись в коридор и рухнули на шевелящийся клубок из простыней, пары застиранных мокрых махровых полотенец, и Анушкина. Все это елозило в гадких, холодных и жирных щах. Рука Якушева скользнула в темноте во что-то скользкое, но твердое. Этим твердым он вслепую ударил в голову неприятелю. По визгу Егор понял, что лекция о вреде курения сорвалась, после чего он несколько раз ударил другую голову. Ухнул выстрел. Выстрела прихожая не вместила – в кладовке с гвоздя сорвался таз с ржавым днищем. Тем не менее, первое оцепенение прошло, и так как внутри никто не сопротивлялся, стали потихоньку разгребать завалы.

Огнестрельно раненых, как ни странно, не оказалось. Парня связали бельевой веревкой, а после того, как он очухался, вlepили пару раз и прикрутили скрученной простыней к батарее. Анушкин не отходил от раковины, надеясь, что холодная струя сможет повлиять на его изменившуюся внешность. Тимохин тем временем дрожащими руками пытался оформить изъятие оружия. Потом плюнул.

К Егору подошла соседская девочка лет шести и, указывая на «ТТ», спокойно заметила: «А правильно нам в детском саду говорят, что из-за игрушек только мальчишки дерутся».

Дисциплина в квартире рухнула.

- Шантрапа! У Тимофей Егорыча, прежнего квартального, все по струнке ходили!... Кто за этот день рожденья платить будет?! – надрывалась Мария Ильинична, старожил квартиры. – Это ж надо удумать! В форме, до зубов в погонах, а мостолыгами из кастрюли людей калечите!

Это была суровая правда. Первый удар подвернувшейся на полу сахарной косточкой достался в глаз Анушкину.

- В России всегда над писателями измывались, тетя Маша. Нам не привыкать! – исторически осмысливал происходящее Анушкин.

- Извиняюсь, – зло буркнул Егор и привстал.

- ...На сегодня все?! – раздался крик и стук захлопнувшейся двери. Это проснулся еще один сосед. Он работал таксистом в ночную.

- Сейчас бить будут, - прошептал Егор Тимохину. И они втроем постарались побыстрее исчезнуть.

Отмылись, отписали рапорта, отсоставляли документы только к вечеру. Паренек оказался известной в определенных кругах личностью по прозвищу Сопля. Во всесоюзном розыске за прокуратурой Балашихинского района города Москвы он именовался гражданином по фамилии Добрый. На редкость быстрая баллистическая экспертиза показала, что ствол «работал» за неделю до задержания в Куйбышевском районе.

Когда Тимохин и Якушев пришли в себя, в кабинеты районного уголовного розыска было не войти: руководство ГУВД вплоть до зама, руководство РУВД с начальником, сотрудники УУР - отделов трех, сотрудники ОУР... Самый нужный - следователь прокуратуры пытался объяснить, что нужно для того, чтобы грамотно оформить задержание. Его слушали лишь первые минуты, а затем все завертелось невпопад и само собой. У Доброго раз двадцать спрашивали фамилию, угрожали арестом - можно подумать, он надеялся на подписку о невыезде? Якушев пробрался к следователю и сочувственно сообщил: «Мы пошли? На днях вызовешь, допросишь». Прокурорский безразлично махнул рукой. Уходя, Тимохин успел шепнуть Доброму: «На очной ставке поближе познакомимся, перекурим... Извини, сейчас не до тебя и не до нас». Добрый руками в наручниках размазал кровь по скуле и попросил: «Чаю принеси... индюху».

Закусывая докторскую колбасу пивом «Балтика», Егор с Андрюшой услышали голос вошедшей Сойкиной: «Ну, что я вам говорила!». Якушев попытался что-то ответить распухшими губами, но сообразив, что выглядит смешно и пьяно, лишь прикрыл ладонью рот.

- Уйди от греха, - вяло огрызнулся Тимохин и приложился к недопитому стакану.

На следующее утро дежурной частью ГУВД была «отбита» сводка:

В предыдущей сводке от 23.08.2000 года нами сообщалось об обнаружении трупа гр-на Шавшина Т.А. с тупым огнестрельным ранением головы в своей квартире по адресу Садовая 24, квартира 67.

По опер.данным начальника 2 отдела УУР Сидоренко, опер.группой УУР (старший зам. начальника УУР Ипатьев), при содействии ОПУ ГУВД при проведении оперативно-следственных мероприятий по уголовному делу № 87091, возбужденному прокуратурой Куйбышевского района по факту убийства гр-на Шавшина, задержан и изобличен в совершении данного преступления ранее судимый по ст. 146 УК РСФСР гр-н Добрый Севостьян Захарович, 11.01.1966., урож. г. Салехард, находящийся во всесоюзном розыске - циркуляр 098-89 от 25.06.1999., ст. обвинения 105, мера пресечения - арест.

С места происшествия изъят пистолет системы «ТТ».

При задержании гр-н Добрый оказал активное сопротивление, жертв среди личного состава нет.

Гр-н Добрый арестован.

Доложено в приемную министра МВД.

Ильяхин (прошлое, начало 80-х годов)

Чем плохи олени, так это неприхотливостью: ничего не хотят, кроме ягеля.

К. Симонов

На первый взгляд проблемка казалась чепуховой: стало известно место, где «дохнут скокари» – читай, где квартирные воры отлеживаются. Установили их полные данные. Все «пассажиры» оказались людьми с интересными биографиями и красивыми глазами. Верный информатор уверял, что в ближайшее время они пойдут на «хату». Оставалось лишь довести красавцев до места действия «разборной фомки хорошей стали и накрыть панамой». Вот это самое «довести» и портило настроение.

Быстро «выписать» наружное наблюдение районным подразделениям было невозможно всегда.

Быстро можно только выписать на него задание и прилагающиеся бумажки, затем уже медленнее подписать в семи местах, а потом... В общем, лишь когда вопрос исчезает, появляется служба наблюдения. Спасибо и на этом... Вот в Управлении, там несколько по-другому – там люди сурьезные, все больше глобально окружают. На них «наружка» неделями работает – связи отработывает.

Отсюда выход: топтать за жульем самим. А эту работенку из оперативников умело делать могут только «карманники». Остальные в глубоком подхвате. Нет, конечно, метров сто-двести проследить и иные могут, но что потом?

Вот старший «квартирников» Самдин и заглянул к Ильяхину за «помочью».

- ...Ильяхин, ну будь ты сознательным красноармейцем! Подсоби.

- Так у вас цельная группа по борьбе с «чердачниками»!

- Известен адрес, данные... – продолжал бубнить Самдин. – Два-три дня за ними походить группой и с поличным на квартире возьмем!

- Правильно мыслишь.

- Помоги!

- Так я не микроавтобус. У тебя же группа!

- Нам две машины дают...

- Ишь, ты! Хватай...

- А они с рынка в магазины, из метро по трамваям – потеряем же.

- Это точно, – не мог не согласиться Ильяхин.

- Так помоги.

- Не-а, не могу.

- Почему?

- Я лейтенант – ты майор. Я тебе не указ. В такой работе без приказаний никуда, а с твоим

инструктажем в трубу, как тетка Гульда, вылетишь.

- Тогда прикажут!
- Неужели?!
- Начальник ОУРН.
- Это вряд ли.
- Это почему же?
- Жисть так устроена, - философски заметил Ильюхин.
- Посмотрим, - завелся Самдин.
- В оба.

Вот так «без рук» закончилась перепалка между двумя сослуживцами. Майор Самдин тянул лямку исправно, не блистал, но был въедлив. Иногда, правда, ему сильно мешало самомнение.

Начальник ОУР Горчев начинал у отца Ильюхина в стажерах. В свое время он смог получить высшее холодильное образование (там у него ректором тетка трудилась), а затем массивный ромбик Академии МВД. Дипломы очень ценились в кадрах, но Горчев о них не помнил. О холодильниках, кстати, он знал немного: они белого цвета, в них прохладно, так как там лед и ручки у них постоянно плохо закрываются. Аббревиатура МВД смущала Горчева, как кирпичная кладка кремлевской стены. Всякий раз, когда он раздражался выходками Ильюхина, то заставлял себя вспомнить, что без его отца он майором бы стал, но какая цена такому майору?

В этот раз Горчев и не надеялся уговорить Ильюхина, зная причину отказа. Но что-то говорить он должен был?!

- Ну что тебе стоит, - банально начал Горчев. Слыл он человеком сердитым, тяжелым и неподкупным.
- Хотелось бы вспомнить предновогоднее заслушивание...
- И что на нем тебя задело?
- Реакция на мое замечание по поводу их эпохального задержания в «Октябрьской», когда они словили всех, кроме оружия в карманах...
- Помню, помню, кто-то хрюкнул не в масть, что ты даже не офицер.
(Ильюхину тогда действительно не присвоили первого звания).
- Так точно, ваше благородие.
- Ой, пропадите вы все пропадом!... А ты про оружие знаешь?
- Конечно.
- Как тебе не стыдно?! И где оно было?

- Где оно было?
- Да, да!
- В сумочках Иры и ее подруги, которые сидели с налетчиками за столом.
- Почему у них?
- Пока майор их окружал, ребяташки, как ни странно, «стрему» срисовали и наганы в сумочки к бабам запихнули.
- А ты откуда знаешь?
- Ира сказала.
- Когда?
- На следующий день.
- А ты откуда ее знаешь?
- Во-первых, я многих через батю знаю, а во-вторых, ее все знают.
- Откуда?
- Она внизу в рюмочной работает.
- Это та самая Ирина?!
- Конечно.
- Так что же ты молчал?
- На тот раз штатских не спрашивали, а утром она вернула оружие орлам. Так что поезд ушел.
- Вашу мать!... Слушай, помоги им... надо.
- Не смею указывать начсоставу.
- Все, иди... Дай таблицу дочертить, у меня чего-то кривая раскрываемости не туда загинается.

Каждая конституция, каждая инструкция в мире работает исключительно исходя из обстановки. А определяющее нутро этой обстановки – люди. Поэтому в данной системе координат жулик с улицы Моховой легко может перевесить интересы функционера с Главсбытхимпрома. А оперативник на месте происшествия запросто не поймет потерпевшего. Руководствуются не законом, а своими представлениями о правде. Бывает ли наоборот? Разумеется.

Сбегаю по лестнице РУВД, Ильюхин окликнул недавно выбранного им стажера: «Ранец, за мной!... Ты чему в дежурной части научиться хочешь? Вино унюхал, шельмец?» После чего привычно чертыхнулся про себя: «либо плут хуже нашего, либо такой, что только сваи им вбивать».

- Различные там ситуации... – откликнулся Хвостов, стряхивая сахарную пудру с рубашки.

Сержанты приволокли цыган с вареной кукурузой и сахарной ватой. Навалились всей сменой – дураки не дураки, а с роду таки. Хвостов, судя по разводам на щеках, не растерялся. Он вообще был ловок и увертлив.

- Ты сначала рапорт по пьянке научись составлять – ситуация!... Пирожками пахло...

- Завернуть?

- Ладно, пошли бродяжить, перекрестившись.

- Давай кого-нибудь собьем!

- От летчик! Стрелять не умеет, летать не умеет, а все туда же!...

Неудачное воззвание Хвостова обернулось в двухминутное бурчание.

При первом же правом вираже, свернув с переулка Крылова, Ильюхин наткнулся на Тюленя – вид с хвоста. Небрежное вихляние «крыльями», пробивающаяся с затылка ухмылка, полностью выдавали скрытые, намалеванные на «фюзеляже» «бубновые тузы». Старый знакомый уже спикировал на даму килограммов под девяносто и из широкого кармана фартука, шутя, вынул чужое добро. Добро из фартука переключалось в кулак Тюленя, а затем в его карман. С ленивого разворота, перейдя на бег, вывернув до упора подкрылки, а затем тормознув до трусцы, Ильюхин легко занял положение в воздушном пространстве, полностью контролирующее «друзбана».

- Атас, Тюлень! Руки в гору, ноги врозь! – обхватил корпус неприятеля советский ас.

- Покрышкин, здорово! Производственная гимнастика? – называя прозвище Ильюхина съязвил Тюлень. Когда-то, много лет назад, это прозвище воры дали его отцу. Когда он выходил работать «на линию», они передавали друг другу: «Атас, в небе Покрышкин!» Стараниями Ильюхина-младшего это прозвище впоследствии перешло и к нему. Он не огрызнулся. Напротив, это ему льстило.

Наконец-то две души соприкоснулись телами.

- Угадал. Шестую версту за тобой мерю.

- Мы решили, ты с непогоды на пенсию подал.

- Дамочку подбери! – огрызнулся на Хвостова Ильюхин.

Тот заерзал перед колонной в фартуке: «Проверьте, у вас ничего не пропало?»

- Ничего.

- Так не бывает.

Тем временем Ильюхин затаскивал Тюленя обратно в недра переулка Крылова. Переулок был набит милицейскими газиками со следами ржавчины повсюду, азербайджанцами, воркующими о вызволении родственника, прочим чудным людом. Народец по этому питерскому закоулку шастал бывалый – тертые калачи, мятые бока. Переулок Крылова являлся той дырой в пространстве, куда засасывало всех, кто имел авантюрные гены и кулацкую жилку. Тюленю так все надоело, что он даже не упирался. Ильюхина это забавляло, поэтому он его не тащил, а

просто держал за фалду пиджака. Сзади Хвостов многозначительно подгонял гражданочку.

Вывернув в дежурке нутро Тюленя обнаружили: пятьдесят семь рублей сорок копеек, огромный носовой платок и серую полоску бумаги с жирными пятнами. Женщина в фартуке бумажку признала и настаивала на том, что съев пирожок с рисом и яйцом, она не стала ее выкидывать – не увидела урны. Этот ее поступок так поразил милиционеров, что даже сам Павлиныч встал из-за перегородки и подошел пощупать бумажку. Павлиныч «родился» в этом прокуренном помещении лет двадцать пять назад и последние двадцать редко привставал со своего кресла, украденного его помощником из банкетного зала ресторана «Метрополь».

- ...Не колышит! Умысел был? – с этим бессильным воплем Ильюхин потащил Тюленя в отдельный кабинет. Он наконец догнал ситуацию: сзади Тюлень видел, как мадам, что-то свернув, засунула себе в фартук. Решил, что купюра, а посему «воткнул» не взглянув и убрал в свою кошелек. Тут случайно Ильюхин его и сцапал.

- Ядовитый ты человек, Покрышкин! – усмехнулся Тюлень.

- Будет.

- За город стыдно. Везде наплевано. Подобрал сор, так меня в кутузку!

- Откуда бредешь?

- С Кары, дядюшка, что на реке Шилке. Зимовал там. Три года на цепи сидел, которые сутки не ел.

- Тогда пошли в крайнюю избу маяться.

- Спасибо за стол! Ем прошеное, ношу брошеное, живу краденым. Аль у тебя сомнения?...

А наглая рожа Хвостов в соседнем помещении не отпускал потерпевшую, уверяя, что таков порядок.

- Какой порядок? Что вам от меня надо! Полчаса маринуете!

- Гражданочка, не кипятитесь. Вот понятые скоро понадобятся, вы поприсутствуете, все время бежит скорее, – увидел такую перспективу использования Павлиныч.

- Да, идите вы!

- Вас не поймешь, гражданочка. То окурки по Садовой собираете, то сквернословите в общественном месте.

- Да вы оглядитесь по сторонам! Общественное!... Больше похоже на отхожее! – создав воздушный вихрь, женщина на скорости нервно вылетела из отделения.

Кстати, что это она как с цепи сорвалась? Атмосфера висела не такая уж напряженная: всего двенадцать пьяных, из них двое битых. Ну, пол чуток замарали, местами облевали, а в общем-то только заплевали. Ну, не насрали же! Известный коммунальный буян Сеня Каль лежал посередке дежурки связанный ласточкой. (Для дилетантов: это когда ноги и руки за спиной скручены одной веревкой.) Сене уже надоело материть Павлиныча, а слюну свою он давно всю истратил. Правда, ни разу не попал. А вы сподобьтесь! Не удобно, снизу-то. Сеня замер. Случайно забредший работник кадров не прислушался к его молчанию, и тогда Сеня, ловко

подпрыгнув изгибом груди, прокусил ему кед. Сержант Пришодько скучно ударил Сеню несколько раз по голове резиновой дубинкой. Сеня застыл, не выпуская изо рта обувь капитана милиции. Тогда сержант наступил сапогом ему на спину – Сеня по-христиански открыл глаза и разжал зубы.

А через решетку «аквариума» Надя-дура в пятисотый раз сообщала Павлинычу, что он тварь. На четыреста девяностом Павлиныч возмущенно мигнул. Впрочем, голос ее слабел. Чуть поодаль, доставленная за продажу с рук кукурузы в неустановленном месте, цыганка Клара умудрилась украсть журнал информации происшествий, после чего, отпросившись в уборную, разорвала его в клочья. Здесь же отпущенный Жармухамедов категорически не желал брать чужой паспорт, а напротив желал получить обратно свой. Павлиныч уверял его: «Какая тебе разница? Вы так похожи... А твой я, наверное, лезгинам отдал»...

Тем временем два монолога продолжались.

- Покрышкин, не солидно.
- Не буксуй.
- Не тоскуй.
- Все равно поймаю.
- Все равно обману.

При этом они оба резко разводили руки в стороны. На ускоренной записи можно было подумать, что двое, сидя, репетируют танец в присядку.

- Щас в рыло получишь!
- Привычные... Ты человек казенный, мы промысловые... Так вынимать щи из печки? – намекая на магарыч за беспокойство, спросил Тюлень.
- Я не басурман, – скривился Ильюхин.
- Уважил. Пойдем-ка, зачерпнем водицы, а то нутро пересохло.
- Пойдем, родителей не спросясь, – Ильюхин тут уже согласился.

Павлиныч с завистью проводил их взглядом: «К вечеру ужрутся, будут песни арестантские горланить, перепачкаются. А назавтра вновь друг за дружкой гоняться».

И для чего голова в плечи ввинчена? То ей думаем, то ногами.

Через пару часов Ильюхин с Тюленевым поборолась на руках, разбив салатницу; обсудили порядки в Челябинском центре 1967 года, сделав особый упор на конфликт вора Сама и корпусного прапорщика. Затем Тюлень на спор вынул левый шнурок из ботинка у рядом сидящего нэпмана, а Ильюхин успел прицепиться к официанту: «Чем, пингвин, не доволен?!»

Закончилось все чудом, то есть невозможным событием из сгустков желаний: в четыре ноль две ночи Тюленев, как своему, показал Ильюхину заграничный паспорт и кредитные карты японца. Документы он украл третьего дня у входа в Петропавловскую крепость и хранил их в нычке – в одной из проходных парадных на улице Софьи Ковалевской. События приняли единственно возможное в тот момент решение – отдать все иностранцу, после чего Ильюхин

установил его номер в гостинице «Москва». Выработал он и легенду чудесного обнаружения, а именно: два дня искали, шесть раз перекуривали, но нашли-таки злодея.

Японец был приятно поражен в пять утра и пригласил всех на зеленый чай с редкими кусочками рыбы. Виски он купил потом – никуда не делся. Литр ячменной водки закончился через двадцать минут. Таксисты-отстойщики в семь утра сказали правду: «Ребята, ну действительно мы вам последних две бутылки продали». Все равно продолжился путаный диалог на сказочном универсальном языке. Тюлень долил в чай что-то со стола, и это что-то оказалось острым соевым соусом. Выпили. Японец зажмурился, а Ильяхин признал: «Вещь!». Наконец туриста угостили из пластмассовой бутылочки освежителем для ванн «Элегия». (В те годы любая пластмассовая бутылочка содержала критерий «вкусно»). Это было уже в закрывающемся валютном баре. Житель острова Хоккайдо согласился – он давно внутренне собрался на тот свет. На неплохом русском островитянин оценил аналог ихнего ацетона: «Ишь!!!» Напоследок он прекратил улыбаться и упал в женском туалете. Если бы он умер, а дело бы при этом происходило в год принятия первого Уголовного кодекса Советской власти (для дилетантов: революционное глобальное правотворчество состоялось в 1922 году), то к оставшимся в живых было бы применено примечание ст. 143 главы V раздела первого, которое гласило: «Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не наказывается».

На утро Ильяхин замер над текстом рапорта, который его буквально заставили написать, потому что положено, в конце концов. Незадолго до этого на утренней сходке начальник ОУР Горчев чертыхался, теребя исписанный листик с красивыми иероглифами: «То жалобы пишет, что обворовывают, то благодарит за содействие, но не может вспомнить кого. Второй раз прочухал свои документы! Пианинное светило, понимаешь ли!» Ильяхин насторожился, порылся во внутреннем кармане пиджака и обнаружил паспорт подданного страны Восходящего солнца.

– Ну, Покрышкин, выручил! А то тут с дирекции филармонии звонили: мол, будьте добры, постарайтесь найти, он у нас к тому же приболел, – порадовался Горчев. – Школа! Учитесь, крупа. Тогда и вам разрешу на работе выпивать чуток.

Секретно

Начальнику ОУР Куйбышевского РУВД майору милиции Горчеву Т. Т.

Рапорт

Докладываю, вчера, 21 июня 1989 года, проводя оперативные мероприятия по установлению неизвестного преступника, совершившего хищение личного имущества гр-на Японии Оцу Шитру в доверительной беседе с гр-ном М., подготавливаемым мною к негласному сотрудничеству в качестве доверенного лица, установил, что документы украли его знакомые воры-гастролеры из города Луганска по имени Саша и Сережа. Документы и ценности, кроме валюты, отдали гр-ну М. на хранение. Выработав с кандидатом на негласное сотрудничество легенду, он передал документы и ценности мне для возвращения иностранцу от лица сотрудников милиции. Кандидату на сотрудничество дано задание принять меры к установлению точных данных своих связей.

Паспорт и кредитные карты в количестве четырех штук прилагаю к рапорту.

Младший оперуполномоченный

лейтенант милиции Ильюхин

В этот миг Тюлень в Пассаже шарахнулся от очередной жертвы, испугавшись своего отражения в витрине. Похмельный мозг, облитый экспериментальным моющим средством «Элегия», этому отражению просто не поверил. «Тюлень» боднул лбом угол стеклянной кассы. Кожа на голове вспухла, а кассиршу пошатнуло на высоком табурете...

...Недели две, встречаясь глазами с разных сторон Невского, им было неудобно друг перед другом. У Ильюхина было чувство – будто он что-то украл. У Тюленя – будто что-то продал.

Штукин (прошлое – сентябрь 1999 года)

Однажды вечером Штукин заглянул в кабинет к оперуполномоченному Жене Радину, у которого обычно собирались те, кого никто не ждал дома. У Радина уже сидели Уринсон и Потемкин. Молодые люди откровенно маялись, всем хотелось выпить, а денег не было совсем. Самое неприятное заключалось в том, что и занять было не у кого, поскольку лимит и доверие дежурной части себя исчерпали. Так называемую «девятку», то есть средства, выделенные на материальную помощь спецаппарату (осведомителям) давным-давно уже списали на кормление понятых, правда, сами понятые об этом и не догадывались.

Достав из смятой пачки «Петровских» последнюю сигарету, Радин неуверенно предложил:

- Может, на «пьяный угол» нагреем?
- Перебор! Позавчера с убийщиками и так пол-ящика смели у барыг, совесть надо иметь! – возразил Уринсон.
- А чего это убийщики на чужой каравай залезли? – разозлился Радин.

Уринсон постарался защитить убойную группу:

- А ты знаешь точное место, где концентрируются убийцы?

Потемкин вздохнул и уныло выдвинул еще одно предложение:

- Может на рынок к черным?
- В лицо знают – не откроют! – Радин знал, что говорил.

Последний спонтанный набег залегенированный под операцию «Эмигрант» на Андреевский рынок закончился целой делегацией от администрации рынка к начальнику УБЭП района. Шуму было много. Начальник УБЭП пообещал принять меры и таковые попытки действительно предпринял.

- А кто от следствия? – поинтересовался Штукин.
- Маленкова, – криво ухмыльнулся Уринсон.
- М-да... – повесил голову Валера. Маленкова была майором милиции, женщиной с интересной

судьбой и богатым жизненным опытом. Безденежных оперов она на своем веку видала и перевидала. Маленкова, если и давала в долг, то только под залог табельного оружия. А у оперов оружия на руках не было, им временно запретили его выдавать, после того как Уринсон в кафе «Бригантина» выстрелил в барабан музыканту Лыскову. Штукин и Радин при этом дико гоготали. Лысков этот был однокурсником Уринсона и в свое время не давал Боре списывать...

Штукин почесал затылок и встрепенулся:

- А может быть, что-нибудь из вещдоков продадим?

Четыре пары глаз начали осматривать кабинет Радина, но ничего ценного, кроме двух треснувших лобовых стекол от «москвичей» и бампера от старой «Волги», не обнаружили. Все тяжело вздохнули. И в этот момент в кабинет через неплотно прикрытую дверь юркнул непонятно откуда взявшийся щенок. Он вперевалячку подбежал к столу, на котором сидел Радин. Опера молча уставились на будущую собаку.

- Дверь в ОУР не заперли, что ли? - предположил Радин.

- Слушайте, а щенок-то породистый! - родился преступный умысел у Уринсона.

- А ты что - собаковед? - съязвил Штукин, хотя и он отлично понял, куда клонит собрат.

- Породистый щенок всегда имеет толстые лапы, толстый живот. Толстую шею... - подняв взор, Потемкин считывал информацию с потолка.

- Это ты породистого коlobка описываешь! - засомневался Штукин.

- А в Китае собак едят! - ни с того ни с сего вспомнил Уринсон.

- Ну, ты вообще уже того! - спохватился Штукин. - А еще в Академии госслужбы учился!

- Действительно, где мы его варить-то будем? - удивился Потемкин.

- Очумели совсем! - рявкнул Штукин и отечески взял щенка на руки. - Не хватало, чтобы нас застали при попытке сварить собаку в кастрюльке при помощи кипятильника!

- Ну, знаешь, голод - не тетка! - обиделся Уринсон.

- Так мы по стакану вмазать хотели или сожрать кого? - разозлился из-за того, что главная тема беседы ускользала, Потемкин. - Ошейник какой у него дорогой...

- А что, с ошейником собака потеряться не может? - предположил Радин.

- В коридоре ОУРа? - возразил Валера. - Смотри-ка, урчит, посапывает.

- Между прочим, породистые щенки до сотни зеленых стоят! - сформулировал, наконец, идею Уринсон.

- Какой породы? - заинтересовался Радин.

- Породы! - передразнил Уринсон. - Нынче все редкие породы в моде. Породистой породы!

- Мы же не против, - сказал Потемкин, внимательно взглянув на Штукина. - Этот какой породы?

- Я думаю, овчарка, - предположил Уринсон.
 - Овчарка - это банально! - не согласился Радин. - Какие породы еще знаете?
 - Пудель! - ожил Штукин.
 - Артамон! - взорвался Радин. - Он же у тебя в руках - какой он на хрен пудель!
- Воцарилась пауза.
- Гончие есть, - слабо надеясь, что предложение будет принято, огласил Уринсон.
 - Сам ты легавый! - хрюкнул Потемкин. - Ты кино про царей смотрел? Там гончие худые! А у нас - в форме тефтели!
 - Знаете, он у нас кто? - осенило Уринсона.
 - Господи, кто?! - насторожился Валера. - Только не пугай!
 - Я вот только не помню, как они точно называются, - начал Уринсон. - Чу-чу, там, или Чав-Чав... Их едят, как деликатес...
 - Ты слышишь себя-то? Чав-чав!!! - расвирепел Штукин. - Тебя чему в твоей Академии учили?!
 - Действительно, как мы его продавать будем? - поддержал Штукина Потемкин. - Купите Чав-чав, пожалуйста! Несолидно!
 - Ну вас!... О! Есть еще порода шпиц! - вскрикнул Уринсон.
 - Это более-менее, - остался доволен Потемкин.
 - А шпиц будет чавским! - смекнул Радин.
 - В каком смысле? - недопонял Уринсон.
 - Ну, овчара немецкая... там другая порода ирландская, я слышал... а шпиц наш Чавский, - выстраивал логическую цепочку Радин.
 - Во! Придумал! - заорал Уринсон. - Порода эта шпицчав называется!
 - Точно!
 - А что, - красиво!

Уринсон выглянул в коридор и отпрянул. Там он увидел дежурного по отделу Шулого и какого-то приличного гражданина, оба растерянно оглядывались.

- Шухер! Кажись хозяин! - предупредил Уринсон. - К нам жало засунут, как пить дать!

Штукин приподнял щенка и хаотично начал метаться по кабинету. Усмотрев огромную коробку на шкафу, он привстал на цыпочки и по баскетбольному скинул в нее бедное животное. Раздалось шуршание, затем всплеск и бульканье. В коробке почему-то оказался старый аквариум с дохлыми рыбками, скисшей коричневой водой и такого же цвета мертвыми водорослями.

- Куда ты его! - встrepенулcя Радин и, подcтавив табуретку, вытaщил мокрого испуганного щенкa обратно.

На табуретке было по-партизански вырезано перочинным ножом: «Радин, я тебя не боюсь!» и фломастером - «Всех лeгавых топить в сортире».

Как Женя ни морщился, но все равно замочил пиджак. В кабинете пахло погребом. Щенок громко заскулил, наглотавшись водорослей, и задергал лапами. Потемкин с перепугу схватил валяющуюся около батареи форменную ушанку и прижал к его морде, озираясь на дверь. Они были похожи на театральных злодеев, скрывающих зерно от продотрядов.

- Не утопим, так задушим! - застонал Штукин.

- Поздно! Не отдавать же в таком виде! Потом будут говорить на совещании, что допились до белой горячки, собак пытали! - достаточно резонно парировал Потемкин, оторвав на секунду шапку от щенка. Щенок успел набрать прокуренного воздуха в легкие.

Действительно, недавно в ГУВД пришла жалоба, что оперуполномоченные Потемкин и Уринсон надевали противогаз на задержанного Хутькова Д.Б. и пережимали шланг, что явно свидетельствовало о практике пыток в ОУРе. Справедливости ради надо заметить, что гражданин Хутьков Д.Б. забыл указать мотивировку «палачей». А задержал его Штукин, когда он висел на водосточной трубе и подсматривал в незакрашенное окошечко женского отделения бани. По району в то время шла серия развратных действий в отношении малолеток. Хутьков оказался не причем, но, тоже... нечего! Да и профилактика ему.

Ручка двери повернулась. Спасло лишь то, что с первого раза она открывалась последний раз лишь пять лет назад.

Радин с грохотом выдернул нижний широкий ящик своего стола, а Потемкин затолкал туда собаку, вдавив ее все той же шапкой в глубь ящика. Радин лихорадочно набросал туда шматок скомканной копировальной бумаги и прижал живое существо контрольно-наблюдательным делом под условным наименованием «Вурдалаки». Это КНД уже вторую неделю разыскивал проверяющий из штаба. «Не могло пропасть! У нас ничего не теряется. У нас плохо находится», - уверял начальник отдела. Уринсон и Штукин грохнулись на диван с отломленной спинкой, успев включить телевизор «Самсунг». «Самсунг» включился на девушке, которая очень громко призывала верить в Христа, носилась по сцене и причитала. Пульты под рукой не было, поэтому унять ее не удалось.

Дверь распахнулась. В кабинет бодро шагнул Шулый. За ним - недоверчиво озираясь, добротню одетый мужчина лет сорока в импортных очках.

- Тут у гражданина пытались Жигули угнать... - начал беседу Шулый.

- Так пытались же, - нервно-безразлично перебил Штукин, не отрывая взгляд от экрана.

- Он пришел делать заявление, - повысил голос Шулый, пытаясь перекрыть баптистку. - С собой принес щенка.

- Щенками при старом режиме брали, - сыронизировал Потемкин, скрестив руки на груди.

Что-то в интонации Потемкина дежурного опера насторажило.

- Щенок этот, пока мы беседовали, пропал, - тон Шулого стал понемногу густеть.

- А он свидетелем проходит у тебя? - поинтересовался Уринсон.

Потерпевший уже успел протиснуться в кабинет, нервно озираясь. Он явно не ожидал увидеть в кабинете угрозыска, что два сотрудника сидят перед телевизором, который голосом профессиональной миссионерши надрывался: «...Бог сотворил человека с состоянием поиска... Ибо оно не от нас изошло, то есть Бог будет разбираться, когда срок закончится... Если нет общения с творцом, то много людей гибнет... Что же приводит к жестокосердию?».

Уринсон, перехватив взгляд, объяснил: «Цельный день душишь гидру. Часок-другой душой помягчать! А вы не веруете? Вам жить под гневом божьим!»

Потерпевшего дернуло перекреститься, но он удержал себя.

- Я чего-то не понял по поводу щенка? Это что, намек? - встал из-за стола Радин.

В этот момент щенок завозился в ящике. Уловив звук, Радин истерически шарахнул носком ботинка о ящик стола и, брызгая слюной, пошел в атаку:

- Без году неделю в сыске, а уже голосок прорезался! Это тебе не лицензии у ларечников проверять!! Мы вчера у Нателлы с пятой линии Костю-Волго-Дона взяли! Четырежды в федеральном розыске! Он Канаеву полгривы отодрал!

- Ты чего, контуженный? - опешил Шулый. - Я просто спросил.

Потерпевший, почувствовав недоброе, вынырнул в коридор.

Потемкин поддержал инициативу:

- Просто не так спрашивают! Ты приди, с кока-колой «Лайт», посидим...

- Ну вас, к лешему, - бывший сотрудник УБЭПа хлопнул за собой дверь.

- Не на таких напал! - буркнул гордо Радин, рассматривая впопыхах взятую в руки фотографию. - И вообще, что это за харя на моем столе? - фото он развернул к коллегам.

- По-моему, без вести пропавший какой-то, - поднатужился Штукин.

- Значит я правильно его, как налетчика, показываю всем терпилам. Может срастись, - удовлетворенно сказал Радин.

- Да, некрасиво получилось бы, если бы такого вернули, - вынимая затравленное и оглушенное животное из ящика, сказал Потемкин.

Радин зашвырнул фотографию в глубину ящика вместо щенка.

- Боря, проверь, - мотнув головой в сторону двери,скомандовал Штукин.

Уринсон ухом приложился к косяку и огласил:

- Стоят в коридоре, шепчутся.

- Не доверяют значит, сволочи, - приговорил Штукин.

- Давай-ка через окно его вынесем! - осенило Потемкина.

Уринсон и Штукин вышли из кабинета, насвистывая. Вызывающе прошли мимо Шулого и потерпевшего. Подошли со стороны улицы к окну. Постучали тайным стуком.

- Тук-тук. Не здесь ли торгуют шкурками ондатры? - постучал Уринсон.

- Свои, - отозвался Радин и начал операцию.

- Передавай!

Завернутого в грязное вафельное полотенце щенка Радин начал пропихивать в форточку. На полотенце можно было разглядеть чернильный штамп: «Роддом № 4».

- Держишь?

- Держу!

Щенок дернулся телом и выскользнул. Упал он между рам. Окна не мылись и не открывались с полвека. Щенок мягко приоконился в сноп паутины, ваты, хабариков, обрывков бумаг.

- Тварь какая! - разозлился Потемкин.

Щенок безумно запищал и зацарапал стекло.

- Твою мать! Ничего по-человечески сделать не можешь! Доставай быстрее! - нервничал Штукин.

Радин быстро сообразил, что рука не достанет до подоконника между окон. Ставни были прилипшие намертво. Выдернув провод из неработающей лампы, он слепил петлю, опустил ее в проем и умело подцепил бедного щенка посередь туловища. С трудом его подняли и высунули-таки в форточку. Коллеги на улице его приняли и быстро спрятали за пазуху Уринсону, укутав в то же полотенце, уроненное пару раз в лужу. Штукин и Уринсон, отбежав от РУВД, дождались Радина. Радин с Потемкиным, облизывая запястье, зло прошипел: «Укусил! Собака!»

И только теперь они подумали: «А кому продавать-то?» После коротких препирательств сошлись на заведующей секции «Вина» гастронома «24 часа» на Среднем. Заведующую звали Аэлита. Чего смешного? Это ее родителей благодарить нужно.

Штукин имел с ней непродолжительную связь. Связь прервалась из-за оговорки Штукина - он назвал Аэлилу Леной. Он объяснял потом, что Лена - это сокращение от Аэлиты. Но заведующая не согласилась. Она посчитала, что Лена - сокращение от Елены Пруштиной, ее сменщицы.

В дверь ее квартиры позвонил Радин.

- Кто это, ночью? - услышали они недовольный женский голос.

- Это Женя Радин. Открой на минутку, - елеиным голосом откликнулся опер.

- Незачем открывать! Так говори!

- При чем тут выпить! Мы тебе ризенчау приперли! - произнеся это, Радин подумал о том, что о другой породе, вроде бы, договаривались.

Заведующая настолько не ожидала этого «ризенчау», настолько не поняла, что это такое, что, повинуясь женскому любопытству, открыла дверь. Свет из квартиры упал на ее давних знакомых. Уринсон решил ошеломить товаром. Он резко вытащил из-за пазухи щенка и сунул женщине в физиономию.

Аэлита, подняв руки к вискам, завизжала.

Зрелище было не для слабонервных. В руках Уринсона еле живой, испачканный мордой в черной копировальной бумаге, склизкий и вонючий из-за плавания в аквариуме, обмотанный межоконной паутиной шевелился щенок. Он шипел, как змея.

- Чего ты орешь! - начал успокаивать свою бывшую любовь Штукин. - Для тебя же старались.

- Что это? - прижимаясь к дверям, еле смогла выговорить Аэлита.

- Щенок это! Редчайшей породы - шпиц, какой-то там, хрен выговоришь! Таможенники знакомые принесли. Иностранец один хотел нелегально переправить к себе в Англию. У них там это, знаешь, сколько стоит?

- Сколько? - машинально спросила Аэлита.

- Сто баксов! - не выдержал Потемкин.

- Дурак ты! Это у нас сто баксов, а у них вообще!!! - покривился оговоркой Штукин.

- От меня-то что вы хотите?

- Вот ты даешь! Ты ведь хотела себе кого-нибудь... Сама говорила - мужика нет!

- Ну уж лучше с такими мужиками как вы, чем с этим чудовищем!

- Он что, чуть грязноватый-то? Его в трюме, в тайнике хотели с Родины увезти, - объяснил Радин.

У Аэлиты появилось подобие саркастической улыбки.

- Слово офицеров! - упрочил ее сомнения Потемкин.

- Дремучая ты баба! Знаешь какая оперативная обстановка в районе? А мы знаем! Шапки снимают - раз! Развратные действия - сериями - два! - начал объяснять тяжелые перспективы жизни без собаки Уринсон.

- Наконец-то! Хоть бы кто развратил!

- Берешь или нет?! Утро скоро! - не выдержал Радин.

- Сколько?

- Для тебя полтинник! - ухнул Радин и сам не поверил своей наглости.

- Зеленых! - добавил Штукин.

По гримасе Аэлиты стало ясно, что цена ее несколько не устроила.

- Да нам таможенникам полсотни отдать надо! - мотивировал цену Штукин.

- И пограничникам!... - поставил точку в торговле Потемкин. - И, если по правде, мы на должностное нарушение идем.

Тут Потемкин слукавил. Это было самое неприкрытое хищение в организованной группе. Суд усмотрел бы и «неприкрытую цинизму».

Высокая дореволюционная дверь с вздохом захлопнулась.

- Не прокатило.

Оперативники уныло вышли из парадной.

- Куда его теперь девать-то? - брезгливо осведомился Уринсон.

Его рубашка промокла через полотенце. Он ощущал грязь кожей.

- Кинологу отнесем, хоть одна собака на РУВД будет, - решил Радин.

- Угу! Мы ее, как бактериологическое оружие супротив бандитов использовать будем, - хмыкнул Уринсон.

Сокращая путь проходными дворами, сыщики вышли в небольшой сквер. Слышно было, как скрипели качели и чиркали взрослые ноги по земле. Раскачивался мужчина и что-то похмыкивал несколько сидящим на деревянном парапете песочницы парнем. Сотрудники профессионально остановились, начали принюхиваться.

- Шелкоплас Олег Васильевич по прозвищу Мыло, его централы просили отловить, поручениями завалили... - считал файл из своей памяти Уринсон.

- В чем проблема?!

- Да ни в чем, атакуем!

Излишне шумно, громко переговариваясь о постороннем, оперативники подошли к компании.

- Пацаны, стаканом не угостите? - попросил Уринсон и швырнул щенка в лицо Шелкопласу. Щенок повис на рубашке у жулика. Следующие действия Уринсона были такими: он со всего размаху пнул подошвой злодею в грудь. Качели отъехали. Парень согнулся, но встал на ноги. Щенок хряпнулся на землю. Второй удар - ботинком - пришелся в лицо. Он уткнулся в землю, придавив щенка. Щенок под телом ранее судимого Мыло выглядел, как цыпленок табака, прижатый к сковородке. Щенок закрыл глаза молча. Он думал, что умер.

В это время Радин и Штукин криками: «Лежать суки, уголовный розыск!!» повалили в песочницу всю компанию. Поднимая за волосы головы, прижатые лицами к грунту, оперативники причитали:

- Ребятки, главное не ерепеньтесь. Неохота в вас стрелять.

Стрелять, между тем, было не из чего.

- Подъем! - скомандовал Уринсон Шелкоплясу.

Тот, кряхтя, приподнялся и неожиданно, ухватив за заднюю лапу щенка, шарахнул им по Штукину. Валера отпрянул, что дало возможность щенку улететь в сторону и повиснуть на жестких ветвях кустарника. Шелкопляр отбежал на пару шагов, после чего он кадыком напоролся на бельевую веревку, заботливо растянутую между липами и рухнул на спину. На него прыгнул Потемкин и завернул руку за спину.

Уринсон подобрал шкурку, которая раньше была породистым щенком.

До РУВД опера доплелись спокойно, подпихивая задержанных. За Шелкоплясом приехали мигом, как только свели мосты. Жали руки. Обещали включить в приказ. Как впоследствии выяснилось - забыли. Остальных задержанных сфотографировали, дали по затрещине и выгнали. Сил беседовать уже не было.

Щенка положили на диван и отечески прикрыли милицейской рубашкой. Щенок уже не скулил. От всего пережитого он устал, похрапывая и улыбался во сне. Животик его мерно покачивался.

На утро начальник угрозыска Василеостровского РУВД Ткажевский, бегло похвалив за Шелкопляса, заговорщически начал расспрашивать о щенке:

- Слушайте меня, начальник РУВД сегодня с утра просит разузнать и найти какую-то собаку. Хер какой-то с администрации района или театра какого-то вчера потерял. Пришел к нам заявлять и потерял...

- Мы в курсе! И Шулый интересовался! Мы, как только оперативный сигнал по Шелкоплясу реализовали, так все дворы обошли. Вон он, в кабинете. Упарились!

На совещании в РУВД, посвященном ежеквартальному отчету служб, руководитель управления коснулся и истории со щенком:

- Хочется отметить не только отменные показатели группы по имущественным преступлениям. Недавно они вернули гражданину щенка, потерянного им. Кстати, начальнику блатной группы Мариинского театра! Вроде бы незначительный эпизод!...

Прокатившиеся смешки, вызванные оговорками, шеф не заметил.

- Вот именно - эпизод! - хрюкнул Шулый на втором ряду.

- Но... Во-первых, сколько труда стоило обнаружить собаку ночью - все понимают!...

- Боюсь не все, - хмыкнул Уринсон.

- ...Во-вторых, это сотрудники Штукин и Радин не стали формально рассуждать - чьи это обязанности, и футболить заявителя. Именно благодаря вот таким мелким, но добрым и крайне важным делам люди нам доверяют!

На заднем ряду Потемкин синтерпретировал: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай!»

- Что за оголтелый антисемитизм!... - вспыхнул Уринсон. Никто не понял, по поводу чего он так завелся - из-за упоминания Аллаха, или из-за того, что его фамилия не прозвучала в речи

начальника РУВД.

- Интересные дела! Я на рубашку попал - не отстирать, псиной воняет. Идея моя, Шелкопляса я опознал... и мимо кассы! - не унимался Уринсон, даже чуть приподнявшись со стула, как бы ища сочувствия у коллег.

Потемкин поддержал Борю вздохами. Радин и Штукин поскребли в затылках и поняли, что с них - «проставка»...

mir-knigi.org